

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

КРАСНОДАР

литературный

Сентябрь 2021

№ 3(5), СЕНТЯБРЬ 2021

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи просим направлять в электронном виде на адрес:

snmakarova@mail.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы публикуются в авторской
редакции.

За достоверность информации
ответственность несут авторы.

Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терёхин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. Макарова-Гриценко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):

В.В. Романов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР:

Н.Ф. Скударнов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хроники</i>	3	Виктор Логачёв	40
Прощай, писатель земли русской... Виктор Лихоносов. Некролог	3	Звезда упала. Повесть	
<i>Ольга Сафронова, Анжелика Салтанова</i>		<i>Людмила Бирюк</i>	50
Чтобы обязательно вернуться!	4	Река времён. Исторический роман (Продолжение)	
<i>Надежда Семёнова</i>	6	<i>Лариса Довгая</i>	79
Эллин из Горячего Ключа		На крестный ход. Путевые заметки (Окончание)	
Не стало писателя В.Г. Серебрякова	7	<i>Поэзия</i>	99
<i>Новые книги</i>	8	<i>Александр Раевский</i>	99
Геннадий Пошагаев. "Найти себя"	8	Мимо бед земных... Стихи	
Людмила Бирюк. "Гвардии Державин"	8	Поэтическая аллея	103
Владимир Архипов. "Пока дышу – любить спешу", "Горжусь тобой, родимый край!"	8	<i>Николай Ксендз</i>	103
Дмитрий Нестеренко. "12 подвигов Мав- рика"	9	<i>Евгений Харитонов</i>	104
Лидия Железовская. "В окружении слов"	9	<i>Лидия Жарова</i>	105
	9	<i>Владислав Птицын</i>	106
		<i>Курбеко Виктория</i>	106
<i>Имена и даты</i>	10	<i>Проза</i>	107
<i>Валерий Латынин</i>	10	<i>Вера Субботина</i>	107
Атаманская глава писателя Гария Нем- ченко		Добро не лихо, ходит тихо. Рассказ	
<i>Сергей Левичев</i>	18	<i>Татьяна Веретинская</i>	111
Григорий и Варвара Пушкины		Счастливый билет. Рассказ	
<i>Поэзия</i>	20	<i>Александр Остапенко</i>	116
<i>Виталий Серков</i>	20	Колобок 2.0. Сказка	
Смута. Венок сонетов		<i>Дебют</i>	119
<i>Нина Орлова-Маркграф</i>	23	<i>Екатерина Кириченко</i>	119
В России, в Сибири – зима... Стихи		Не знаю, есть ли в мире чудеса... Стихи и переводы	
<i>Владимир Романов</i>	27	<i>Сезонное чтение</i>	123
Недопетая мелодия души. Стихи		<i>Владимир Нестеренко</i>	123
<i>Юрий Манаков</i>	31	Дорожка. Стихи для детей	
Алтай ты мой зеленоглазый. Стихи		<i>Людмила Нацевич</i>	126
<i>Проза</i>	35	Ласточкино гнездо. Рассказ	
<i>Геннадий Пошагаев</i>	35		
Мальчики. Рассказ			

ПРОЩАЙ, ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ...

Литература России понесла тяжёлую утрату – 9 августа 2021 года на восемьдесят шестом году жизни скончался лауреат Государственной премии РСФСР им. Горького, Международной литературной премии им. Шолохова, кавалер ордена "Знак почёта", лауреат Патриаршей литературной премии, Герой труда Кубани и многих других наград, выдающийся писатель Виктор Иванович Лихоносов.

Навсегда ушёл истинный Мастер слова, чьи яркие, правдивые и удивительно лиричные произведения читали не только в России, но и во всём мире.

Родился Виктор Иванович Лихоносов в 1936 году, в Кемеровской области на станции Топки. Вскоре его семья поселилась на окраине Новосибирска. Когда мальчику исполнилось семь лет, на фронте погиб его отец. Каждодневный труд, скупые радости и неизбежные страдания, переживаемые людьми с мужественным достоинством, впоследствии воплотятся в его литературных творениях. Свои художественные ценности Лихоносов черпал из реальной жизни и с молодых лет был отмечен вниманием известных советских корифеев пера. Первый же его рассказ "Брянские", написанный им вскоре после окончания Краснодарского педагогического института, получил одобрение поэта А.Т. Твардовского и был напечатан в журнале "Новый мир". Затем последовали книги его повестей, рассказов, очерков: "Вечера", "Что-то будет", "Голоса в тишине", "Родные", "Осень в Тамани" и другие... В 1966 году Виктор Иванович становится членом Союза писателей СССР. Всемирную славу принёс Лихоносову роман "Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж" –

большое лирико-эпическое произведение, воссоздающее в сотнях действующих лиц, с их самобытным языком, в тысячах бытовых деталей, в неисчерпаемой мозаике событий, воспоминаний, легенд и реальных сюжетов исторический портрет столицы нашего казачьего края Екатеринодара. Роман "Наш маленький Париж" и другие произведения Лихоносова переведены на десятки иностранных языков.

"Нет, никому из нынешних писателей, да, думаю, и никому из будущих не дотянуться до той пронзительной щемящей ноты русской прозы, когда она читается как молитва. Таким даром от Господа был награждён единственный из нас – Виктор Лихоносов. Награда эта Виктору Ивановичу за его страдания и за его единственную любовь, любовь к России. Летописец нравственного состояния народа, писатель прожил с ним и в нём тяжелейшие годы войны и мира, и вновь войны, нищеты и бедности, хамство властей, убийство народного творчества, ограбление русского языка, вторжение чужеродных обычаев, оккупацию школы англоязычным образованием, вынес всё и всё перенёс, ибо верил в глубинные силы России, в живую энергию её корней. И главное – веру в её ни с чем не сравнимую, всё спасающую и всё прощающую и помогающую жить народную совесть. И всё покрывающую любовь. А Бог – это и есть любовь. И как целомудренно и удивительно писал он о земной любви как об отблеске небесной."

Читаешь романы, повести, рассказы, записки Лихоносова, а строк не видишь. Видишь то, о чём он пишет. Разгадать секрет такого восприятия литературы я не в силах. Слышу звуки речи, пение, вижу природу, полностью вхожу в события, которые описаны, становлюсь их участником, вот как это у Лихоносова получалось? Такой талант. Выросший в снегах и просторах Сибири, он испытывался потом жаркими ветрами юга России.

История России была для него кровной. Полное ощущение, что он жил в ней всегда: и при летописце Несторе, и в переломные годы позапрошлого и прошлого веков, и осознавал их во время одиноких вечеров в Пересыпи, посёлке на берегу Азовского моря.

Конечно, горестно думать о том, что он уже не позвонит, не скроет за шуткой очередное нашествие жизненных неурядиц, которых у него было великое множество и которые он мужественно переносил, но утешимся тем, что он так много свершил, такое словесное богатство оставил, что уже при одном взгляде на его книги становится отрадно: они написаны, они есть, они с нами, они о нашей единственной многострадальной великой России.

Подойдём к иконам и затеплим в память раба Божия Виктора свечу. Вечная память тебе, брат во Христе!" (Владимир Николаевич Крупин, русский писатель, сопредседатель Правления Союза писателей России, член Президиума Всемирного Русского Народного Собора, лауреат первой Патриаршей литературной премии).

ЧТОБЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВЕРНУТЬСЯ!

"Берега дружбы" – этот культурно-образовательный проект, который с 2012 года собирает в Неклиновском районе Ростовской области как молодых поэтов и переводчиков, так и признанных мастеров художественного слова, снова состоялся при поддержке Фонда президентских грантов, несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку в регионе. Торжественное открытие VI Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов "Берега дружбы" им. А.В.Третьякова, состоялось 29 июля 2021 года на базе отдыха "Олимпия" в сельском поселении Приморка Неклиновского района в присутствии членов президиума и жюри, представителей администрации Неклиновского района, почётных гостей и финалистов фестиваля-конкурса. По установившейся доброй традиции, на открытии "Берегов дружбы" были торжественно зажжены три славянские свечи, олицетворяющие дружбу и единство литератур России, Украины и Беларуси. Заместитель председателя Правления Союза писателей России В.В. Дворцов вручил главе администрации Неклиновского района В.Ф. Даниленко за многолетнюю поддержку фестиваля главную награду Союза писателей России "Медаль Шолохова".

В этом году фестиваль прошёл в формате Всероссийской открытой школы поэтического перевода. С 30 июля по 1 августа 2021 года отобранные компетентным жюри 25 молодых поэтов-переводчиков и 20 участников видеоконференции, выразивших желание участвовать в мероприятии в онлайн-формате, прослушали полный курс лекций с практическими занятиями по программе дополнительного образования "Особенности поэтического перевода (на примере русского, белорусского и украинского языков)" и получили сертификаты Луганского национального университета имени Владимира Даля.

"Бескорыстие, откровенность, вера в дружбу и щедрость составляют их обычные качества..." – эта цитата из книги великого русского писателя Антона Павловича Чехова, может быть отнесена как к преподавателям, так и к слушателям Всероссийской открытой школы поэтического перевода. Ёмкие и увлекательные лекции старшего преподавателя Луганского национального университета им. В.И. Даля Ларисы Алексеевны Бекрешевой были дополнены уникальными беседами о природе творчества с поэтом и переводчиком Сорочкиным Владимиром Евгеньевичем, а также с двумя прозаиками, поэтами, публицистами – Макаровой-Гриценко Светланой Николаевной и Дворцовым Василием Владимировичем. Практические занятия вела поэт и переводчик Ольга Игоревна Сафронова. Они были посвящены собственному творчеству слушателей школы. Авторам очень интересно было послушать, как звучат их стихотворения в переводе на белорусский, украинский, армянский, башкирский, крымско-татарский, кабардинский, осетинский языки и наоборот. Очень важно, что возможность задать вопросы и получить ответы была не только у присутствующих в конференц-зале участников, но и у тех, кто на протяжении трёх учебных дней неотрывно следил за трансляцией, благодаря современной технике информационно-выставочного центра Народного военно-исторического музейного комплекса Великой Отечественной войны "Самбекские высоты". Учебный процесс продолжался и вечером (ведь у каждого было домашнее задание), перерастая то в мастер-класс от более опытных переводчиков, то в выступления у свободного микрофона с чтением стихов и переводов в неформальной обстановке.

Все лекторы не могли не отметить живой интерес и неуёмную жажду знаний нынешних слушателей школы переводов.

И, конечно же, в эти жаркие летние дни на Неклиновской земле были подведены итоги большого международного конкурса, продолжавшегося в три этапа с ноября 2020 года по июль 2021 года.

В конкурсе поэзии и поэтических переводов участвовали молодые поэты из Беларуси, Украины, Луганской и Донецкой народных республик, Южной Осетии, а также из 21 региона России, в том числе Кабардино-Балкарской и Чеченской республик, республик Северной Осетии-Алании, Адыгеи, Калмыкии, Крыма, Удмуртии. Для участия в конкурсе было подано 126 заявок на русском, украинском, белорусском, аварском, армянском, балкарском, башкирском, калмыцком, крымско-татарском, осетинском и чеченском языках. Выполнили поэтические переводы и стали финалистами конкурса 73 участника. Жюри фестиваля провело большую и сложную работу по выбору победителей. Гран-При конкурса присуждена Сангаджигоряевой Герензел (г. Элиста, Республика Калмыкия). Среди лауреатов VI Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов "Берега дружбы" им. А.В.Третьякова – Круглов Роман (г. Луганск, Луганская Народная Республика); Ткачук Денис (г. Астрахань); Воронков Виталий (д. Образцово, Орловская область); Гассиева Анна (г. Цхинвал, Республика Южная Осетия); Кириченко Екатерина (г. Новокубанск, Краснодарский край) и другие поэты-переводчики из России и Беларуси.

25 финалистов конкурса получили специальные дипломы жюри в номинациях "Поэзия" и "Поэтический перевод".

Также в этом году прислали свои стихи и выполнили поэтические переводы 68 наставников из разных регионов и республик РФ, Беларуси, Украины, Луганской и Донецкой Народных Республик. Лучшие поэтические переводы финалистов и наставников опубликованы в итоговых сборниках (их в этом году девять).

Каждый участник вместе с дипломом получил ещё и коллективные сборники переводов, где мог найти свои переводы и переводы своих стихов на другой язык.

"Мои друзья – опора для меня!". Строчка из стихотворения башкирского поэта Фаниля Булякова в переводе на русский язык, выполненном Анастасией Вороничевой из Брянска, стала девизом фестиваля национальных культур этого года. Из-за сложной эпидемиологической обстановки этот фестиваль был представлен видеопрограммой с тем же говорящим названием.

Ещё одна видеопрограмма продолжила в условиях сложной эпидемиологической обстановки добрую традицию "Берегов дружбы" – творческие встречи молодых поэтов, участников фестиваля с детьми, отдыхающими в детских оздоровительных центрах Неклиновского района. Лучшие молодые поэты, финалисты VI Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов "Берега дружбы" им. А.В.Третьякова прислали записи своих выступлений.

Каждый фестиваль "Берега дружбы" всегда знакомит своих гостей с интересными знаковыми местами Донского края. Вот и в этот раз культурно-патриотическая программа была предельно насыщенной. Во внеучебное время для береговцев раскрыли свои двери военно-исторический музей Народного военно-исторического комплекса "Самбекские высоты", музеи, театр и библиотека им. А.П. Чехова в г. Таганроге, музей-заповедник "Танаис".

Важной гранью работы фестиваля "Берега дружбы" являются творческие встречи в именных отделах межпоселенческой центральной

библиотеки им. И.М. Бондаренко Неклиновского района. Имена русских, украинских и белорусских писателей были присвоены отделам МЦБ в 2018 году в рамках III Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов "Берега дружбы", и с тех пор ни один фестиваль не обходит их своим вниманием. В этот раз писательские делегации посетили: Краснодесантский отдел МЦБ имени украинской писательницы русского происхождения Марко Вовчок; Синявский отдел

МЦБ, носящий имя одного из зачинателей советской литературы на Дону Г.Ф. Шолохова-Синявского; Большенеклиновский отдел МЦБ имени известного российского прозаика В.Г. Саранских; Петрушинский отдел МЦБ имени белорусского советского писателя И.П. Мележа.

31 июля 2021 года был проведён круглый стол с международным сообществом соотечественников.

Подводя итоги, участники круглого стола выразили твёрдую надежду на дальнейшее сотрудничество и взаимодействие.

В итоговом протоколе конкурса-фестиваля организаторы и члены жюри высказали просьбу к Правлению Союза писателей России выразить благодарность: Председателю Союза писателей Беларуси Чергинцу Н.И.; региональным отделениям СПР – Республики Калмыкия, Республики Башкортостан, Чеченской Республики, Кабардино-Балкарской республики, Республики Северная Осетия-Алания; министерству культуры Республики Южная Осетия; Луганскому национальному университету имени В. Даля.

Как много событий и впечатлений уместили в себе фестивальные дни! Много ещё хотелось узнать, многим поделиться. Но, как это неизбежно бывает, наступил вечер расставания. 1 августа 2021 года состоялось торжественное закрытие фестиваля.

Было сказано много тёплых слов в адрес организаторов фестиваля, особенно его зачинателя и вдохновителя Севера Леонида Юрьевича, почётных гостей и членов президиума и жюри. Многие получили заслуженные награды. И такой острой была печаль предстоящего расставания. Так уезжают из дома, так уезжают из родной семьи. Уезжают, чтобы обязательно вернуться обратно.

Член Союза писателей России Ольга Сафронова.

Член Союза писателей России Анжелика Салтанова.

ЭЛИН ИЗ ГОРЯЧЕГО КЛЮЧА

В Центральной библиотеке города Горячий Ключ в 2021 году реализуется Арт-проект "Горячий Ключ – территория творчества". На своей странице в социальной сети Instagram библиотека знакомит подписчиков с интересными и творческими людьми города.

25 августа гостем библиотеки стал Анатолий Гаврилович Ильяхов – писатель, член Союза писателей России, грек по происхождению и автор около трёх десятков книг и статей о культуре и истории античности. Анатолий Гаврилович живёт в Краснодаре, но Горячий Ключ уже давно стал для него местом вдохновения. Уютная дача рядом с лесом, чистый воздух и неспешный ритм курортного города как нельзя лучше способствуют писательской деятельности. Говорят, что любая книга начинается с писателя. Его произведения заставляют нас думать, спорить и рассуждать. Очень хорошо, когда есть возможность встретиться с писателем, познакомиться с человеком, который умеет "оживить" свои мысли. Такая возможность появилась у подписчиков Центральной городской библиотеки.

Автор провёл обзор своих книг о культуре застолья, спортивных соревнованиях, медицине и моральных ценностях в Древней Греции и Риме, об истории иностранных слов латинского и греческого происхождения. На основе обширного материала им созданы словари терминов так же древнегреческого и латинского происхождения. Читателей обязательно заинтересуют книги о древних олимпиадах, греческой мифологии, политике и культуре. Отдельное место в творчестве писателя занимают книги, посвященные личности Александра Македонского, его отцу, царю-полководцу Филиппу II и любимому учителю – философу Аристотелю. На основе изучения биографии и исторических фактов у писателя сформировалось своё уникальное представление о царе Древней Македонии. В романе "Цицерон. Феромон власти" Анатолий Ильяхов подробно и увлекательно рассказал о великом римском ораторе Марке Туллии Цицероне, а в книге "Идиоты античного мира" он познакомил нас со многими выдающимися и неординарными деятелями Эллады и Древнего Рима. В настоящее время писатель готовит к изданию свои новые произведения.

Историческая достоверность всех произведений автора основана на глубоком изучении материала и использовании научных источников.

Анатолий Гаврилович – талантливый писатель и интересный рассказчик. Обзор получился очень познавательный. Читатели, несомненно, не останутся равнодушными к творчеству автора.

Центральная городская библиотека города Горячий Ключ благодарит Анатолия Гавриловича за подаренные книги и сотрудничество.

Надежда Семёнова, ведущий библиотекарь ЦГБ г. Горячий Ключ

НЕ СТАЛО ПИСАТЕЛЯ В.Г. СЕРЕБРЯКОВА

7 августа на 83-м году ушёл из жизни прозаик, член Союза писателей России, генерал в отставке, Владимир Григорьевич Серебряков.

Творческая деятельность В.Г. Серебрякова началась в конце девяностых. Роман "Последнее задание" был удостоен премии имени Ю.В. Андропова. Документальная повесть "Абхазия помнит" отмечена первой премией администрации Краснодарского края, а книга "О тех, кто принимает решения" выдвинута на соискание премии МВД Российской Федерации.

Отзывы и рецензии на книги были опубликованы в Москве, Ставрополе, Ростове-на-Дону, Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чеченской республике, Северной Осетии, Дагестане, на Кубани и в Абхазии. Общий тираж книг составил свыше 100 000 экземпляров. Произведения В.Г.Серебрякова направлены на патриотическое воспитание молодёжи, они формируют у подрастающего поколения верность долгу, честному служению Отечеству и народу, воспитывают высокие нравственные и моральные качества.

В.Г.Серебряков в течение многих лет вёл большую общественную работу: выступления в учебных заведениях, встречи с военнослужащими воинских частей, дислоцированных в Северо-Кавказском регионе. Он автор многих публикаций патриотической тематики в ведущих краевых и региональных изданиях. В.Г.Серебряков являлся членом Президиума общества "Россия – Абхазия", членом Всемирной Академии наук Комплексной Безопасности, председателем ревизионной комиссии Краснодарского регионального отделения Союза писателей России.

Награждён Почётной грамотой Союза писателей России "За вклад в отечественную литературу", многими государственными, ведомственными и общественными наградами, в том числе орденом Трудового Красного Знамени, тремя медалями "За отличие в охране государственной границы", Золотой Звездой "Честь, Гордость и Слава России". Удостоен звания лауреата премии им. Знаменского 2021 года.

Все книги писателя переданы в дар библиотекам, учебным заведениям, силовым структурам.

Выражаем глубокие соболезнования родным и близким покойного.

Правление Краснодарского регионального отделения Союза писателей России

"Найти себя" – сборник рассказов и повестей известного кубанского писателя-прозаика Геннадия Григорьевича Пошагаева вышел в свет в августе 2021 года. В этом, весьма объёмном, цельном литературно-художественном произведении с элементами публицистики и философии, через большую галерею реалистично-правдивых образов, через характеры героев автор с искренностью и болью повествует об изломах их судеб, о преодолении житейских проблем и о самом главном – о поисках жизненного пути и смысла жизни.

Стремление к гармонии, красоте, созиданию, равновесию между человеком и миром выступает у неординарного, широко мыслящего писателя на первый план.

Сборник "Найти себя" Г. Пошагаева – автора десяти книг, лауреата нескольких престижных литературных премий – адресован широкому кругу читателей.

Мы часто представляем себе Гавриила Романовича Державина дряхлым старцем, который Пушкина "в гроб сходя, благословил". Но не всегда же он был стариком! Герой нового романа Людмилы Бирюк "Гвардии Державин" – молодой, энергичный поэт, истинный сын золотого века Екатерины II. Его удивительная жизнь, полная неожиданных поворотов и испытаний, творческих взлётов и трагических падений показана на фоне великих исторических событий: захвата власти Екатериной II, восстания Емельяна Пугачева, военных побед Григория Потёмкина и Александра Суворова... Роман "Гвардии Державин" вышел в августе 2021 года в издательстве "Просвещение-Юг" и заинтересует тех, кто любит русскую литературу и историю России.

Владимир Афанасьевич Архипов – один из самых известных, титулованных и плодовитых поэтов Кубани. Его книга стихов и прозы "Пока дышу – любить спешу", изданная в нынешнем году в краснодарском издательстве "Флер-1", посвящена 50-летию окончания Московского литературного института им. Горького и памяти жены, Тамары Васильевны, покинувшей мир пять лет назад. Поэт раскрывает нам двери в "страну прекрасной души". Каждый раздел книги – своеобразный поэтический урок, а каждое стихотворение наполнено жаждой жизни, и, несмотря на почтенный возраст поэта, юношески-романтическим восприятием мира. В последнем разделе книги "Я славлю тех, кто смотрит молодо" собраны воспоминания поэта о своей жизни, молодых годах и близких людях.

Каждое лето поэт уезжает навестить родную Вятку. Его поездки, как правило, становятся творческими командировками, в результате которых рождается новая книга. Нынешний, 2021 год, – не исключение. Из милого сердцу сказочного края, взрастившего когда-то Грина, Васнецова, Чайковского и Шаляпина, поэт привёз свою новую поэтическую книгу "Горжусь тобой, родимый край!". Это 36-я по счету книга в его творческой биографии. Она выпущена в кировском издательстве "ООО ВЕСИ" в серии "Народная библиотека" и, как сказано в аннотации, адресована школьникам, студентам, учителям-словесникам и краоведам. Однако нам кажется, что круг читателей Владимира Архипова гораздо шире. Его новую книгу будут читать все, кто не равнодушен к русской поэзии, русскому слову, русскому миру.

Юный герой книги молодого краснодарского писателя Дмитрия Нестеренко "12 подвигов Маврика" не сражается на войне, не кидается в огонь и в воду, и всё-таки он – настоящий герой. Маврик одержим идеей сохранения природы и зажигает этой идеей читателя. Он проходит большой и трудный путь от простого дворника до знаменитого эколога, которого с почётом встречают на симпозиуме в Рио-де-Жанейро. В каждой главе заключена маленькая интрига, которая держит в напряжении юного читателя, и в то же время автор доходчиво, словно играючи, даёт ценные советы, как поступить в тех или иных случаях, чтобы спасти родную природу от самого коварного врага – равнодушного и безответственного человека. Книга Дмитрия Нестеренко "12 подвигов Маврика" вышла в 2021 году в краснодарском издательстве "Земля и жизнь".

Новый сборник стихов Лидии Железовской "В окружении слов" вышел в августе нынешнего года, в краснодарском издательстве "Книга" ровно через год после её первого сборника "Я лелею в душе мечту...". В сборник поэтессы вошли только новые произведения, по-новому раскрылся и её талант: Лидия Васильевна предстала перед нами как тонкий и чуткий переводчик Иоганна Гёте, Генриха Гейне, Томаса Харди, Андре Лаброса и др. Особенно следует отметить её отличные переводы известного белорусского поэта Михася Болсуна. Секрет в том, что для Лидии Железовской белорусский язык – родной, и для переводов ей не нужен подстрочник. Особое место в творчестве поэтессы занимают авторские стихи на белорусском языке, навеянные любовью к малой Родине.

ГАРИЮ НЕМЧЕНКО 85 ЛЕТ!

Гарий Леонтьевич Немченко родился и вырос в станице Отрадной Краснодарского края. После окончания с золотой медалью средней школы, а затем, в 1959 году – факультета журналистики МГУ, больше десяти лет он занимался творческой деятельностью на ударной комсомольской стройке Западно-Сибирского металлургического комбината (г. Новокузнецк), а затем – в Краснодаре и в Майкопе, где написал ряд повестей, рассказов, очерков, перевёл на русский язык несколько литературных произведений писателей Адыгеи.

В 1976 году Гарий Леонтьевич был назначен заведующим отделом литературы и искусства журнала ЦК ВЛКСМ "Смена" и обосновался в Москве, где живёт и поныне. Однако Кубань и родной Отраденский район всегда были и остаются в центре творчества писателя. Очерки и рассказы Гария Немченко о станичниках регулярно печатались в газетах "Правда", "Известия", в литературных журналах. Ещё в 80-х годах прошлого века на Центральном телевидении пользовались популярностью "отраденские" передачи "Земляки" и "Брат, найди брата", которые вёл писатель Немченко, демонстрировались документальные авторские кинофильмы Северо-Кавказской студии "Хранитель": "Где Ложкин прячет золото?", "Казачий круг". Киевская студия им. Довженко, выпустившая по произведениям Гария Немченко кинофильмы "Конец первой серии", "Скрытая работа", "Красный петух плимутрок", "Брат, найди брата", по настоянию автора производила съёмки в станице Отрадной, а потому героями этих фильмов стали многие его земляки-станичники.

Гарий Немченко награждён за литературные заслуги орденом "Знак Почёта", получил звание "Заслуженный работник культуры Республики Адыгея", отмечен дипломами дагестанской премии имени Расула Гамзатова "Белые журавли" и чеченской – "Золотой орёл", знаком "За службу на Кавказе"; награждён Почётной грамотой Законодательного собрания Краснодарского края за многолетний добросовестный труд, высокий профессионализм, активную общественную деятельность, личный вклад в развитие русской литературы. Кубанским землячеством и Краснодарским отделением Союза писателей России представлен к присвоению звания "Заслуженный деятель искусств Кубани".

Желаем Вам, уважаемый Гарий Леонтьевич, здоровья, долголетия – физического и творческого, новых ярких произведений, наполненных мудростью и глубоким, честным повествованием писателя-патриота о нашей российской жизни.

АТАМАНСКАЯ ГЛАВА ПИСАТЕЛЯ ГАРИЯ НЕМЧЕНКО

Непростое это дело – сказать что-то новое, малоизвестное о признанном мастере литературы Гарии Леонтьевиче Немченко, романы, повести и рассказы которого издавались многотысячными тиражами, а то и миллионными – в "Роман-газете", переводились на иностранные языки, по ним сняты художественные и документальные фильмы. И всё же накануне солидного жизненного рубежа писателя – 85-летия со дня его рождения – как-то не по-товарищески будет не рассказать о брате-казаке того, чему был очевидцем, тем более что судьба свела нас довольно необычным образом.

В конце восьмидесятых годов прошлого века в Москве, на первый взгляд – стихийно, а если посмотреть глубже, то можно увидеть в этом и некий промысел свыше, стала формироваться группа выходцев из казачьих земель, состоящая в основном из представителей творческой интеллигенции и офицеров. Горбачёвская перестройка, открывшая для общего доступа спецхраны с ранее засекреченными документами и книгами, свобода слова, активизировавшаяся на критике издержек и мрачных

страниц советской истории либеральная пресса внутри страны и за её рубежами, вызвали не свежий ветер, очищающий сознание граждан, а невиданный доселе шквал, грозивший разнести в щепки все социалистические надстройки государственного корабля СССР и пустить его ко дну. Потомки тех, кто создавал русское государство и много веков охранял его, не могли безучастно наблюдать начавшийся процесс разрушения страны, раздувания пожаров межнациональных конфликтов, и, подобно тяжёлым частицам при образовании ядра, начали стягиваться в неформальную группу единомышленников. Во всяком случае, в начале этого процесса в 1987 – 1988 годах так представлялось подавляющему большинству его участников.

Что послужило толчком для начала объединения, достоверно утверждать не берусь, но, как думается мне, глубинную генетическую память пробудили исполнители казачьих песен, вошедшие в состав созданных в Москве фольклорных коллективов под руководством Владимира Скунцева и Светланы Заградской. На их спевки в Центральном Доме Пропаганды Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) на улице Разина (нынешней Варварке) стало собираться всё больше людей, равнодушных к своим казачьим корням.

Никаких оповещений об этих сборах не было, информация передавалась при дружеских встречах или по телефону. Меня на "вечёрку" заманил как-то мой давний друг и сослуживец по журналу "Советский воин", фотохудожник и любитель старины Алексей Шадрин. Послушав выступление коллективов "Казачий круг" и "Маланка", я был очарован исполнителями, их истинно казачьей манерой распевов с подголосками (поддишканиванием, как говорят на Дону), и в свою очередь зазвал на очередную встречу знакомых военных журналистов и поэтов с казачьими корнями – Дмитрия Алентьева, Николая Старикова, Дмитрия Семёнова. И постепенно к концу 1988 года сформировалась устойчивая группа завсегдатаев казачьих вечеров, где не только с удовольствием слушали знакомые и любимые с детства песни, но и говорили о славной и трагической истории казачества, делились воспоминаниями о семейных преданиях, читали стихи на эту тему.

Особо эмоциональными и яркими были всегда выступления ветерана Великой Отечественной войны, писателя, биографа командарма 2-й Конной армии Филиппа Кузьмича Миронова – Лосева Евгения Фёдоровича; молодых писателей братьев Левченко – Виктора и Владимира, один занимался исследованием жизни и творчества М.А. Шолохова, другой редактировал в издательстве "Молодая гвардия" книги из серии "Жизнь замечательных людей"; военного журналиста и критика Петра Ткаченко из "Красной звезды"; фотокорреспондента ТАСС, исколесившего многие страны мира, но пуще всего влюблённого в свою кубанскую станицу Передовую, Алексея Жигайлова; казака из семиречья, руководителя поэтического семинара в Литературном институте Владимира Цыбина. Я быстро нашёл с ними общий язык и общие темы для обсуждений. И вскоре мы задумали провести в Москве литературно-музыкальный вечер, посвящённый трагедии рассказывания, начавшейся после циркулярного письма Я. Свердлова от 24 января 1919 года.

Вечер "Шашки наголо!" организовали и провели в день 70-летия кровавой драмы в Доме культуры Метростроя при полном аншлаге. После опубликования информации о нём в нескольких столичных газетах наша неформальная казачья группа стала расти день ото дня, и вскоре зазвучали предложения об официальном создании и регистрации казачьего землячества в Москве. Все восприняли это как само собой разумеющееся и стали обговаривать организационные вопросы, устав и программу общественного объединения.

Не ведаю, за какие заслуги, в литературе я делал только первые шаги – выпустил три небольших сборника стихов и книгу поэтических переводов моей однокурсницы по Литературному институту даргинки Аминат Абдулманаповой, возможно, за громкий командирский голос, отработанный в годы учёбы в Алма-Атинском высшем общевойсковом командном училище и на полевых занятиях и учениях в 117-й гвардейской танковой дивизии, где начинал офицерскую службу, но московские братья-казаки поручили мне возглавить инициативную группу по созданию землячества и провести учредительный круг.

5 января 1990 года запланированный круг состоялся в Знаменском соборе на улице Разина. Собралось 70 постоянных участников наших еженедельных сборов. По казачьему обычаю высокое собрание благословил священник Михаил Дронов. За создание землячества казаков в Москве проголосовали единогласно. Обсудили и приняли с добавлениями и уточнениями устав и программу организации. А когда подошли к главному вопросу – выбору атамана, тут неожиданно для многих возникла

неприятная заминка. Как повелось исстари на Руси, любая инициатива наказуема повинностью в её реализации самим инициатором. Большинство участников круга не сомневалось, что атаманом должен стать председательствующий. Пришлось объяснять, что я – человек подневольный, действующий офицер Вооружённых Сил и не могу быть юридическим лицом, подписывающим финансовые и иные документы, что готов войти в правление и помогать атаману в организационной работе во внеслужбное время. А атаманом, по моему мнению, должен стать человек более авторитетный в широких кругах, чтобы его имя было своего рода знаменем организации и не вызывало недоумения и крикливо толков во властных структурах. Мне таковым представлялся потомок семиреченских казаков, известный поэт, прозаик и переводчик, член правления Союза писателей СССР В.Д. Цыбин, о чём я и объявил кругу.

Владимир Дмитриевич, присутствовавший на круге, поблагодарил меня за доверие, но сослался на чрезмерную занятость и попросил не рассматривать его кандидатуру на должность атамана. Войти в состав правления и помогать атаману он был не против.

В зале начал нарастать возмущённый ропот. Кто-то выкрикнул, что у казаков не принято отказываться от атаманства, раньше бы таковых за неуважение казачьего мнения угостили досыта нагайкой, а то и "в куль – да в воду" (т.е. утопили). Некоторые восприняли эту реплику за шутку и засмеялись, а часть делегатов на полном серьёзе продолжила осуждать отказников.

Я лихорадочно соображал, как выйти из этой неприятной ситуации. Выручил попросивший дозволения молвить слово Алексей Николаевич Жигайлов:

– Есть в Москве родовой кубанский станичник и широко известный писатель и журналист Гарий Леонтьевич Немченко, думаю, что он по всем статьям годится в атаманы – скорый на подъём, трудностей не боится, правдурб, перед сильными мира сего спину не гнёт, ближнего в беде не оставит, да и герои большинства его книг – казачьего роду-племени. Предлагаю его в атаманы землячества, не подведёт, ручаюсь.

В.Д. Цыбин согласно закивал головой, говоря:

– Точно, точно! Гарий не подведёт – человек слова и казак, что надо!

– А как же мы без его присутствия голосовать будем, вдруг и у него доводы найдутся, чтобы отказать? – спросил кто-то из зала.

– Я берусь уладить этот вопрос, – пообещал Алексей Николаевич, широко улыбаясь своей обаятельной улыбкой.

Большинство присутствующих приняли его предложение и решили: быть Г.Л. Немченко атаманом. Далее процесс пошёл без сбоев. Избрали правление землячества: трёх заместителей атамана (помощников) – В.Д. Цыбина, В.Н. Скунцева и меня, девять старшин по основным направлениям работы и писаря, которым стал сотрудник ВООПИиК Г.В. Кокунько.

Так Гарий Леонтьевич, ни сном, ни духом не ведавший об этой участи, был провозглашён первым атаманом и призван на службу казачеству. К его чести, появившись на улице Разина на очередном сборе, Немченко не стал сокрушаться по поводу заочных выборов и выговаривать: "Что ж вы, братцы, без меня меня женили?", а сразу включился в работу, наметив первоочередные шаги, о которых мы раньше и не задумывались. Он задался целью изучить в столице места, связанные с размещением посольских станиц, воинских подразделений из бывших 12 казачьих войск Российской империи; храмов, где окормлялись казаки и члены их семей; отыскать сохранившиеся здания подворий, принадлежавших донским, кубанским, терским и иным общинам, существовавшим в Москве до 1917 года, и попытаться договориться с городскими властями о создании там Казачьего культурного центра, с залом для сборов и концертов, музеем, выставочными площадками и магазином для торговли традиционными товарами и продуктами из казачьих областей и краёв. В планы атамана входило издание газеты землячества, он и название ей придумал – "Казачьи ведомости", установление связи со всеми казачьими организациями в СССР и за рубежом – в Болгарии, Югославии, Франции, США, Австралии. Некоторые намётки для этого уже существовали – собкор "Комсомольской правды" Н. Долгополов опубликовал в декабре 1989 года большую статью "Казаки в Париже". Занозила душу Гария Леонтьевича и идея участника учредительного круга доктора технических наук Аркадия Павловича Федотова о формировании из учёных, писателей и журналистов землячества научно-редакционного совета для подготовки и издания энциклопедии "Казачество". От таких заманчивых идей у

меня дух захватывало, думаю, что не только у меня, когда, слушая атамана, мысленно представляли масштабы великих дел.

Не откладывая задуманное на неопределённую перспективу, Г.Л. Немченко начал свои практические шаги с похода в район бывшей Казачьей слободы, что находится в шаговой доступности от Кремля, между улицами Большая Ордынка и Большая Полянка. Память о былом нахождении здесь казачьего поселения хранят до сей поры 1-й и 2-й Казачьи переулки, храм Успения Пресвятой Богородицы в Казачьей слободе. А вот новые власти района и города, как оказалось, ничего не ведали о насельниках былых времён и не проявили ни малейшей заинтересованности, чтобы помочь известному писателю найти точку опоры для культурного и духовного возрождения казачьей общины в Москве. Гарий Леонтьевич сказал о своей задумке чиновникам в Октябрьском райисполкоме столицы, но они только недоумённо заулыбались, как глухонемые. Ни о каком возрождении исторической памяти и культурных традиций казачества здесь отродясь не думали. А вот киргизские и узбекские республиканские власти додумались, где расположить свои представительства в Москве, – улица Большая Ордынка подсказала.

Братья-казаки. Крайний справа в первом ряду – Г. Немченко (1990)

И всё же хождения по Казачьим переулкам не были напрасными. Пытливый ум писателя нашёл необходимую зацепку для землячества в местах бывшего компактного проживания казаков. Зацепкой этой явился храм XVII века, где окормлялось не одно поколение жителей Казачьей слободы. В тот момент данный храм, как и многие другие московские церкви, служил далеко не по прямому назначению – в нём размещались типография и архив одного из образовательных учреждений. Не найдя поддержки со стороны районных и московских чиновников, Г.Л. Немченко отправился в Московскую Патриархию с идеей возвращения храма в Казачьей слободе в родное лоно РПЦ и создания в нём общины прихожан из членов Московского землячества казаков. А в качестве авангарда для успешного наступления на этом направлении предложил создать инициативную группу по выселению из храма безбожных арендаторов.

В Патриархии доводы Гария Леонтьевича оценили по достоинству и начали совместную с казаками деятельность, которая уже к концу 1990 года увенчалась решением властей города о возвращении храма Успения Пресвятой Богородицы в Казачьей слободе Русской Православной Церкви.

Между тем, известия о создании землячества казаков в Москве, после нескольких публикаций об этом в газетах, стремительно расходились по стране, подобно взрывной волне, вызывая небывалый подъём казачьего движения во многих регионах, не только на Дону, Кубани, Тереке, Оренбуржье, Урале, Сибири, Забайкалье и Приморье, но и в Калмыкии, Осетии, Якутии, Башкирии, Молдавии. В Центральном Доме Пропаганды ВООПИиК на улице Разина, где поначалу базировалось правление землячества, не смолкал телефон, туда постоянно прибывали ходоки из разных уголков страны для установления связи с московскими братьями и объединения усилий для совместной деятельности.

3 марта 1990 года газета "Сельская жизнь", выходявшая в то время миллионными тиражами, опубликовала обширную беседу с Г.Л. Немченко корреспондента Е. Прошина "Казачий круг", вызвавшую очередную всплеск звонков и писем. О создании Московского землячества казаков, его це-

лях и задачах писали также М. Астапенко, П. Ткаченко, В. Левченко, Г. Кокунько, Л. Горовой, Д. Семёнов и другие авторы.

Правление под руководством своего атамана организовало и провело ряд интересных массовых мероприятий: встречу с популярным писателем Анатолием Знаменским, автором романа "Красные дни" о гражданской войне на Юге России; литературно-музыкальный вечер в ДК автомобилистов, посвящённый 120-летию донского писателя Фёдора Крюкова; концерты казачьих коллективов Москвы, а также народных ансамблей из станиц Вёшенской и Боковской, что вызвало ещё больший интерес к землячеству и приток новых сил. В наши ряды влились представители "казачьей гвардии" (в прямом и переносном смысле): участник Великой Отечественной войны, ветеран казачьего кавалерийского корпуса Г. Рыбин; профессор Литературного института Ф. Бирюков; доктор технических и экономических наук, автор книги об истории русской авиации, П. Друзь; доктор философских наук Р. Косолапов; доктор экономических наук В. Шаманаев; доктор медицинских наук И. Алпатов; тренер из конно-спортивного дивизиона ЦСКА, подготовивший не один десяток чемпионов мира, Европы, СССР по конному спорту, В. Прутко; многие другие заслуженные представители старшего поколения, придавшие не только авторитет организации, но и новый импульс коллективной работе.

Мало сказать, что интерес к новому казачьему землячеству был необычайно высок, он зашкаливал за предел наших возможностей. Правление заваливали письмами, воспоминаниями о славных деяниях казачьих родов до революции и трагических моментах братоубийственной войны, рассказывания и выселения с родных земель, несли сохранившиеся в домашних архивах фотографии, документы, старые книги, возлагали надежды на то, что с нашей помощью смогут добиться справедливости и правды в отношении оклеветанных и подвергшихся гонениям родственников. Обращались за помощью и в решении новых насущных проблем, связанных с ростом воинствующего национализма в союзных и автономных республиках. Землячество всё больше выполняло функции не местного масштаба, а выступало координатором между казачьими организациями в регионах и федеральным центром. Рамки землячества стали тесны для такой деятельности, и многие казачьи активисты в регионах и в столице всё настойчивей начали инициировать создание всесоюзной казачьей организации.

Уже в конце апреля 1990 года на базе Мострансагентства, которым руководит по сию пору донской казак В. Горин, был проведён Всесоюзный казачий сбор, на который прибыли представители казачьих структур с Дона, Кубани, Днепра, Терека, Урала, Сибири, Уссури. Они создали подготовительный комитет по созыву Большого круга и учреждению Союза казаков. Г.Л. Немченко доверили стать председателем комитета. А.Г. Мартынов, В.Н. Скунцев, я и ещё несколько человек были утверждены сопредседателями.

Началась активная подготовительная работа. Член землячества художник Ю. Бельмач создал знак Учредительного Большого круга, впоследствии ставший знаком Союза казаков. Гарий Леонтьевич и его давний приятель-журналист разработали логотип (начертание) названия газеты "Казачьи ведомости", куда вставили этот знак и девиз "Нет уз святее товарищества" (Н.В. Гоголь, "Тарас Бульба"). Они же готовили материалы и макет пилотного номера газеты для делегатов круга. Я вместе с сослуживцем полковником Г. Черезовым готовил и печатал в Воениздате приглашения, мандаты делегатам, гостевые билеты, рабочие документы круга, культурную программу, небольшой сборник казачьих песен в подарок участникам форума. Атаман подписывал и рассылал по областям отпечатанные в Воениздате официальные письма с приглашением на круг и определением квот для делегаций (число участников ограничивалось наличием мест в гостиницах Мострансагентства, где были забронированы номера для казаков). Продолжил он и выступления в печати, разъясняя цели и задачи предстоящего Большого учредительного круга. "Сельская жизнь" вновь опубликовала беседу с Г. Немченко "Большой круг – съезд Союза казаков страны", а главная газета Ростовской области "Молот" дала интервью с ним по телефону уже во время проведения круга "Донцы-молодцы". Все члены подготовительного комитета работали как одержимые, с утра до позднего вечера, работали на одном энтузиазме, окрыляемые верой, что наш труд поможет возникнуть массовому движению по стабилизации обстановки в стране, вернёт традиции истинного казачьего народовластия и жертвенного служения Отечеству.

Наверное, сегодня многие иронически улыбнутся, читая эти строки. Но они не придуманы ради красного словца, они отражают наш настрой того периода, когда большинство участников этих событий были движимы общей идеей и общей надеждой.

Большой учредительный круг наметили провести 28-30 июня в Доме культуры "Серп и молот", где руководил фольклорным коллективом "Казачий круг" один из заместителей председателя подготовительного комитета Владимир Скунцев. Им вместе с соратниками по землячеству Н. Шантаренковым, С. Заградской, Г. Подшиваловым и художником С. Гавриляченко была подготовлена обширная программа выступлений фольклорных ансамблей в дни работы круга "Песни казачьей вольницы". Сложно представить, что по зову души на различных площадках ДК три дня пели и плясали 14 музыкальных коллективов из разных краёв страны: ансамбли из станиц Кубанская и Белореченская Краснодарского края (руководители Н. Гвоздев и С. Устанина); ансамбль "Православный Дон" из станицы Боковской Ростовской области (руководители братья Вечёркины, Владимир и Геннадий); ансамбль "Курагод" из станицы Кумылжинской Волгоградской области (руководитель В. Кубракова); фольклорная группа из города Сорочинска Оренбургской области (руководитель З. Смирнова); ансамбль казачьей песни Покровского совхоза-техникума Оренбургской области (руководитель Ю. Рощепкин); ансамбль казаков-некрасовцев из посёлка Левокумский Ставропольского края (руководитель Л. Евдокимова); московские молодёжные группы – "Русичи" (руководитель В. Алексеев), "Наследие" (руководитель Н. Бабкина), "Оранта" (руководитель В. Бутров), "Живая песня" (руководитель А. Кабанов), студия казачьего фольклора Всероссийского центра народного творчества под руководством С. Заградской, "Казачий Круг" В. Скунцева; ещё два ансамбля прибыли из городов Уральск и Павлодар Казахской ССР.

Культурная программа Большого учредительного круга Союза казаков по замыслу подготовительного комитета во главе с Г.Л. Немченко должна была стать не дополнительным придатком к заседаниям делегатов, а грандиозным праздником казачьей культуры и духа. И она оправдала надежды устроителей, всколыхнув не только души казачьих потомков, но и многих жителей столицы, оказавшихся в эти дни в ореоле удивительно яркого и зажигательного фестиваля народных песен и танцев.

Заместитель атамана СК Г.Л. Немченко с деятелями культуры (1990)

На этом круге атаманом учреждённого Союза казаков стал потомственный донской казак, директор одного из столичных автокомбинатов, кандидат экономических наук А.Г. Мартынов, имевший большой опыт руководства различными коллективами, проработавший несколько лет инструктором и заместителем заведующего промышленно-транспортным отделом Железнодорожного райкома КПСС города Москвы. Делегаты посчитали, что его управленческий опыт и связи во властных структурах помогут и в становлении всесоюзной казачьей организации. Меня избрали его первым заместителем (товарищем), а Гария Леонтьевича – заместителем атамана по внешним связям и культуре, эта сфера деятельности была ему наиболее близка.

Начался новый, более масштабный и напряжённый этап развития и становления казачьего движения в стране, отношение к которому было далеко не везде положительным. Приходилось объяснять и устно, и письменно, кто мы такие, зачем собираемся на свои круги и сходы в дедовской форме, не вознамерились ли свергать советскую власть и возрождать монархию. Интересовались не только любопытные простые соотечественники, но и высокие чиновники в серьёзных ведомствах: ЦК КПСС, КГБ, МВД, Генеральном штабе Вооружённых Сил СССР, Министерстве культуры. Естественно, отвечать приходилось атаману и его заместителям – мне, Гарию Леонтьевичу и походному атаману, военному переводчику, депутату Моссовета Владимиру Наумову. Где-то довольствовались итогами бесед, а где-то приходилось делать и более пространные экскурсии в историю. Г.Л. Немченко, в отличие от других членов правления Союза казаков, просвещал самую массовую аудиторию – читателей прессы. 26 июля 1990 года газета "Труд" опубликовала беседу с ним корреспондента В. Белых "Последнее рыцарство" (Вымыслы и правда о казачьем сословии). А в августе с провокационными вопросами на эту тему к московскому атаману и заместителю всесоюзного атамана по культуре обратился небезызвестный либеральный журналист и писатель Дмитрий Быков. Гария Леонтьевича не испугали заковыристые намёки на возможное противостояние казаков либерально настроенной части общества, и он достойно и дипломатично нейтрализовал словесные выпады своего собеседника. В газете "Собеседник" (№ 32 за август 1990 года) появилась пространная публикация этого разговора двух московских писателей с противоположными убеждениями "Желание быть казаком или красное, белое, чёрное". Быков таки вплёл свою жёлтую строку в заголовок материала. Но Г.Л. Немченко только иронически улыбнулся хитроумному кульбиту своего столичного коллеги – собаки лают, а караван идёт.

Казачье движение уверенно набирало обороты. Начали создаваться региональные организации в областях и краях – местах традиционного проживания казаков. Члены правления Союза казаков выезжали на места, консультировали собратьев, помогали преодолеть чиновничьи барьеры. Гарий Леонтьевич одним из первых включился в эту работу ещё до создания Союза казаков. В конце марта 1990 года он летал во Владикавказ на учредительный круг, провозгласивший образование Терского казачьего войска во главе с фронтовиком, Героем Советского Союза Василием Коняхиным, встречался и беседовал с другими инициаторами казачьего движения на Северном Кавказе – Ю. Машенко, Г. Галкиным, А. Луганским и А. Подколзиным, возглавившим организационную работу в самом проблемном регионе – в Чечено-Ингушской Республике, постоянно наталкивавшимся на воинственное сопротивление со стороны местных националистов. Возвратившись в Москву, Г.Л. Немченко долго и упорно ходил по начальственным инстанциям, обращая внимание чиновников и народных депутатов на проблемы казаков в национальных республиках и вызревающие там межэтнические конфликты. Не забывал он и об основных направлениях своей деятельности в организации. Продолжал выпускать газету "Казачьи ведомости", зарегистрировал в Министерстве печати и информации РСФСР журнал "Казак" и детский журнал "Стремя", подготовил и провёл вместе с другим замечательным писателем и музыкантом с казачьими корнями, атаманом станицы Невской, Борисом Алмазовым фольклорный праздник на одной из самых престижных площадок Москвы – в Колонном зале Дома Союзов, установил связи с многими бывшими соотечественниками за рубежом.

Вслед за отцом активно включились в деятельность Союза казаков его сыновья – Сергей и Георгий. Сергей (капитан Вооружённых Сил) создал и возглавил "Казачью заставу" в зенитно-ракетном полку Московского округа ПВО. Это начинание потом подхватили и в других воинских частях, а некоторые подразделения и заставы даже целиком стали формировать из призывников, подготовленных к службе в казачьих организациях. Георгий (врач по специальности) стал инициатором создания казачьего общества в городе Звенигороде Московской области.

За год казачьего возрождения ряды Союза казаков выросли в разы. Число его участников в зарегистрированных организациях приблизилось к 800 тысячам человек. Но и проблемы, в том числе создаваемые искусственно, возрастали с каждым днём. В марте 1991 года ингушскими радикальными националистами был убит в станице Троицкой Чечено-Ингушской АССР подросток из казачьей семьи Виктор Типайлов. 7 апреля в посёлке Карабулак националисты убили атамана А. Подколзина, а через три недели учинили погром в станице Троицкой, убив 5 человек и несколько десятков ранив. Властные структуры в Москве не предприняли никаких действенных мер, чтобы пресечь разгул терроризма. Правление Союза казаков своими силами пыталось помочь пострадавшим, ведя переговоры

с руководством Чечено-Ингушетии, силовых ведомств, казачьими организациями на Северном Кавказе. Подобные конфликты в той или иной степени назревали и в других союзных и автономных республиках – Нагорный Карабах рикошетил осколками от взрывов ненависти по всей стране. К годовщине учредительного круга Союза казаков 21 и 22 июня 1991 года (на базе отколовшейся ещё в апреле 1990 года части Московского землячества во главе с бывшим писарем Ю. Кокунько) расторопные представители военно-исторических клубов монархического толка и их либеральные покровители из числа "прорабов" перестройки создали альтернативную организацию Союз казачьих войск России и зарубежья (СКВРЗ) и начали активную подрывную работу в казачьей среде.

Правление Союза казаков во главе с атаманом А.Г. Мартыновым всё больше втягивалось в решение политических, межнациональных и хозяйственных проблем, которые сокрушающим валом покатались на Россию после распада СССР. Вопросы возрождения казачьего исторического наследия, культуры, традиций, ещё недавно ставившиеся во главе программы действий организации, отодвинулись на задний план. Зависло на неопределённое время из-за отсутствия финансирования издание журналов "Казак" и "Стремя", создание Казачьего культурного центра.

Тратить время на пустые разговоры о важности казачьих культурных программ и ждать с моря погоды Г.Л. Немченко было не по душе. И, не найдя поддержки со стороны атамана и коммерческих структур Союза казаков (кошевой службы), он подал прошение об отставке со всех постов и ушёл на вольные писательские хлеба. Он ушёл, а следы его атаманской деятельности не затерялись с течением времени. Осталась газета "Казачьи ведомости" с тем лицом, которое создал Немченко в пилотном номере. Остался храм Успения Пресвятой Богородицы в Казачьей слободе с прихожанами из членов землячества, куда настоятелем был назначен протоиерей Михаил Васильев – потомок казачьего рода из моей родной станицы Константиновской (ныне город Константиновск Ростовской области). В доме причта при этом храме несколько лет находился штаб Союза казаков и творческое объединение "Казачья энциклопедия", где членом научно-редакционного совета является и Г.Л. Немченко. Вышло в свет уже три выпуска энциклопедии "Казачество", в том числе, с подготовленными им материалами и справкой о нём и других зачинателях казачьего движения. А во 2-м Казачьем переулке, где в начале 1990-го года Гарий Леонтьевич не смог отыскать помещения для Центра казачьей культуры, появилось солидное здание Постоянного представительства администрации Краснодарского края при правительстве Российской Федерации, и там теперь нередко проходят мероприятия с участием казачьих общественных организаций столицы. Не ушёл в небытие и фестиваль казачьей песни, задуманный первым московским атаманом, он теперь получил поддержку столичной администрации и периодически проводится под названием "Казачья станица Москва". И Центр казачьей культуры, о котором беспокоился Немченко, и даже писал письмо своему "двойнику" – первому мэру Москвы Гавриилу Попову, тоже появился в Первопрестольной, пусть и спустя 30 лет. Он создан на базе Дома культуры "Темп" в Бибирёве. 15 лет с небольшими перерывами выходит журнал "Казаки", его редколлегией совместно с казачьей секцией Союза писателей России проводится открытый творческий конкурс "О казаках замолвим слово".

Немало и других благих дел на счету живущих в Москве казачьих потомков. А ведь начиналось всё в далёком 90-м году прошлого века с небольшого землячества, выбравшего своим первым атаманом Гария Леонтьевича Немченко. Как показало время, этот выбор был правильным и богоугодным! Низкий поклон тебе, дорогой батька, за твою жертвенную любовь к Отечеству, за то, что в смутную пору расшатывания государственных устоев взвалил на свои плечи такую тяжёлую, но необходимую для сохранения России ношу!

Валерий ЛАТЫНИН, член правления Союза писателей России,
председатель Казачьей секции СП.

СЕРГЕЙ ЛЕВИЧЕВ

Краснодар

Левичев Сергей Алексеевич родился 30 января 1947 года в Одессе. В том же году семья переехала в Вильнюс, Литовская ССР. С 1960 года проживает в Краснодаре. Окончил Московский энергетический институт в 1971 году.

После распада СССР пытался помочь сохранить культурные связи с Литвой. Переводил поэзию литовских поэтов и литовскую детскую литературу, издавал на свои средства. Книга переводов народной поэтессы Саломеи Нерис хранится в мемориальном музее литовской поэтессы.

Последние годы работал редактором краевой творческой газеты "Рассвет". Опубликованное в газете собрал в трёх книжечках: "Страницы великих судеб", "Имена земли кубанской", "Сверхурочное". До закрытия Дома учёных в Краснодаре являлся членом секции краеведения.

Данью любви к Пушкину стала книга очерков "Несмолкаемое имя Пушкина".

ГРИГОРИЙ И ВАРВАРА ПУШКИНЫ

Очерк

В каждый пушкинский юбилей (вроде бы совсем недавно праздновали 200-летие со дня рождения поэта, а уже отметили 220-летие этого события!) хочется узнать что-то новое из того, что связано с Александром Сергеевичем. И, конечно же, поделиться этим знанием с другими.

В 1999 году в издательстве "Советская Кубань" вышла замечательная книга Виктора Андреевича Раевского "Предки и потомки Пушкина и Толстого", ставшая уже раритетом. Четвёртая глава этой интереснейшей книги посвящена потомкам Пушкина: детям, внукам, правнукам. Поэт обожал своих детей, мечтал о том, чтобы его потомки гордились им в будущем. Когда он, умирая, благословлял своих детей, они были ещё такими маленькими: старшей дочери Маше не было и пяти лет, Саше – четырёх, Грише – двух, а маленькую девятимесячную Наташу принесли на руках к изголовью поэта. Дети, благодаря заботам Натальи Николаевны и её второго мужа Петра Петровича Ланского, выросли, у каждого из них сложилась своя непростая судьба. В одном они только были едины – стали хранителями наследия великого поэта, своего отца. Особую роль в этом сыграл младший сын Григорий Александрович Пушкин, почти тридцать лет бережно оберегавший родовое имение в Михайловском, ревностно следивший за тем, чтобы не дарились, не продавались, не издавались рукописи отца без его согласия. Однако, чтобы содержать родовое имение, ему со временем стало не хватать ни средств, ни сил, потому в год празднования в 1899 году 100-летнего юбилея поэта он продал Михайловское в казну, а сам с женой Варварой Алексеевной уехал жить в её имение.

Кто же была его жена и куда они уехали?

Варвара Алексеевна Пушкина, в девичестве Мельникова, дочь инженера – генерала Алексея Петровича Мельникова, занимавшегося строительством железной дороги Санкт-Петербург – Варшава, брата министра путей сообщения Павла Петровича Мельникова. П.П. Мельников в 1836 году издал фундаментальный труд "О железных дорогах", на который обратил внимание император Николай I. Мельников был послан на стажировку в США, а, вернувшись, занялся проектом сети российских же-

лезных дорог, так необходимых огромной бездорожной России. Но сначала строится первая пробная ветка Санкт-Петербург – Царское Село. Восторг общества от этого события до сих пор мы слышим в "Попутной песне" Михаила Глинки. А в 1851 году началось строительство железной дороги Санкт-Петербург – Варшава. Один из руководителей этого строительства А.П. Мельников приобретает в те годы имение Маркучай в предместье г. Вильно, строит там дом, а вскоре отдаёт имение с просторным домом в качестве приданого своей дочери.

Вот в это имение с прекрасным домом и переезжают Григорий и Варвара Пушкины. До этого они были в этом имении только наездом, после того, как в 1883 году обвенчались, притом в той же церкви, где Пётр I крестил Ганнибала, прапрадеда Александра Сергеевича Пушкина, под именем Абрам Петров. Григорий Александрович привозит из Михайловского часть мебели, книги, часы, которые были остановлены в момент кончины поэта, копию картины Николая Ге, выполненную самим художником, "Пушкин в Михайловском читает стихи Пушкину". Дело в том, что Григорий Пушкин в те годы, когда писалась картина, жил в Михайловском и был очень схож с погибшим на дуэли отцом, поэтому художник писал образ поэта с Григория Александровича. Варвара Алексеевна украсила стены дома в Маркучай своими картинами – она в молодости училась живописи в Италии.

Брак Григория Александровича и Варвары Алексеевны не был первым ни для того, ни для другой. Разница в возрасте большая – Григорий Александрович был старше жены на 20 лет. Знакомство их было, видимо, не случайным: мать Варвары Алексеевны была крёстной сестры Пушкина Ольги Сергеевны Пушкиной-Павлицевой. Общих детей у Григория Александровича и Варвары Алексеевны не было. Григорий Александрович ушёл из жизни в 1905 году, похоронен в своём имении недалеко от дома. Варвара Алексеевна прожила до 1935 года, застав многие перемены двадцатого века. Управлять имением становилось всё труднее, часть земель она стала продавать под дачные участки. Преданность роду Пушкиных вдова сохраняла до последних дней. Участвовала в мероприятиях, посвящённых поэту, в создании Пушкинской гимназии в Вильно. Постоянно повторяла:

–Я – счастливейшая из женщин России, мне выпала редкостная судьба быть невесткой Пушкина.

Похоронена Варвара Алексеевна так же в Маркучай, рядом с супругом. В своём завещании Варвара Алексеевна обязала душеприказчика после улаживания всех финансовых дел передать дом и часть имения, свободного от долгов, в собственность Виленскому русскому обществу. Это было в те времена, когда Вильнюс был захвачен польскими войсками и присоединён к Польше. В 1940 году в Литве установилась Советская власть, Вильнюс возвратили Литве. В годы немецкой оккупации дом Пушкиных не пострадал, в отличие от Михайловского, которое гитлеровцы сожгли. Так что в Маркучай после Великой Отечественной войны сохранилось большое количество подлинных предметов пушкинской эпохи: книжные шкафы, столы, зеркала, бильярдный стол во всю комнату. Именно в этот дом-музей не так давно привозил своих студентов стилист и историк моды Александр Васильев, чтобы познакомить их с бытом девятнадцатого века.

В 1948 году в доме, где жили Григорий и Варвара Пушкины, открылся музей, который существует и по сей день. В 80-е годы прошлого столетия, ещё при советской власти, музей был отреставрирован. Несмотря на то, что в литовских школах уже не изучают произведения Пушкина, экскурсии в дом-музей не прекращаются. Постоянно приезжают поклонники великого русского поэта, а недавно, в 2015 году, музей посетила делегация из Брюсселя вместе с единственным на сей день прямым потомком поэта (по мужской линии) – праправнуком Александром Александровичем Пушкиным и его женой Мари-Мадлен Пушкиной-Дурново, дальней родственницей Гоголя. Детей у четы нет. Но, как бы ни складывались судьбы потомков Пушкина, прямых и не прямых – для тех, кто любит великого поэта, всегда будет интересна их судьба.

ВИТАЛИЙ СЕРКОВ

Сочи

Виталий Геннадьевич Серков – член Союза писателей России с 1992 года. Родился 20 августа 1956 года в деревне Острцово Вологодской области. С 1984 года живёт в Сочи.

Автор 10 книг и многих публикаций в журналах: "Наш современник", "Молодая гвардия", "Москва", "Великоросс", "Российский колокол", "Советский воин", "Воин России", "На боевом посту", "Всерусский собор", "Сельская новь", "Родная Ладога" и "Аврора" (Санкт-Петербург), "Двина" (Архангельск); "Русское эхо" (Самара), "Дон" (Ростов-на-Дону), "Отчий край" (Волгоград), "Подъём" (Воронеж), "Сура" (Пенза), "Волга" (Саратов), "Луч" и "Вологодский лад" (Вологда), "Литературный меридиан" (Арсеньев), "Простор" (Алматы), а также в международном журнале "Настоящее время" (Лондон) и др.

Виталий Серков – дипломант Всероссийской православной литературной премии имени Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского (2007 год) за верное служение русской поэзии, лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина (2011 год) и 3-го международного поэтического конкурса "Звезда полей – 2012" в номинации "Привет, Россия", посвящённого творчеству Николая Рубцова.

В августе 2021 года Виталий Геннадьевич отметил своё 65-летие. Сердечно поздравляем нашего коллегу с юбилеем!

СМУТА

Венок сонетов

1.

Нет ничего подлее смутных дней.
Душа болит и, не найдя опоры,
То в лес ведёт за тайнами теней,
То тянет на рыбалку или в горы.

И ты уже не властвуешь над ней,
Лишь сам с собой ведёшь привычно споры;
Бунтарства дух покоится на дне
Души и не вступает в разговоры.

Она скорбит о прошлом, а рекой
Течёт, не задевая нас, покой –
Он в час заката таинства не тратит.

И остаётся съёжиться в комок,
Не понимая: чем бы ей помог,
Когда страну годами лихорадит?

2.

Когда страну годами лихорадит,
Мы как в челне, но некому грести:
Тот – вечно пьян, а этот – лихо грабит,
Несёт наш чёлн, да так, что лоб крести!

Прибьёт куда, на рифы ли посадит,
Сумеем ли испуг перенести,
Ни ран не сосчитав, ни мелких ссадин,
Пока судьба у Господа в горсти?

Одних тошнит, других корёжат корчи.
Все ждут, когда придёт к штурвалу кормчий,
Трезвей, благоразумней и сильней.

Кто нам вещал: "Полезна непогода..."?
Знобит страну сильнее год от года,
Но чем болезней, тем она родней.

3.

Но чем болезней, тем она родней.
Её судьба за пеленою скрыта.
А бесы суетятся у корыта,
Их тешит мрак и губит свет огней.

Все – мудрецы, все – Господа умней,
А тайна их в глуби веков зарыта...
Поскачешь к ней – и прах истлевших пней
Ложится толстым слоем под копыта.

К тому же мы – "Иваны-дураки",
Нам правду знать бывает не с руки,
Поскольку бес везде капканы ладит.

Но смертный час проходит стороной,
И новый век распахнут пред страной,
И свежий ветер лик России гладит.

4.
И свежий ветер лик России гладит,
Дожди идут, растут же не грибы –
Холмы могил вдали от водной глади,
Приняв в нутро солдатские гробы.

И "друг" вчерашний у порога гадит,
Как будто общей не было судьбы,
И, отвернув, телегу жизни катит,
И конь его не встанет на дыбы.

Ему ль, давно ослепшему, бояться?
Он помнит, где опасности таятся
И доверяет чуткости ноздрей.

Был крепок сон, но спала амнезия,
Пришла уже в сознание Россия,
Вот-вот уж запряжёт она коней.

5.
Вот-вот уж запряжёт она коней,
Она уже стряхнула пыль с коленей,
Почувствовав поддержку поколений
И тайный зов разбросанных камней.

Вокруг шумят: "Ей надо быть скромней!",
Заученно твердят о вечной лени
И дёргают за кончики ремней
Неведомых стране приготовлений.

Но некому сказать: "Не возомни!
Движение – и лопнули ремни,
Движение – и рухнули преграды..."

И ждёт с надеждой преданная рать:
Начнёт Россия камни собирать,
И обратит свой взор к забытой рати.

6.
И обратит свой взор к забытой рати,
Оболганной, униженной вконец,
И встанет в изголовье у кровати,
Где мучается раненый боец.

Я верю: будут собраны у братьев
Не вор, не проходимец и подлец,
А те, чьей жизни смысл тишком украден,
Кого ограбил дочиста делец.

Получат все когда-то по заслугам:
И те, кто шёл минированным лугом,
И те, кто гнал на смерть своих парней.

А я горжусь, что вдалеке от власти
Глашатаем был той народа части,
Что берегла достоинство корней.

7.
Что берегла достоинство корней
Душа, не став подобием игрушки,
Хвалиться тем? Не знаю дел скверней –
Под звон литавр, под звон ли бражной кружки!

Ведь кто-то должен выбрать роль шкворней,
Беречь очаг, хранить покой старушки,
Как речь родную – дедушка Корней,
Как честь жены и честь России – Пушкин.

По всей Руси кладбища вопиют, –
То предки нам анафему поют
За кровь и зло междоусобной брани.

Мы всё смогли в обидах потопить,
И как нам через них переступить
Не ради славы, а потомков ради?

8.
Не ради славы, а потомков ради
Корпит над книгой времени пророк,
Учитель ставит "минусы" в тетради,
Священник гонит прочь от нас порок.

Рискуя жизнью, расщепляют радий.
А мне неведом таинства порог,
Хоть позади холмы судьбы и пади,
И призрачно маячит крайний срок.

От мыслей разум горестно дымится,
Душа, скорбя, предчувствием томится
И просит отпустить на небеса.

Давно мне опостылела реальность,
И не спасает русская ментальность –
Так хочется поверить в чудеса!

9.
Так хочется поверить в чудеса!
Душа, устав, становится наивней,
Сменив оценок прежних полюса,
То ждёт мороз, то снег, то жаждет ливней,

А то скворцов весёлый ждёт десант,
Когда смотрю с восторгом я на иней,
Мне чудится, что вовсе не детсад
Стоит вдали, а терем в дымке синей.

И грезится: в сугробе он погряз,
И вспоминать не хочется про грязь,
Про нынешние нравы и порядки.

Пройдёт догадка дрожью по спине:
Пора, хотя бы на недельку, мне
Туда вернуться, где играл я в прятки.

10.
Туда вернуться, где играл я в прятки,
Ох, нелегко по нынешним денькам!
Чешу затылок и седые прядки –
Пришла пора, да путь не по деньгам...

И вспоминаю палисад и грядки,
Прилёт скворцов и их весёлый гам,
И то, как я влюблялся без оглядки,
И как грустил по милым берегам.

Немилое с годами стало мило.
Нас время, не жалея, надломило,
Мелькнула жизнь, как хитрая лиса.

Не стану на неё напрасно злиться,
Попробую с родной природой слиться,
Уехав на полмесяца в леса.

11.
Уехав на полмесяца в леса,
Я забывал зловеший шёпот смуты,
И чем сильнее болели телеса,
Тем ощущались сладостней минуты.

Звенела первобытная роса,
С души спадали прежней жизни путы,
Без усталости бродил по три часа
Я, в сапоги тяжёлые обутой.

И убегал от праздного венка
Классически отточенных сонетов
К забытым и несбывшимся мечтам,

Туда, где жизнь давала мне пинка,
Не в силах дать практических советов,
Но от венка не спрятаться и там.

12.
Но от венка не спрятаться и там,
Где в буреломах ногу сломит леший,
Что не под силу было и "китам",
Сравнимым с Пастернаком и Олешей.

Вот, разве, сад, где с Евою Адам
Гулял, безгрешный до поры, и пеший,
Укрыл бы от него, да по садам
Летит сентябрь с осеннею депешей.

Не молод я и грешен – посеуму
Скептичен стал к творенью своему:
А вдруг мне труд такой не по летам?

И если так, прощенья попрошу
И за деревней молча поброжу,
Где летний дождик ходит по цветам.

13.
Где летний дождик ходит по цветам,
Там стебли трав в обнимку с ветром выются,
И по закатам, росам и ветрам
Погодные приметы узнаются.

Я уходил с корзиной по утрам,
Грустя о том, что песни не поются,
Что многие дома стоят без рам,
Что вдовьи слёзы дождиками льются.

И оттого, что нечем им помочь,
Страдал весь день, а наступала ночь –
Обуревали мысли и догадки:

"Свою природу тщимся обмануть.
Напрасный труд, лишь стоит нам уснуть,
Приснившись, будет наступать на пятки".

14.
Приснившись, будет наступать на пятки
Венок сонетов – порожденье смут,
И я пойму: положен на лопатки,
И завершу, хотя каноны жмут.

Моим врагам, что на расправы падки
И чья судьба уложится в Талмуд,
Наверняка, перекосит сопатки,
Но я надеюсь: русские поймут...

Увидев правду, не воскликнут: "Браво!",
Они судьбой на то имеют право,
Они-то знают: правды нет главней.

Пусть за слова и мысли пострадаю,
Но и строкой последней утверждаю:
Нет ничего подлее смутных дней.

Магистрал
Нет ничего подлее смутных дней,
Когда страну годами лихорадит.
Но чем болезней, тем она родней.
И свежий ветер лик России гладит.

Вот-вот уж запряжёт она коней
И обратит свой взор к забытой рати,
Что берегла достоинство корней
Не ради славы, а потомков ради.

Так хочется поверить в чудеса,
Туда вернуться, где играл я в прятки,
Уехав на полмесяца в леса!

Но от венка не спрятаться и там,
Где летний дождик ходит по цветам,
Приснившись, будет наступать на пятки.

Июнь 1999 – май 2021

НИНА ОРДОВА-МАРКГРАФ

Москва

Нина Густавовна Орлова-Маркграф – поэт, прозаик, переводчик. Стихи и проза печатались в литературно-художественных журналах "Алтай", "Москва", "Нева", "Юность", "Симбирск" и других.

Вышло три поэтических сборника: "Царь-сердце" – "Молодая гвардия" (1991); "Утешение" (2007), "Птицы-летицы" – "Сибирские огни" (2015); книги прозы: "Хочешь жить, Викентий?" (2015), "Простить Феликса" (2021), "Заступница" (2021).

В московских издательствах вышли книжки стихов для малышей: "Дерево-Жираф", "Рождественский подарок"; издательство "Белый город" выпустило серию книг для детей по истории России: "Северная столица", "Цари и императоры", "Самозванцы" и другие.

В разные годы вышли переводческие книги, в том числе: сборник стихотворений кумыкского поэта Шейит-Ханум Алишевой "Плачь, любви, воспоминаний" и книга переводов с аварского стихотворений Магомеда Ахмедова "Эпоха бездорожья".

Нина Густавовна – автор-составитель книг "Мысли русских патриархов", "Букварь по часослову и Псалтири" и других. Лауреат премии имени святого благоверного князя Александра Невского. Лауреат Международного конкурса имени Сергея Михалкова за сборник рассказов "Хочешь жить, Викентий?"

В РОССИИ, В СИБИРИ – ЗИМА...

Русский север

1.
 Ядрёный воздух – водка со слезой,
 аж горло обожгла "Стандарта" чарочка!
 – Где люди, где? – бормочет Вычегд́а,
 а ночью выйдешь – от месяца рогатого звезда
 бежит, как от барана ярочка
 нестриженная, в космосе волос
 ядро, за ним другое взорвалось –
 так свет звезда сама в себе рождает,
 слои пространств, пласты времён снимает,
 на снимке
 я вижу санный путь, лыжня ведёт к заимке,
 какой-то зверь (не разберу) бежит,
 он чует снежный пресс*,
 и наста поперёк, преобразуясь в крест,
 жезл Никона заснеженный лежит.

2.
Взывает небо гневную слезой.
Сферической алмазною фрезой
край вырезан. Он весь мороз по жести!
Расписанные Севера равнины –
подземных недр глухие ставни, и в окно
не видит око то, что видеть не должно:
как зреет золото, рождается свинец,
на озере солёном – солонец.

как отложилось серебро на рёбрах камня,
и медь зелёная, и бурый железняк.
Прорезывает крепкими клыками
Онежский берег белый известняк,
мел на Печоре, как в печи печёный,
и уголь – лебедь девственный и чёрный,
до времени упрятал красный клюв
в себе самом – я так его люблю!

3.
Людей нема, лишь рыщет зимний зверь,
принюхивается к московской гостье
И что тут съесть? Тоща, как прутья кости!
Пустынно озеро Вселуг,
на берег тень упала ниц,
верблюжьей власяницей
укутан луг под вечер,
солнца зимний кречет
почти не освещает старый мостик
и церковь древнюю на Ширковом погосте.
На снегу босых ступней следы –
 глубокие пещерки,
и лисьих лап узорные тетерки.
Могучих лиственниц тела свежи и ныне,
как тонкий мох, торчит меж ними иней.
Не сбиты молотком, гвоздями не пропиты,
покрыл нетленный тёс
 воздушной тканью скаты,
и лемех шлема серебрист как встарь,

но сердце храма вырвано – алтарь.
Глубенник-ветер бьётся, словно трос
о камень грудью, он многоголос,
так вопленицы заодно, все вместе
обрядно воют по живой невесте.

4.
Позёмка. Легкой вьюги бесенята.
Мне баял фольклорист, как он в семидесятых
здесь рыскал, алчно плачи собирал,
как слёзы, буковки в блокноте расползались,
поэзии младенческую завязь
он видел здесь во всём,
всё складывал вповалку:
былин обломки, расписную прялку,
наличники резные, песни, плачи,
балясины, фрагмент рыбацкой качи.
На прялке мировое дерево облупло,
осыпались вселенной гнёзда на ветвях,
в стволе дырявые чернеют дупла,
белесая короста на корнях.
Ушла отсюда жизнь, другая возродится,
пассионарии Руси сюда придут,
всё те же племена и имена, и лица,
да речь резка, к земле летит ледком,
атлас из гласных вырван с языком,
порывисты, энергия в них, ток,
и шаг уверен, словно молоток.
Вот высыпали на поляну дети,
что божии коровки мая,
разули глаз, раззявили роток
сиянью Севера, величину внимая.

Да, брошен Север, нынче он один,
гагара носится меж водяных седи,
находит место и гнездо свивает,
насиживает яйца, согревает,
лаская скорлупу, и облекает в плоть
жизнь новую...

*Снежный пресс – явление гравитационной аномалии

Хаски

Олесе Рудягиной

Это новое, это чудное
в русском пейзаже – дыхание Аляски,
разморозна зима,
ворон коротко каркнул и замер,
с заревого холма на тропу опускается хаски,
эскимоска с голубыми-голубыми глазами.

Псина Севера – в ней песец и олень, и лисица.
Мех рассыпчатый,
нежный и чуть на концах серебрится.
Побежит – нет ровнее и легче такого аллюра.
Уши стойкою: ловят неолитную песню каюра.

Рядом мальчик идёт,
он весь выпит, он только вернулся из школы –
третьеклассник, поникший такой, невесёлый:
краше в гроб, так бледны его губы и щёки,
а во взгляде ледок, а в сердечке обиды-мороки.

Вот зашли они
в реденький колок, усеянный хвоей,
белка шишку чихвостит,
снег покрыт рыжиною сухою.
Поднимается светлая хаски и словно танцует,
тычет носом в дитя и целует его, и целует,
на макушку,
на финскую шапочку дует, колдует.

Может, кажется мне,
может, видится нежная сказка?
Светом Севера шерсть её
веет, и вижу я снежную Фею:
вот и палочкой водит,
а мальчик решил, что указкой,
голубые глаза выдают – это хаски!

Чёрный пар из дитяти
выходит – морока, дурманец,
он смеётся, бежит, склоны щёк согревает
мальчишеский крепкий румянец!
А на вырубке – пни из-под снега
рядами, как школьные парты.
Фея вынула пень, превратила в бегущие нарты,
и мальчишку сажает:
"Теперь эскимос ты, каюр!"
И сама переходит на ровный и лёгкий аллюр.

И несут его нарты. В России, в Сибири – зима,
бубен тундры натянут –
Анадырь, Омогон, Колыма.
Мальчик правит,
кричит на юитском: "Скорее! ой-ёй!"
А румянец на щёчках разлился –
и слился с вечерней зарёй!

Под пенье гармони

У подошвы горы да стоял монастырь,
с гор спускалась ночная прохлада,
там послушник читал неусыпно псалтырь –
в гимнастёрке военной, собой богатырь,
был он в прошлом солдат Сталинграда.

В битве главной, на той, сто второй высоте
взрыв рванул, и пропали в разломе
три окопа, и сам он исчез в темноте,
и свинцовая склоны укрыла метель,
где весь взвод его был похоронен.

Самого отшвырнуло взрывною волной,
в разъярённую землю зарыло,
он лежал чуть живой, чужа грудью, спиной,
как сжимает великая сила.

Ох, и тяга земная – суглинок, песок,
пуще камня меня придавила,
и курган невысок – бугорок среди гор,
но ушёл я туда глубже, чем Святогор,
в холод глины и цепкого ила.

Я бы крикнул, да рот затрамбует земля,
лучше, други, не шевелиться.
Я глаза бы открыл, да опять же нельзя:
заползает зыбучий песок как змея,
и гнездится в глазницах.

Смерть красна на миру, даже тут, на юру,
но живьём разве можно в могилу?
Ни звезды по ночам, ни зари поутру,
сколько так пролежу и когда я умру?
Или всё же спасут? Или сгину?

Сам не ведал он, сколько в земле пролежал,
вдруг железа отчаянный скрежет –
это штык от винтовки на камень попал,
кто-то дёрн ковырял и завал разгребал,
свет как будто забрезжил.

Близко голос раздался: – Микола, скорей!
Благовестила звонко лопата.
– Поднимай его, Вася! Полегче, Андрей!
Он увидел курган, дальний ряд батарей.
– Бог спаси вас, ребята.

...При подошве горы да стоял монастырь,
с гор спускалась ночная прохлада.
В келье инок читал неусыпно псалтырь,
в одеянье монашьем, собой богатырь –
был он в прошлом солдат Сталинграда.

Трубным голосом вечную память поёт,
и рыдающе, гулко, пустынно
имена называет, как будто зовёт.
Там, за ладанным облаком дыма
видит каждого, крестит могучей рукой:
"Во блаженном успении вечный покой".

Камешек

Как ходила по деревне Грунюшка,
вся в булабочках, ими позванивая,
диколоном шибко пованивая,
любит Груня булавки, – чтоб ты их! –
наколола пяток на кофту их,
и на юбку, подол дутым парусом,
насажала булавок в три яруса.

Как ходила по деревне Грунюшка,
говорила Груня таковы слова:
"Вы, родимые, все в работушке,
в суете порожней, заботушке,
венцы правите, крыши кроете,
крыльца ставите со перильцами,
по балясинам с колокольцами,

ставни красите, окна моете,
округ изб родных хороводите,
красоту последнюю наводите,
к расставанью вечному готовитесь?

Как уйдут в воду избы-утопленницы,
завопим мы, горюши, вопленицы.
Всё под воду пойдёт – площадь, улица,
захлебнётся что курица, кузница,
луг опустится, с ним и мельница,
школа скроется, двор конюшенный,
родной домушко, Солодушино!

Мужики ей в ответ балагурили:
"Мухомора наелась, дура ли?
в голове-то ума ни граммочки,
диколоны одни да булабочки".
Бабы сердятся, губы трубочкой:
"Что несёшь несусветное, дурочка?
Под копыта твою колобродину,
под колеса твою окоlesiцу!"

Окружили Груню, толкают,
словечками срамными ругают,
положили на дубову лавочку,
да и сняли с неё булабочки!
Лишь одна в поясок закралася,
растегнувшись, торчать осталася.

Плачет Груня, поднявшись с лавочки:
"Отняли у Груняши була-а-авочки..."
Побрела без тропы, без дорожечки,
босиком, а волчцы ровно ножички,
ребятня вся за ней, гигакают,
в ликование бегут, улюлюкают,
обзывают волхиткой*, ляввою,
называют вороной белою,
а Павлуша схватил острый камешек
угодил ей в лопатку левую.

Встрепенулась, взвилась,
больно крылышко!
Полетела с пригорка Грунюшка.
– Гляньте, Груня походит на бабочку,
да наколотую на булабочку!

2.
Сорок лет с того дня отстукало,
просвистело да продудукало,
протекло, водой затопилося,
под которой деревня скрылася.
"Сорок лет..." – плещет море Волжское
"Сорок лет..." – хлещет море волнами,
"Сорок лет!" – шепчет голос странника
Остановится, с берега взглянет-ка
в синю даль и на миг зажмурится:
"Там двory наши, площадь, улица,
помню кузницу, помню мельницу,
огороды, огрудок, кладбище,
там и Грунина где-то могилушка.

Помню, помню: бежит парнишечка,
шаровары, рубашка в клеточку,
мимо бани бежит и глиняницы,
мимо пня с топором, поленницы,
мимо садика с мальвой розовой
со ватагой несется грозною
и кричит: "Стой, ворона белая!"
...Мимо церкви, тогда ещё целая,
мимо дома – целёх пока ещё,
а в руке его – острый камешек.

* Волхитка (волховка, волхунья) – знахарка,
колдунья, ведунья, еретица

Пасха в лесу

мальчику Елисею посвящается

Не хруст кустов, а звон хрустальный
сейчас в лесу. Он весь пасхальный!
Сочает пасоку береза,
ища священный ход-надрез,
и веток золотеет крест
на маковке далекой ёлки.
У белки прибрано в светёлке.

Эх, Пасха красная в лесу!
Я на руках кулич несущу,
а грудки гладкие яиц
похожи на зарянок-птиц.
Ласкает солнце лисьим мехом,
со всех сторон несется эхо:
"Давайте здесь! Не отставайте!
Поставь кулич на пень, под елью!"
И, наконец, в кружок все сели.

На всех разрезали кулич,
взял каждый красное яичко –
вдруг птица рядом: "Свирь-свире-ли!" –
нас окропили капли трели!
И, выпустив жука из рук,
наш Елисей, как солнце весел,
сказал: "Мне эта птичка – друг!
Христос воскрес!"

Глупый Коля

Его в деревне называют глупым Колей,
он телом взрослый, разумом – дитя,
он вечно босый – вот бежит по полю,
колючи дудки, а ему ничуть не колко,

и плетеницей над челом взлетает чёлка.
Лицом красив – черты, как отблеск рая,
глаза – озёра горного Алтая,
рот в детской радости открыт и ловит мух.
Всё Коле нравится. Всё хорошо ему.
"Ты мамку любишь?" – Засмеётся Коляша.
Он любит всех, но бабушку всех больше.

Мать в городе, всё ищет лучшей доли.
В завивке модной, в платье – чистый шёлк,
с гостинцами для бабушки и Коли
приедет в отпуск – то-то хорошо!
Но отчий дым ей очи ест – он горек,
недельку проживёт и – снова в город.

Сейчас мы знаем, полем он бежит,
вдали комбайн срезает волны ржи,
садится солнце – вот оно погасло,
и гонит стадо пыльное пастух,
идут коровы – молоко, сметану масло,
дары для жизни в вымени несут.

Воитель грозный, племени хранитель,
в любовной муке бык-производитель
цель догоняет – трепетную Майку,
в нем центнер мышц, башка размером с шайку
и, как ухват, угнутые рога.
Идёт отдельным стадом мелюзга,
овечки-ярочки и козочки пуховы,
баран шагает и козёл бедовый.
Над речкой мост, дощатые подмости,
топятся бабы, старики, подростки,
здесь вся деревня собралась встречать скотину,
и Коля тут босой и с хворостиной.
Он за козлом бежит смеясь: эй, Борька!
На спину – прыг и едет на козле!
А бабка смотрит и вздыхает горько:
"Ох, горькое дитя! Считай, шестнадцать лет,
ровесники робята уж девок щиплят,
на тракторах всё лето, на канбайнах,
Володька Дудь с весны на мотоцикле,
а мой-то, поглядите, на козле".
И слёзы фартуком несчастно утирает,
А Коля: – Баба, бабушка, не плачь!
Бросает Борьку, тот умчался вскачь.
– Ох, горькое дитя. Ох, доля злая...
Он обнимает бабушку: – Не плачь!
И плачет сам. А почему, не знает.

ВЛАДИМИР РОМАНОВ

Краснодар

В июне этого года краснодарский поэт и прозаик завершил большой труд – подготовил в цифровом формате свой поэтический восьмитомник. Более 1300 произведений издания охватывают пятидесятилетний период творчества автора. Предлагаем вашему вниманию подборку стихотворений, где из каждого тома выбрано по два произведения. Ознакомиться с книгами можно на сайте Павловской библиотеки (Пермский край) в разделе "Электронная библиотека"

НЕДОПЕТАЯ МЕЛОДИЯ ДУШИ**1.1. Недопетая мелодия души**

Душа его как скрипка Паганини
мелодией божественной взрывалась
и то взлетала ввысь, то вниз срывалась
да падала на равнодушья льдины!

Разбившись в кровь, зализывала раны,
скулила тихо, чтоб никто не слышал –
казалось, что она уже не дышит,
но умирать ей было слишком рано!

Ещё не все усвоены уроки
и слёз ещё не выплаканных море,
и всё что было, то ещё не горе,
и уходить не подоспели сроки.

В мелодии ещё не взята нота,
та самая пронзительная Си,
после которой уж не будет сил
ни петь,

ни жить,

ни чувствовать хоть что-то...

1.2. Яд любви

Из кубка яд любви я отхлебнул,
он убивал не сразу – постепенно,
мне кто-то тихо на ухо шепнул,
что в этом мире всё, конечно, бrenно...

Я заглянуть хотел в зрачок ствола –
как он сочился маслянистым ядом!
В душе моей сгорало всё дотла
и было ничего уже не надо...

Я же, как маятник больших часов,
то вверх, то вниз размеренно качался...
Часы остановились, и без слов
я тотчас на молекулы распался.

Я мёртв сейчас, и только оболочка
моя ещё мучительно болит,
в конце пути не многоточье – точка,
а яд любви из кубка не допит...

И только звон с окрестных колоколен
да кружащее в небе вороньё
напоминали: я любовью болен,
а каждому влюблённому своё...

2.1. Решает миг, но предрекает час...

...Решает миг, но предрекает час.
Константин Бальмонт

Решает миг, но предрекает час,
и смерть придёт, да только не сейчас,
но миг настанет и увидит Бог
всё то, что ты в душе своей сберёг.

Ты это принесёшь на Божий суд –
неотвратимо все туда придут,
и вот тогда припомнишь ты тотчас:
"Решает миг, но предreshает час..."

2.2. *Это осень*

Это осень, мой друг, это осень,
мне не спится уже в четыре,
и душа ничего не просит –
всё уж пройдено в этом мире.

А в тот, горний, пока что рано –
знать, я что-то ещё не сделал,
вот пишу на листочке рваном,
но кому до меня есть дело?

Это мысли, всего лишь мысли,
что от них, бестолковых, проку?
Всё понятно в известном смысле,
только жизнь не сложилась к сроку.

Это осень, что ж, снова осень –
дождь стучит по оконной раме...
Может, Бога о чём попросим,
да суть просьбы не знаем сами.

3.1. *Ступени к самому себе. Пролог*

Я знаю, что не совершенен,
но так прекрасно, что я есть,
а мир вокруг, он тем и ценен,
что мне оттенков в нём не счесть!

Имею право ошибаться –
не ошибается лишь Бог.
Всю жизнь учусь, чтоб не сгибаться,
ведя с судьбою диалог.

Познать, что значат свет и тени,
и с благодарностью к судьбе
пройти одиннадцать ступеней
дороги-лестницы к себе.

3.2. *Молитва*

...И Иисус сказал: "Иди и поступай так же"...
Притча о добром самаритянине

Господи, помилуй меня, грешного,
силы дай идти и не упасть –
нет на свете горя безутешного,
малозначимы и власть, и страсть.

Господи, пусть разум мне останется,
ну, а людям – сердца теплота,
и душа моя пусть не обманется
тем, в ком видится мне чистота.

Господи, в моей дороге к Истине
одолею злобу и навет,
жизнь моя идёт тропой тернистой,
остальное – суета сует...

4.1. *Возьми мои книги*

Возьми мои книги, я в них неподдельно живой,
на каждой странице тебе там откроется что-то,
а ты мне с досадой качаешь в ответ головой,
мол, некогда, знаешь ли – всё суета да работа.

Пытаюсь пробиться
к читательским светлым умам,
до них достучаться
своим поэтическим словом,
а им, видно, лучше и проще сидеть по домам
и жвачку жевать, что ТВ выдаёт за основу...

Прочти раз за разом,
ты в них непременно найдёшь
ответы мои на твои непростые вопросы –
там правда и боль,
а не льстиво-привычная ложь,
хоть слог иногда
в этих книгах не слишком причёсан.

Открой их сейчас, а не завтра, пока я живой,
в них мысль моя бьётся
и ищет того, кто рассудит.
А завтра? Да завтра я стану осенней листвой
и только случайный
прохожий топтать её будет...

4.2. *Блюз ожидания*

Ну, и кто же придумал, что ждать – это трудно,
надо только при этом забыть о часах,
а вот что остаётся в осадке – секунды?,
так я взвесил их все, подержав на весах.

Я их все подсчитал, только дело не в этом,
впрочем, хочешь, скажу, сколько их протекло
с той минуты, когда ты исчезла с рассветом –
отпечаток хранит часовое стекло...

А когда ты вернёшься, то странное время
вновь изменит свой ход на стремительный бег,
вновь разрушится
стройность простой теоремы,
вновь секундами будет измерен ночлег.

Я правдивость познал арифметики жизни,
где на минус всё чаще меняется плюс:
арифметики правила слишком капризны –
в пику правилам этим рождается блюз...

Пусть из действий останется лишь вычитанье,
пусть безжалостно вычтут тебя из меня,
но души невесомой твоей очертанья
звуки этого блюза во мне сохранят...

5.1. *Забавная твоя косичка...*

*Горной крестьянки
след, свисает косичка
её как ветка.
А мне в постели эту
долгую ночь коротать?
Какиномото-но Хитомаро,
начало VIII века*

Забавная твоя косичка,
дрожит как хвостик жеребёнка,
а ты похожа на ребёнка –
на шуструю лесную птичку.

Но птичка эта пролетела,
прощебетала что-то звонко –
уж осень за окном желтела
резным листком рябины тонкой...

Играю с ночью я в молчанку
и маюсь на диване старом,
вновь перечитывая танка
Какиномото Хитомаро.

5.2. *Когда - то жил я в этих стенах...*

*С горы Исино
дует холодный ветер.
В руинах старой
деревни я слышу, как
плещется ткань на ветру.
Фудзивара-но Масацунэ,
1170...1221 годы*

Когда-то жил я в этих стенах –
их мои руки возводили,
по капле время здесь цедили,
не думая о переменах...

А нынче всё вокруг иное –
здесь я совсем не ко двору,
застиранною простынёю
полощет память на ветру.

6.1. *Вся жизнь – торги?*

Вся жизнь – торги, и я в ней покупатель?..
Да нет, скорей всего, я – продавец,
который долго ждёт, пока купец
даст цену – ту, что выставил Создатель.

Но если это так, то кто ж тогда
находится с той стороны прилавка,
где наблюдается, увы, не давка,
и редкие заходят господа?

А мой товар в витринке под стеклом
лежит себе, рекламой не нагружен,
я ем сухарь, оставленный на ужин,
и строю мост между Добром и Злом...

6.2. *О не - Бродских стихах*

Я на книжных развалах
читаю не-Бродских стихи:
бледность стиля плохого
с потугой на оригинальность.
За какие такие не явные миру грехи
излагать их заставило
что-то такую банальность?

Натянувшие криво сидящую маску "Поэт",
они пишут о чём-то во имя процесса писанья:
о любви? – не звучит у героев любовный дуэт;
о душе? – нет вибраций
и нет им в ответ сострадания.

Тут пляши не пляши
на осколках разбитых зеркал –
будет танец издёвкой
над чувствами восприниматься.
Как слова примитивны,
их автор затёр, затаскал!
Нету стержня внутри,
значит, нечему будет ломаться!

7.1. *Кто я?*

Кто я? Паранормальный отпечаток
тысячелетия назад гремевших гроз,
я – атома разрушенный остаток,
исторгнутый из недр умерших звёзд.

Я – дерево, проросшее оттуда,
мой ствол изъеден вихрями времён.
Я выше сплетен, слухов, пересудов
и надо мною властен только Он.

Уж сколько лет тянусь мыслеветвями
к тебе, к нему – к любому, кто готов
понять, что за простыми письменами
есть скрытый смысл невысказанных слов.

7.2. *Осеннее*

Марине

В полёте замер пятипалый лист
и соскользнул, закрыв собою небо,
кому-то на том свете на потребу:
у них там, видно, листьев – завались!

Лежал себе с покрытой головой,
вдыхая запахи осенней прели,
и думая: "Как мысли постарели,
хотя я вроде бы ещё живой!"

И, лёжа, неземную красоту
я видел третьим рудиментным глазом,
в которую поверилось не сразу,
и света столб, ушедший в высоту.

А по столбу ко мне сходил Господь,
а может, кто-то на Него похожий –
весь в белом, светлоокий, светлокожий,
с тремя перстами, сжатыми в щепоть...

Но ветер разметал вокруг листы.
Исчез и тот, что закрывал всё небо,
и понял я, что рано мне до тины –
как Ангел надо мной склонилась ты...

8.1. Фигляр

Опять всё то же... И что дальше?
Софиты, пыль с колосников,
я мавр, крадущийся в альков,
и монолог мой полон фальши.

Спина уже из гуттаперчи,
но ведь когда-то стержень был,
а нынче с уменьшением сил
мой мир лишь рампою очерчен.

Я шут на сцене, я – фигляр,
меж топором и гильотиной
не крови чую запах – тины,
но спрятана душа в футляр...

В партере рукоплещут: "Би-и-с!"
там жаждут зрелищ, жаждут крови –
толпе кривляния не внове,
я ж призван исполнять каприз.

Всё... Акт последний отыграл,
душа нанизана на вертел,
и вот приходит как финал
не жизни ложь, но правда смерти...

8.2. Саше Чёрному

*Если лучшие будут бросаться в пролёты,
скиснет мир от бескрылых гиен и тупиц!
Саша Чёрный, "Больному"*

Я в пролёты безумства бросаться не буду –
бездну плотью своей ни к чему засорять,
чтобы после, став сутью людских пересудов,
в новостях соцсетей на мгновенье застрять.

Пусть плутает душа то в тумане, то в дыме –
есть что считать ей со страниц бытия,
если Муза меня на копье и подымет,
будет что-то виднее с вершины копья.

Надо чаще бывать в одиночестве мысли –
мысль должна виноградную гроздь созреть,
чтобы после, созрев, влагой терпкою брызнуть
и кого-то вином откровенья согреть.

Жизнь пасьянс по своим составляет законам
и судьбы нашей нить всё прядёт да прядёт...
Будем помнить, что в перстне царя Соломона
было писано вязью: "И это пройдёт".

ЮРИЙ МАНАКОВ

Казахстан. Рудный Алтай

Поэт и прозаик Юрий Манаков родился на Рудном Алтае в г. Риддере. Срочную службу в Средней Азии, высшее журналистское образование получил в Иркутском государственном университете. Стихи пишет с 13 лет. Публиковался в журналах и альманахах "Сахалин", "Сибирь", "Алтай", "Простор", "Наш современник", "Братина", "Молодая гвардия", "Москва" и других. Автор более пятнадцати книг стихов и прозы. Лауреат Московского международного поэтического конкурса "Золотое перо". Член Союза писателей России. Живёт в Подмоскovie и на Рудном Алтае.

АЛТАЙ ТЫ МОЙ ЗЕЛЕНОГЛАЗЫЙ...*Алтай*

По острым камням, по овальным и плоским
Бегу я с горы, будто заяц, вприпрыжку.
Вослед мне, я слышу, как шепчут берёзки:
"Ведь этот толстяк далеко не мальчишка!"

Да, я уж седьмой распечатал десяток,
Но брежу горами ночами, как прежде.
И эти виденья вовек не иссякнут,
Как прелесть моих по кедровникам лежбищ.

Ночлеги, карабканье вверх по останцам.
Черника, кедровые шишки, коренья.
Жарки на лугах, будто росписи странствий,
Как строфы ведических стихотворений.

Присяду легко на плиту, что в накрапах,
Окину места несказанные эти,
Отмечу: по склону прошли косолапо,
Траву заплетая в косички, медведи.

Темнеет. Луна скоро в небе повиснет,
Как лампочка, горы мои освещая.
Не надо мне кучу искусственных жизней,
Мне хватит одной, но чтоб здесь, на Алтае.

* * *

Лошадь пьёт короткими глотками
Воду из прозрачного ручья,
Шевелит мохнатыми ушами,
Втягивая влагу бытия.

А со дна взрываются песчинки.
И каскад причудливой игры,
Может, и является причиной,
Что рождает новые миры.

Живый в помощи

На стене отпечаток переплёта окна.
В нём колеблются тени шелковистых ветвей.
И сквозь их отраженье иконка видна,
Молчаливая спутница жизни моей.

Старцем Оптинским на перекрестье судьбы
В дни скитаний моих по великой стране
Образок этот хрупкий подарен мне был,
И теперь он всегда и повсюду при мне.

Богородица Дева с Младенцем на нём.
И пронзительно внятн в своей высоте
Девяностый псалом "Живый в помощи...", он
Вязью выписан чуткой на тыльном листе.

Я его прочитал всего несколько раз
И запомнил весь текст без труда наизусть.
Помогла память крови, что в каждом из нас
Есть от прадедов крепких, взлелеявших Русь!

Помогла память света, в котором псалмы
И молитвы хранятся в живой кладовой.
Час приходит, и к ним обращаемся мы,
Как к истокам своим и защите святой.

Дед

Нет у деда моего
Ни могилки, ни креста.
Нет в архивах на него
Похоронного листа.

Только "без вести пропал"
В деревеньку на Алтай,
В избу, где дымил чувал,
Настудило и не в май,

А в заснеженный январь
Горе почтальон принёс.
Холодела синева
От горячих детских слёз.

Есть у деда моего
Больше двух годов войны.
Нет у деда моего
Перед Родиной вины.

Он в пехоте воевал
И винтовкой, и штыком,
Рукопашные знавал,
Не единожды притом.

Сердцем двигала его
Ярость попанной земли:
Много видел он всего,
Когда вновь на запад шли.

Мама помнит с юных дней:
Дед телегу подвезёт
К речке, полную грудей,
Лошадь ловко распряжёт,

Кадки выкатит к воде,
Улыбнётся широко:
Вот опять поспел везде
Алексей Ильич Альков!

Перед самою войной
Дед задумал новый дом
Строить, каждое бревно
В сруб определив ладом.

Но едва на фронт ушёл,
Как пронырливый колхоз
Поступил нехорошо:
Брёвна со двора увёз.

Был ли умысел в том злой
Или шаткие дела,
Но солдатка с ребятей
Так в избушке и жила.

Дед под Витебском убит,
Там его последний бой.
Он от нас навек укрыт
Стылой взорванной землёй.

Сколько уж прошло всего
После горькой той войны.
Нет у деда моего
Перед Родиной вины.

Небо

Памяти Павла Васильева

Там, где Иртыш, как лезвие кинжала,
Разваливает надвое луга,
Как сукровица, пена краснотала
На глинистых и топких берегах.

Там, где в снегах вершины, что не меркнут
И ночью, отражая звёздный свет,
В высоком небе одинокий беркут
Загадочный прочерчивает след.

Земля свои меняет очертанья,
Насытась злом, издразнили палачи.
Ни оправданья нет, ни покаянья,
Лишь по-над степью реквием звучит.

Он и зимой, в мороз не умолкает,
Как будто нам печалуется степь,
Певца и сына нежно вспоминая,
Что не расправил крылья, не окреп,

Но был распят безжалостно и подло
На капище. Учёная толпа,
Вернее так – начитанная кодла
С оскалом развращённого раба

Глумилась всласть. И память о поэте –
Ей думалось – она втоптала в грязь.
Тогда-то в небо с ясным горним светом
Душа его, как птица, поднялась.

И кто б теперь преданье ни коверкал,
Чего б надменно ни произносил,
Летит в просторном небе вольный беркут
От гор Зайсанских к песенной Руси.

* * *

Алтай ты мой зеленоглазый,
В теснине глыбистых хребтов
Ты неоконченным рассказом
Простёрся посреди веков.

Я перелистываю книгу,
В ней кедры, вереск и жарки,
Дороги каменной изгибы,
На дне ущелья шум реки.

Ютится пасека на склоне,
Пасётся лошадь на лугу.
Я до того в мой край влюблённый,
Что и расплакаться могу.

Я до того с тобой сроднился,
Алтай мой, горный и лесной.
И мне вовеки не напиться
Водой твоею ключевой!

* * *

Гляди-ка, дали дёру
В отпетые края
Заклятые партнёры,
Махровые друзья.

Да только они те ли? –
Без них в родной дали
И сопки посвежели,
Долины расцвели.

Ах, кто б их там приветил,
Бла́гами привязал,
Чтоб о "партнёрах" этих
Никто не вспоминал!

Иван Грозный

Как бродил я по Вологде
 между старинных раскопов,
Где в осенней воде частоколов темнели ряды,
Как защита от подлых
 татаро-монгольских наскоков
И надёжный заслон
 от степной неминуемой беды.

А поверх их слои
 выше метра по острому срезу,
В них полоски песка
 и брусчатки неправильный скол,
По которой – из летописей
 достоверно известно –
Царь наш Грозный Иван
 не единожды в думах прошёл.

Он тогда возводил здесь
 Софийский собор достославный,
Победитель Орды, усмиритель кичливых бояр,
Для народа заступник,
 ревнитель основ православных,
Первый в Русской Земле
 полновластный её Государь.

Как бродил я по Вологде,
 камни и плиты молчали,
Но по воздуху плыл
 колокольный полуденный звон.
И казалось, что тёплые звуки царя поминали,
Что уже пять веков
 в каземат клеветы заключён.

Пусть бы только из уст
 иноземных сочились наветы:
К скрытой злобе соседей России –
 и не привыкать? –
Но скрипели гусиными перьями,
 тешась, боярские дети,
Очерняли царя. Ну, и ложь
 закрепилась в веках.

Слой за слоем пласты археологи
 тихо снимают,
И уже проступила брусчатка неровная вязь.
Я молю тебя, Родина, милая наша, родная!
Ты очнись ото сна
 и сотри с царской памяти грязь!

Почерк

У мамы почерк был каллиграфический,
А я, как лапой курица, чиркал.
Порядок был такой идиотический:
Чтоб каждый только правою писал.

А я – левша. Указкою по пальцам мне
Учительница правила мозги.
В тетрадях оттого, как ни старался я,
Росли каракули, как пауки.

Ах, как же я любил чистописание!
Перед листом всегда благоговел
И промокашкой, словно накрахмаленной,
Я без помарки промокнуть умел.

Но буквы и слова брели по-разному –
Не управлялась правая рука.
И от пятёрок, как великих праздников,
Была моя учёба далека.

Вот говорят: по почерку характеры
Учёный может вмиг определить...
А если не своей рукой, как трактором,
Меня принудили весь век водить?

Теперь, когда и жизнь почти вся признана,
На ней я вижу грустную печать:
Того, что было с вечера написано,
Мне поутру уже не разобрать.

Памятник Ермаку

Нет, каков у истории маятник –
Больно режет по ткани живой:
Ермаку Тимофеичу памятник
Взорван был одуревшей толпой.

Нет бы, им поклониться воителю,
Что мечом своим путь прорубил:
Первобытнообщинной обители
Ключ к труду и расцвету вручил.

Никого не посёк и не выжег он,
Разве только Кучума помял,
Так того чуть попозже – уж вышло так! –
Придушила своя же родня.

А племянник Кучума с дружиною –
Кто не знает – в Ливонии бил
Псов-тевтонов с батырскою силою,
Потому что Россию любил.

Но потом охмелевшие выхлесты,
Разжиревши на русских хлебах,
Чуть качнуло страну, так и выползли
И сплясали на древних гробах.

Но нашлись всё же добрые молодцы,
И, в КамАЗы куски поместив,
Через степи взбесившихся "половцев"
Провезли их в Алтайский разлив.

Нынче вновь успокоился маятник,
И бараний пригладился ворс.
Но теперь восстановленный памятник
Бережёт город Змеиногорск.

Ручеёк

Там, где пышно зеленеют пашни,
Где осинки окаймляют дол,
Ручеёк упрятался в ромашки,
Как ребёнок матери в подол.

Что-то он весёлое лепечет,
Но о чём, никак не разберу.
Как всё это сердце моё лечит!
Слыша это – разве ж я умру?..

* * *

Дует ветер из каменных створ.
Конь упрямый, надёжное стремя.
Ошкурило поваленный ствол
Ко всему безучастное время.

Мы спускаемся, щебень хрустит,
Словно нехотя предупреждая,
Как опасно сегодня ходить
Одному по зыбучему краю.

Поседевшая грива коня
Развевается пепельным дымом.
Почему вечно тянет меня
В горы, к местностям непроходимым?

Нынче тучи и сырость с утра.
Брызнет дождь, то в порыв, то отвесно.
Отучиться давно бы пора
Без конца мне заглядывать в бездны.

У окошка б надолго засесть
Иль взобраться на печь, на полати.
И резон в этом вроде бы есть.
Но вот как мне с душою поладить?..

Руки отца

Отрывок из раннего детства
Я в сердце под спудом сберёг:
Был пасмурный вечер апрельский
И зыбок дощатый мосток.

С отцом, возвращаясь с заимки,
Взошли на него, и тогда
Решил я идти без заминки
Один – не страшна мне вода!

Качнулись висячие кладки,
И я как птенец полетел.
В прыжке у волны меня папка
Поймать за тужурку успел.

Кипели бурёны и звонко
Сшибались друг с другом, дробясь.
Хотела сглотнуть нас воронка
И выплюнуть где-нибудь в грязь.

Но ловким отец был и сильным,
Настырней, чем воды весной.
Он вырвал меня из пучины.
И позже, в сторожке лесной

Мне было тепло и не страшно,
Печь светом узоры ткала.
И только отцова фуражка
Корабликом где-то плыла.

Я вырос давно уж, но если,
Бывает, настигнет беда,
Как старую добрую песню
Я день тот припомню тогда.

И выведут памяти струны
Всё то, чему нету конца:
Нависшие тучи, бурёны,
И сильные руки отца.

ГЕННАДИЙ ПОШАГАЕВ

Краснодар

Сколько бы раз мы ни перечитывали произведения Геннадия Григорьевича Пошагаева, слёзы невольно наворачиваются на глаза. Мы сочувствуем его трогательным героям, юным и взрослым: беглецу-скитальцу Чумакову, шкодливому Ваньке Сухаренку, незадачливому строителю Андрею Чокину... Но особенно жаль маленького сироту Гошу из повести "Немая". Справиться с волнением помогает лишь сознание, что в реальной жизни герой сумел преодолеть все испытания и, в конце концов, стал известным писателем. В стихотворении, посвящённом Геннадию Пошагаеву, один из кубанских поэтов написал такие строчки:

Но годы юности промчались,
И все исполнились мечты!
Читали мы и улыбались...
Мы знали: Гоша – это ты!

Геннадий Григорьевич на редкость плодовитый прозаик. Но дело, конечно, не в количестве испанной бумаги... Пошагаев пишет так, словно вслух рассказывает о том, что с ним случилось. Многие его произведения написаны от первого лица, и это не просто литературный приём: писатель действительно многое почерпнул из собственной жизни. Какое надо иметь мужество, внутренний крепкий стержень, чтобы не сломаться, найти свою колею в жизни! Недаром досталась ему такая фамилия – Пошагаев: он прошагал нелёгкий путь от маленького детдомовца до известного писателя, лауреата самой высокой литературной премии Кубани – им. Епистинии Степановой.

Примите, дорогой Геннадий Григорьевич, самые искренние и тёплые поздравления с вашим славным юбилеем! Крепкого здоровья и творческого долголетия!

МАЛЬЧИШКИ

Рассказ

1.

Было тепло. Тополя-великаны, вымахавшие под облака, шумели в центре села, сбрасывая жёлтую листву. Каркали вороны... Казалось бы, одно удовольствие любоваться осенью, но Сане Беднякову, хилому подростку с измученным лицом, и говорливому долговязому Николаю Дудко в драной мичманке было вовсе не до огромных деревьев, переживших, как и люди, недавнюю страшную войну. По своей неизменной сиротской привычке, не поднимая головы, они слонялись у входа в клуб в надежде что-нибудь отыскать: мало ли что теряют местные жители после просмотра кинофильма. На разживу не везло сегодня, и ребята, вспомнив об ужине, побрели к себе в детдом, по-прежнему не замечая ни листопада, ни величественных тополей, издававших нежные шорохи...

Попутно детдомовцы облазили сельмаг и чайную, но и там ничего не раздобыли, и стало им скучно. А чтобы не унывать, дурашливый и деловой Дудко предавался выдумкам, распалял воображение дружка тем, что представлял, как, например, он и Саня идут по улице и вдруг видят: впереди на траве что-то блестит. И вот подходят, смотрят, а это валяется кусок золота. Дух захватывает: что делать, какие применить действия?

– Брось брехать, Мыкола! Ну тебя, – отмахнулся Санька, не любивший пустых разговоров. – Ты прямо как дурак – думками богатеешь.

Николай не обиделся, наоборот, ему нравилось, когда дружок кипит, фыркает. Приобнял болезненного и молчаливого Саньку, потормошил за плечо:

– Эх, Саня..., не печалься! Мы ещё пробьёмся, и негоже нам, морякам, сопливиться! Главное, что ты у меня самый закадычный и незаменимый кореш! И вообще, ты молодчина! До гроба не забуду, как из беды выручал! Да если б не ты, ё-моё, вах-вах..., давно бы зафуговали в труд-колонию! Прошлым летом киномеханик, помнишь... собака, не пускал пацанов наших в клуб на "Щорса". Псих напал, ух, я взбеленился, нацелился глаз выбить этому иуде из рогатки! А тут ты подлез, толкнул, и я промазал, мимо пролетел камешек...

Верно, так оно и было в действительности, потому не зря Николай дорожил дружбой с Бедняковым. Хотя и дохлый с виду дружок, животом мучается, зато в любом деле надёжный, не предаст в момент опасности. И как куда идти промышлять, Дудко обязательно прихватывал с собой в напарники Саньку. С ним, ординарцем, он чувствовал себя более уверенно. А ведь если разобраться, то по сути своей оба слеплены из разного теста, и в детдоме недоумевали и все ещё удивлялись, что Бедняков и Дудко до сих пор ладят между собой, ни разу не сцепились в кровопролитной драчке. Почему-то многие считали, будто по недоразумению они дружат. Во-первых, Дудко куряка, махорку смолит безбожно, а Санька не выносит запаха дыма, сразу же отваливает на сторону, поджидает терпеливо, когда блатной дружок, блокадник, наглотеется табачной вони. Во-вторых, Дудко неисправимый сквернослов, в то время как Саня Бедняков поистине имел ангельское сердце. Мог, правда, вспылить, а порою поражал способностью болезненно-остро переживать любую несправедливость, когда кого-то обижали...

Вечерело незаметно. Слышалось размеренное, монотонное шарканье ног по опавшим сухим листьям. Ребята со скучающими лицами добирались до своих корпусов. Оба проголодались, и их совершенно не интересовали сгущавшиеся сумерки. Не проявили внимания и к багровому солнцу с оплавленными краями, которое, увеличиваясь в размерах, погружалось в мощную крону старого тополя. Казалось, обжигая ветви, оно запуталось в середине звенящей листвы и, дробясь на огненные осколки, никак не могло выкарабкаться... К сожалению, ничего этого детдомовцы не замечали – это вполне объяснимо, понять можно мальчишек. Что и говорить, житуха незавидная и неинтересная выпала на их долю. Надоели построения каждодневные, головомойки воспитателей, перловка опротивела, которую дают часто без масла. А как хочется чего-то необычного, каких-то забавных приключений. Недостаёт свежих и ярких впечатлений...

2.

Вскоре ребята остановились, заметив на углу пекарни какого-то мужичонку в мичуринской шляпе и козловой безрукавке, который, топорща вислые уши, пошатывался, прижимая к себе десятилитровый баллон с болтавшейся в нём красновато-тёмной жидкостью. Дудко, не утерпев, свистнул сквозь зубы, и шупленького пьяного человека так сильно качнуло, что казалось, сейчас не устоит на ногах, вот-вот брякнется наземь.

Дудко заухмылялся, с восторженной заинтересованностью всмотрелся в мужичонку, фасонисто сдвинул на бок потрёпанную мичманку с лопнувшим козырьком. Детдомовцу-блокаднику было смешно, что тот тарашил глаза на них, как будто их не видел, хотя и улыбался им.

– Ну и здорово наклюкался дядька! Видал, Сань... А баллон, смотри, как прижимает! Так, как жених невесту, ха-ха! А знаешь..., что-то морда мне его знакома, где-то видел, а не соображу...

– Да парикмахер это! На прошлой неделе приходит скубти, чикал ножницами пацанов наших... Забыл!?

– Точно! – встрепенулся Дудко. – Ну и дела-а... Саня, в посудине у него вино самодельное...

– Ну и что? Не будем мешать человеку, – недовольно пробухтел дружок. – Айда в столовку! Жрать хочется, Колян!

– Да успеем порубать и во вторую смену! Что ты горячишься, как конь ретивый! Давай побалдеем! Разве не интересно бесплатно посмотреть концерт. Поглядим, что же дальше будет... – Дудко поскрёб узкий затылок, надвинул мичманку на самые глаза. Из-под обломанного козырька колом торчал нос. – Слабоват в коленях мужичок, сдует норд-ост! Ого, качнуло... мама родная...

Едва Дудко это произнёс, как баллон выскользнул из рук парикмахера и хлопнулся о землю, от удара расколовшись на куски. Вино растеклось у раскоряченных ног мужичонки.

Ребята замерли. Очнувшись, Дудко стянул с головы мичманку, вытер пот с лица, отнёсся с пониманием к случившемуся:

– Грех смеяться и жаль... пропало вино!

Мужичонка озадачился, не мог прийти в себя, разворчался, пошевеливая усами. Пошатываясь, медленно стал наклоняться, опустил руку в уцелевшую часть баллона, в которой удержалось немного вина, и, намочив пальцы, зашевелил ими, словно бы норовил выбрать остатки. А вино, будто кровь, стекало с пальцев, и капли шлёпались...

Уходить бедняга не торопился, на что-то всё ещё надеялся, но положение было настолько безнадежным, что ничего другого не оставалось, как махнуть рукой. И он, выругавшись, заспотыкался дальше.

Ребята смотрели ему вслед с сочувствием. Особенно жалел его Санька. А едва парикмахер скрылся за углом пекарни, как тотчас ожили колющие глаза Дудко. Повеселев, хлопнув загорюнившегося дружка по спине:

– Кончай киснуть, Саня! В жизни чего только не бывает... Идём лучше поглядим на трофеи!

Шевельнув скулами, Дудко прищурил мелкие мельтешившие глаза, похожие на шляпки гвоздиков, так близко сдвинутые к переносице, что кажется, вот-вот соединятся. Поднеся к ним обе руки, он, настроенный воинственно, надсаживая горло, подал команду:

– Внимание! Поднять паруса, править по компасу, курс триста! Полный вперед!

Они подошли к разбитой посудине и с минуту постояли возле груды осколков, точно скорбели у изголовья покойника. Но вдруг Дудко заволновался, узрев вино в стеклянной боковине, соединённой с доньшком, и возликовал:

– Эге, да тут и нам есть, что нацедить! Ура, Саня! Сколько добра и зачем же пропадать ему не за шиш собачий! Ну и что, корешочек, не попробовать ли по глоточку! – потирая ладони, Николай охватывался азартом. – Эх, Маруся чернобровая! Не стесняйся, не бойся, Санёк! Первым не желаешь промочить горло?! В самый раз и подгадаем к ужину! Душа-то горит... Да чё мотылять языком, не криви рожу, Санька, а давай втихаря чекалдыкнем, да рванём в столовку, заедим винегретом...

Санька наотрез отказался, и Дудко не приневоливал, уговаривать не стал. Нагнувшись к отколо-той части баллона, поднял её и заворожённо обозревал в нём кровавое пятно. Опасаясь острых кромок стекла, осторожно поднёс ко рту. Санька поморщился, не без брезгливости глядя на него. Думал, он шутит, и не верилось: неужто станет хлебать! А, похоже, и впрямь решился испробовать. Санька попытался помешать, предупредил, что будет ему труба, если стекло попадет в живот, но Дудко будто и не слышал, воркнул равнодушно:

– Да ладно, Саня! Не люблю, когда мораль читают... Эх, братцы-кролики, была не была! Не поминайте лихом! – и припал к вину. Глотнул раз, другой... с каждым глотком он как будто чему-то удивлялся и, увлечшись, вскоре подозрительно притих, продолжая пить с наслаждением и так жадно, что было заметно шевеление ушей.

Саня оцепенел, в недоумении уставился на друга.

Но тот, наконец прервавшись, облизал губы, завёл глаза под лоб:

– Фух! До чего же вкусное! И это не буза, Саня! А пахнет... духами дамскими! Как от нашей новенькой фельдшерицы... Не бойся! Может, глотнёшь?!

Санька насутился и буркнул недовольно, мол, пора идти в столовую, ждать больше не намерен.

Не вытирая мокрого подбородка, Николай с видом знатока заметил:

– Мировецкая, зараза! Сладючая, аж губы слипаются! Много ты потерял, Саня! Не моряк ты! – и опустил посудину на землю, чуток не допив вина.

Выпитое не замедлило ударить в виски, и буквально в считанные минуты в нём, дерзком мальчишке, проснулось незнакомое ему новое ощущение, словно бы он повзрослел сразу на десять лет. С такой ясностью вдруг уловил смысл своего существования, что в груди до жаркости потеплело.

С горделивым видом и со странным блеском в глазах, которые и вовсе прилипли к переносице, Николай вызывающе оглядел небольшое село и криво усмехнулся. Выгнув исхудалую грудь, вдруг ударил по ней кулаком, как по барабану, и натужно взревел:

Дан приказ: ему – на запад,
Ей – в другую сторону-у,
Уходили комсомольцы-ы...

Саньку неожиданно разобрал смех. Он давно так громко не хохотал: ну и уморил его пением дружок! Глядя на Дудко, важного и петушистого, Бедняков понял, что в какой-то мере и на него зара-зительно подействовал лихо поющий Николай. Сам того не подозревая, почувствовал, как и в нём пробудилось желание испытать действие вина, а, значит, и самому оказаться в том чудном состоянии, в каком пребывал горластый блокадник, выпятивший грудь колесом. Правда, Санька засомневался: неужели и с ним произойдёт нечто подобное, и он тоже станет орать песни?..

Не колеблясь, взял в руки посудину и, вздохнув, всмотрелся в вино, увидев в нём своё отражение. И тут вдруг вспомнился ему отчим. Бывало, подвыпив, обижал мать. Изводил её побоями и ревностью даже к давно покоившемуся в земле мужу, инвалиду войны. Прожила совсем немного и вскоре слегла...

Очнувшись, Санька передумал допивать вино. Отбросив посудину, он поднял голову, устремив опечаленные глаза к небу, и поразился, разглядев совсем близко, неподалёку от себя, на деревьях жёлтые листья. Оторопев, просиял от радости, глядя на них. Листья, как живые, трепетали на ветру, и их, шелестевших на тополях, была тьма-тьмущая, так много, что от одного шороха приятно закружилась голова. Саньке казалось, будто они играют друг с другом и шепчут что-то ласковое. В груди у мальчишки всколыхнулось от сладкого предчувствия, и он, засмотревшись на деревья, невольно заулыбался, забыв и думать о вине. Казалось, только сейчас Санька по-настоящему осознал то, как, оказывается, неплохо жить на свете... Получается странно: столько времени живёт в селе, но ни разу не обращал внимания на тополя, будто так и надо, что они шумят и сбрасывают листву. Его сияющие синие глаза не отрывались от листопада. Впервые он почувствовал себя другим человеком, и выражение лица было такое, точно его коснулось счастье.

Не утерпев, показал Николаю на деревья, что шумели рядом с ним:

– Красота какая... Смотри-смотри, Колян! И вон... И дальше через дорогу, где школа! Как здорово ворошатся! Сколько живу, мимо ходил и не замечал!..

Но Дудко в эти минуты был неузнаваем, выглядел каким-то одержимым и хмурым. На листья, которыми восторгался наивный, обалдевший Санька, он и не взглянул. И как-то странно отстранился, подчёркивая свою независимость, не разделяя того восторга, который переполнял дружка. Наоборот, Дудко повёл себя ожесточённое и отчуждённое, всё громче и со взрёвом продолжая петь знакомые песни. И чем задиристее горланил, тем горделивее выпячивал тощую грудь, нещадно постукивая по ней кулаком...

А едва умолкал на последних куплетах, как в ярости принимался запевать другую песню, полюбовавшуюся детдомовцам, не давая себе ни минуты передышки. Не щадя горла, изводился до хрипоты, простирая руки в сторону заката:

На границе тучи ходят хмуры,
Край суро-овый тишиной объят...

Редкие прохожие косились, догадывались, что так только детдомовцы способны чудить. А вскоре и собаки по переулку залаяли. Однако Николая уже ничто не смущало и не могло остановить, он никого не стеснялся и не боялся, а брошенные на него взгляды местных жителей лишь разжигали в нём азарт. Дуряя, Дудко перекашивал челюсти и выводил, усиливая голос:

Из-за о-острова на стрежень...

Сколько Бедняков ни дёргал его за рукав хэбэшного полинялого пиджачка, как ни пытался приостановить протяжный рёв, всё бесполезно. Дудко выглядел оглохшим, ему был непонятен своими приставаниями ликующий дружок.

А Санька не переставал цвести, он по-своему был счастлив в эти минуты. Нет-нет да и вновь на-скакивал, теребил за плечо дружка:

– Мыкола! Ну, глянь хоть разочек вверх, погляди на тополя!

И всё-таки допёк Дудко. Вспылив, тот обернулся к нему и рывкнул, не скрывая негодования:

– Шевелятся, и хрен с ними! А я тут причём?! Я, Саня, в Питере опухал с голоду, – вдруг с тоской заговорил он, – собак ел, на брюхе ползал, когда немчура нас бомбила! Мамку и досе жаль... Мороз дерёт по коже, когда вспоминаю, как она, бедная, в снегу лежала окоченелая, и я... ничего не мог сделать, не хватило силёнок втащить в дом! И никого в коммуналке не дозовусь, многие околели. А сирены воют, воют, и никого! Я опять давай подтаскивать мамку к порогу, а она... она смотрит на меня... – Дудко отвернулся и, скривив лицо, вдруг захлопал, вытирая рукавом пиджачка слёзы, сбежавшие по щекам.

Санька обомлел. Он был потрясён, он никак не ожидал, да и не привык видеть друга в таком отчаянии и расстройстве. Всегда деловой, грубоватый, а тут вдруг... Санька растерялся, жалко было ему Николая. А тот, давась слезами, не стыдясь их, вспоминал другое, что было пережито им в блокаду:

– Помню, холодина... топить нечем, так мы с мамкой всю мебель переколошматили и спалили. Дыму полно, надышишься этой гари... А утро начинается – опять ковыляю в магазин с хлебными карточками. До посинения замерзал, очереди длинные... А после, как мамки не стало, домкомша

пришла с какой-то тёткой партийной в очках, и меня увели. Нас, гавриков, вывозили к вам на Кубань, по детдомам распределяли...

Поведал Николай и о погибшем отце, морском офицере. Невнятно толковал про то, как корабль был потоплен фашистами... Угнув голову, дружок расстроился, слёзы текли ручьем...

И тут вдруг с боку послышалось мяуканье, душераздирающее и пронзительное. Вздвогнувшись, ничего не поняв, Дудко ошалело оглянулся и увидел в стороне пробежавшего чёрного кота, который озирался на них. Вскипев, Николай погнался свистом, но кот и не думал убегать, удивлённо смотрел на ребят, и это вывело из себя Дудко:

– Гад! Ну, погоди! Как фашист, чёрный! Сейчас ты у меня подрыгаешь лапами, гнида эсэсовская! Вздёрну, и будешь висеть на суку!

И бросился в погоню, длинными ногами заплетаясь меж деревьев, шурша по листьям, и у кювета, где стояла вода дождевая, наконец изловил. Схватив за загривок, трепанул. Кот заорал, выпучив на мучителя остекленевшие зрачки. Заёзжав, извиваясь, всё же ухитрился оцарапать руку, и Дудко, расшвырпев, крикнул Саньке:

– Давай сюда скорее! Ремень вынимай из штанов, прикончим гитлеровца!

Ошеломлённый Бедняков, сбивший с толку, подхватившись, кинулся к другу и стал отнимать кота:

– Брось, не мучай! Отпусти, ты, псих... рехнулся, Мыкола! Какой он гитлеровец?!

Наверняка Дудко прикончил бы кота, если бы не подоспел дружок. Пришлось попытаться Саньке, чтобы вырвать из цепких рук блокадника полуживую тварь.

Мало-помалу побледневший Дудко утихомирился, но, протрезвев, сделался каким-то вялым и безразличным ко всему на свете. Он и сам не ожидал от себя, что сотворил с котом, и было ему неловко. Разумеется, виной всему тот домашняк, какого нахлебался из посуды, вот и вырвалось наружу всё наболевшее... Досадуя на себя, Николай вынул из кармана припрятанную самокрутку, набитую листовым табаком, хотел закурить и раздумал. Горько стало на душе...

Незаметно надвинулся ночной мрак, окутавший село. Ветер уже не бесновался, утихнув, лишь порывами налетал то на одно, то на другое дерево. Покачивающиеся тополя подступали к ребятам призрачными очертаниями, они казались необычайно громадными. А вскоре в небе проступила луна, бледная и рыхлая, похожая на лоскуток, кружочком вырезанный из марли...

Попасть на ужин ребята уже и не рассчитывали, оба вполне это осознавали. Не думая о голоде, обнявшись, будто братья, они, расpiraемые приливом добрых чувств, подходили неторопливо к спальным корпусам и протяжными, задумчивыми голосами, без дурачества, разгоняли мрак осенней тёплой ночи. Прочувствованно и тихо напевали про курганы тёмные, солнцем опалённые. И далеко были слышны их негромкие раздолбные запевы:

Там, на шахте угольной,
Паренька приметили –
Руку дружбы подали...

3.

Возможно, незначительным кому-то покажется эпизод с преображением, какое испытал Саня Бедняков, но, вместе с тем, полученное впечатление даром для него не пропало и даже очень пригодилось человеку на всю оставшуюся жизнь. Беднякову полюбили тополя... Он часто их рисовал, став художником. Появилась семья, как тому и положено быть... Правда, неудачно сложились у него отношения с бездетной женой, не довелось обрести любящего друга и познать настоящее семейное счастье, однако, задавленный обстоятельствами, в отчаяние не впадал, находил в себе силы, чтобы не сломаться. И стоило тополям, что росли за окном дома-пятиэтажки, разбушеваться, как тотчас вспоминалось уютное кубанское село, то незабываемое послевоенное детство, и на душе сразу же делалось легко, ничего уже не могло омрачить сердце, какая бы беда не навалилась.

Годы спустя, воздух и свет, и даже густые тени на весёлой траве пришли на его полотна оттуда, из трудного, горького, но исполненного надежды на лучшее, никогда не забываемого мира... Вот так и сохранился, не озлобился, а наоборот, продолжал светиться, смиряясь с тем, что давалось судьбой. Он, правда, рано поседел, да и здоровье было никудышное. Другой на его месте, наверное, стал бы желчным, возненавидел бы весь род человеческий за невезение, но... не таков был по своей натуре Бедняков, и, пока тополя шумят и шевелится на них листва, дающая тень, прохладу в тяжёлый зной, он не перестанет любить жизнь...

Между прочим, дружок его, Николай Дудко, преуспел в заветной своей цели. Последовав примеру отца, стал матросом, и добиться успеха помогло ему железное упорство. Он выучился в речном училище на механика, потом пошёл на повышение и до сей поры ходит капитаном небольшого грузового судна по Волге...

ВИКТОР ЛОГАЧЁВ

Донецк

Писатель из Донецка... Уже одних этих слов достаточно, чтобы встрепенулось сердце русского читателя. А если он ещё и талантлив, интересен, самобытен? А если он ещё и родом с Кубани, где окончил школу и работал в колхозе?

Виктор Степанович Логачёв появился на свет 1 августа 1941 года в селе Долиновское Калининского района Краснодарского края. Отслужив в армии, работал в газетах Мариуполя и Донецка, в издательстве "Донбасс", окончил Московский полиграфический институт по специальности "редактор художественной литературы". Ныне В. Логачёв – редактор журнала "Донбасс" и известный писатель, обладатель многих литературных званий и наград, автор книг "Не за тридевять земель", "Как по речке, по реке", "Пред светлым домом", "Излучки", "Откровения после полуночи", "В полдень на Белых прудах", "Правы и виноваты", "Взято из жизни" и других.

Читатели и собраты по перу доброжелательно отзываются о его произведениях. "Талант В. Логачёва очень живой. Сердце его горячо бьётся, когда он пишет. Я чувствую за его словами непрестанные толчки крови, волнения, сострадания. Не столь уж часто это сейчас встречается в литературе", – таково мнение всемирно известного русского писателя Виктора Лихоносова, нашего выдающегося земляка. А московский писатель, поэт и критик Николай Переяслов, сетуя на то, что из современной русской литературы "напрочь вымываются основательность и объективность повествования, уходит традиция изображения жизни большой семьи", приводит в пример творчество Виктора Логачёва. В отличие от легковесных конъюнктурных книжек модных авторов, "Виктор Логачёв взял да и вышагнул из параметров, диктуемых законами окапиталистического книжного рынка...". Разбирая роман В. Логачёва "Правы и виноваты", Н. Переяслов честно признаётся, что "согласен далеко не со всеми оценками, которые Виктор Логачёв даёт через своих персонажей различным сторонам жизни в СССР". В то же время он не может не признать, что в творчестве Виктора Степановича "главное – это попытка романиста заглянуть в души своих героев и увидеть, как в них отражаются все передраги и подлости выпавшего на их долю века, и откуда они черпают силы для того, чтобы, пройдя через эти испытания, не утратить способности любить, радоваться труду и красоте жизни".

В чём прав и не прав донецкий писатель В.С. Логачёв, рассудит время. А сегодня мы будем читать его произведения, наслаждаясь талантом писателя, лёгкостью его слога и, словно наяву, проживать жизнь его героев.

"Краснодар литературный" от всей души поздравляет Виктора Степановича Логачёва, члена НСПУ, дипломанта международной премии им. Ю. Долгорукого, лауреата международной премии им. Владимира Винниченко с 80-летним юбилеем и желает ему доброго здоровья, счастья, вдохновенного творчества!

ЗВЕЗДА УПАЛА

Повесть

Всё началось с того, что Прасковье Шевелёвой, сельской жительнице с сухеньким и морщинистым лицом, вдруг приснился несколько странный сон. Ага. Будто, проснувшись от сильного толчка сердца, ночью вышла она на улицу. Вышла, на небо посмотрела, а оно, надо же, такое звёздное, такое звёздное, режет глаза прямо. Голубых же ярких точек, ровно сказочных бисеринок, столько, сколько, наверное, пшеничного зерна на летнем токе. Ейный Бог! Так вот, Прасковья голову подняла, и в этот самый миг узрела, как одна из звезд, сорвавшись с места, неожиданно отделилась от купола неба и резко стала падать вниз. Да так быстро, что, виделось, не моргнула и глазом, как она, звезда эта, окаталась на земле. У Прасковьи закружилась даже голова, так скоропалительно летела падающая звезда,

а она её, естественно, сопровождала удивлённым взглядом. При этом, когда падала, улица впрямь сверкала небывалым дневным светом, словно от некоего волшебного небесного свечения. Скажем, божеского, от золочёного нимба. Да что там, Прасковья от изумления раскрыла и рот!

Но... конечно же, больше всего, поразила не тому, что вдруг увидела с неба падающую ночную звезду, а тому, куда, в конце концов, угодила и где оказалась неожиданно. В каком таком месте. Всё и дело в том-то. А вышло так, что звезда, как ни странно, угодила как раз в дальнюю точку её собственного огорода. Туда, где посажена и росла совсем молодая ещё кукуруза. Стоя на крыльце собственного дома и наблюдая сию необычную картину, Прасковья по этой самой причине явно покрылась холодным потом. Нет, нет, не от испуга, а от волшебства самого видения, признаться, несколько странного и неожиданного. О, диво! О, явление! Будто сам Христос опустил на землю!

Она стояла и, разведя руки, находясь в большом изумлении, не знала, что делать и как быть в этой непонятной катавасии. Было такое впечатление, ровно по соседству случился пожар, а рядом — никого, ни живой души. Ну да. Ни хозяев и ни пожарников. Вот-вот! А строение, то есть жилище, в то же время небывало пылает жарким огнём, хоть бери и поджигай им всё небо. Ах, огонь, ах, пламя! Увы. Всё это уже не остановить никак.

В этой точке сна, вздрогнув, как холодец на морозе, Прасковья в самый раз и отрыла глаза. В постели подхватила, за голову рукой взялась и при этом даже ойкнула во весь голос, удивившись столь чрезвычайному сну. Ху-ух, ну и видение! К чему бы это?!

Надо признать, после странного и чрезвычайно необычного такого сна ночного она, бедная, до утра потом и не уснула так. Лежала и со лба все вытирала бисеринками выступивший пот холодный. А с рассветом не выдержала-таки, подхватила, на себя накинула лёгкий байковый халат и помчалась в то самое место, куда, казалось, во сне упала та самая ночная звезда. И что думаете? О, страх божий, что вдруг привиделось там! Вернее, какая такая предстала взору ужасная картина. На самой меже фермерского поля с собственным огородом в затрапезной одежонке, в смысле, в лёгкой курточке и серой клетчатой рубашонке и с малым козырьком кепке, которая, кстати, находилась рядом, у ног, а не на голове, на земле лежал ничком человек. Судя по положению, явно был мёртв, а не живой. Хотя, не исключалось, был и пьян мертвецки, отчего спал крепко очень. Беспробудно.

Прасковья испугалась сначала и от увиденной картины на миг отвернулась даже. Фу-у, не хватало ещё этого! Однако опомнилась вскоре. Скрепя сердце, в себе нашла силы и всё же приблизилась к ничком лежащему человеку. Приблизившись, нагнулась и коснулась слегка рукой. Человек, а то был мужчина, не дал признаков жизни никаких. Не дернулся. Не шелохнулся.

Ой-й, застонала на всю округность Прасковья! И развела руки в немоте: да, пожалуй, это же чей-то труп. Точно, труп! И от непомерного испуга, оттого, что вдруг увидела, бросилась наутёк тотчас к своему кровному дому, к своей кровной обители. Вот, пожалуйста, и исполнение сна! Вот тебе и упала звезда ночная!

Первое, что Прасковья сделала, так помчалась стремглав к соседу, Мирону Плотникову, санитарному местному врачу, ветеринару, и ему донесла о том. Тот, конечно, данной новости не обрадовался, напротив, пришёл в шок так же. Вот детектив так детектив! Это называлось: де, не было печали, черти накачали! Он и выразил это, обсасывая небывалую весть.

Дабы далее удостовериться, так или нет, сосед вместе с Прасковьей прошёл к тому месту, лишний раз самолично убедился: всё и есть так, как было сказано. Ну, дела, так дела, как сажа бела! Как же с этим трупом поступить, и куда бежать в первую очередь, чтобы кому-то дать хоть весточку: мол, так-то и так-то, в окрестности их обнаружился неожиданно мёртвый человек. И с ним делать надо что-то, ибо настанет момент, он, наверняка, разложится, и в округе вспыхнет тогда вонь, что хоть бери в руки ноги и сбегай со всего белого света, куда глаза глядят, даже в пропасть. И вообще, следует ещё разобраться, что за человек и как он оказался вдруг в данном мёртвом виде на их земельном участке.

Впоследствии, между тем, туда пришёл и участковый милиционер. Пришёл, цокнул языком сначала, несколько вопросов задал самой Прасковье и её соседу Мирону Плотникову. Оценив обстановку, спешно пошагал вскоре в сельский совет, дабы позвонить и поставить в известность высшие инстанции оттуда. Известно, непосредственному руководству под козырёк доложить суть дела.

В итоге, труп всё же увезли. И временно определили его в районный морг. И что с ним стало потом, Прасковья пока не ведала, была не в курсе. Да к тому же не её дело это. А дело, стало быть, следственных органов. Милиция установит, отчего возникла вдруг подобная ужасная картина, и откуда на меже фермерского поля и её длинного огорода неожиданно возник труп мужчины в затрапезной одежонке, человека в лёгкой курточке и клетчатой рубашке с малым козырьком кепкой, лежавшей совсем рядом. Беда в ином решительно. Всё это случилось не где-нибудь, не в чужой стороне и у чужих людей, а на её собственном участке земли. Эх-ма, вот катавасия так катавасия! Вот так сон с падающей звездой с неба! Прасковья находилась потом в доме, вспоминала тот самый странный сон и то, что после него произошло вскоре, и не знала, куда себя деть, так переносила тяжело необычайную трагедию всю эту.

На следующий день приходил тот самый участковый милиционер. Посидел в доме, поговорил о разном. И ушёл скоренько. А ещё чуть позже вызывали её в следственные органы. В прокуратуру. И там, мурыжа без конца, спрашивали про мертвеца, про то, знала его ранее или же нет. Понятно, откуда знать, от верблюда, что ли?! Никогда не видала в глаза даже. И вообще, кто он был таков, не заботило это. Пусть сами устанавливают личность. А она тут ни при чём вовсе. Так вышло, труп оказался неожиданно на территории её земельного участка, огорода. А как случилось всё, ей неизвестно и самой не понять всего этого. Умозрительно не представит даже никак.

Прошла неделя, Прасковью позвали в прокуратуру опять. Да что деется, возмущалась она, едуци в районный центр и, само собой, нервничая особо?! Что за такой-сякой человек, который вдруг оказался лежмя лежать на меже фермерского поля с её длинным огородом, коль из-за него к ней возникло столько непонятных разных вопросов и недомолвок. Вот – крючок!

Там, в прокуратуре, продержали её недолго. Коротко спросили о том и о сём. В конце концов, отпустили на все четыре стороны. Чего-то полезного и важного, существенного что ли, так и не возникло вроде. Лишь ёрзали по мелочам. То да сё, да не про всё. Про сон странный, который приснился ей в ту ночь, кстати, вспомнили тоже. Только, если разобраться, при чём тут сон, было непонятно. Впрочем, о нём вспомнили-то всуе. И тотчас оставили в покое. Молва пошла об ином совсем. А то участковый милиционер к Прасковье заявился как-то опять. Правда, не один, а на сей раз с каким-то человеком невысокого роста, с чистым белым лицом, в роговых очках. Этаким выдержанным, задумчивый. Сразу видно, из чистого интеллигентного круга. Как оказалось, тоже из прокурорской службы. Из силовиков, как говорят в народе нынче.

И всё те же наводящие вопросы сызна о мертвеце, обнаруженном в конце огорода с высаженной и уже поднявшейся в небольшой рост молодой кукурузой. Она сидела у стола на стуле, они оба стояли рядом и вели не спеша своего рода маленький допрос. Верно. Данную беседу иначе и не называть, как допросом, потому как звучал сначала вопрос, потом – ответ. Вопрос – с их стороны, ответ, естественно, был с её стороны. И, казалось, всё это представлялось так, будто она и есть виновница страшного и необычайного случая, будто она и есть убийца того самого мужичка, найденного мёртвым, а не кто-то иной совсем. Вот нашли крайнюю, чтоб в голове вывернулись мозги у кое-кого! Она это подчёркивает, не называя ни имени и ни фамилии, ни места работы и ни должности, хотя, признаться, сама знает отчётливо, кого имеет в виду. Ха-а, нашли простушку!

Они пробыли едва ли не целый час. А то, пожалуй, и все два с половиной. Вот неугомонные, вот упёртые жучки! Меж собой, рассуждая, иногда говорили вслух. Только Прасковья в суть их беседы не вникала, ибо явно себя чувствовала не в своей тарелке. Да, признаться, ей и было не до того. Не до понимания сущей беседы. Руки и голова дрожали, сердце тёхкало так, что, казалось, глаза лезли на лоб.

С другого же боку в их словах, кстати, нет-нет да и проскальзывало: де, тот мертвец оказался не зря, по всей видимости, именно в том месте, и не зря появился в той округе. Да. Да. Ими и было так молвлено, ейный Бог!

Об этом, прежде всего, замечал человек с интеллигентным видом, в роговых очках. Он это подчёркивал, а участковый милиционер, в свою очередь, кивал головой, поддакивал горячо.

– Молвят, его видели не один раз тут. Я, случайно, не ошибаюсь? – высказал он, поглядывая внимательно и даже с интересом этак, с хитрецей что ли, на бледное и растерянное лицо Прасковьи.

– Это сушая правда. Видели. Видели, – подтвердил, оживившись, участковый милиционер, кивая, опять же, головой. Голова, кстати, была у него маленькая, как у синички, заметила, в душе подчёркивая, Прасковья. Сказать правду, заметила не зло, а между делом как бы. От нечего делать.

– Вот только бы знать, что он так искал вдруг? Туда приходил ведь не просто так, а, следует предположить, по какому-то определенному делу. Не иначе. Наверняка, в это место его всё же тянуло что-то.

– Сто процентов. В ином смысле – он там не был бы ни за что. О чём речь!

– Вот бы как раз и разобраться, вот бы как раз и выяснить до конца, что именно влекло его в ту местность, – подчеркнул человек из прокуратуры. И вновь посмотрел на красное, можно сказать, почти залитое кровью, разволнованное лицо собеседницы.

Прасковья от этого пронзительного взгляда, в свою очередь, вынужденно вздрогнула. Вздрогнула и сразу отвернулась почему-то, пряча как бы слезливые глаза. Складывалось впечатление, будто она была, на самом деле, в чём-то виновата. Да. Да. Именно так. Едва ли не являлась убийцей того самого пришельца к её собственному огороду. Вот оказия!

– А скажите, пожалуйста, Прасковья Фёдоровна, у вас муж и дети имелись? – спросил вдруг человек из прокуратуры, человек в роговых очках.

Прасковья явно такого вопроса не ожидала и даже смутилась маленечко. В ответ долго не могла найти верных и нужных в этой непростой ситуации слов. Наконец, с духом собрала и выразила:

– Муж был, да, к сожалению, сплыл. К печали большой, помер давно. А дети... Выросли дети. Теперь – кто где. Рассыпались, как пшеничные зёрна по земляному току. Одна дочь на Севере. Там на собственное пропитание зарабатывает деньги. Другая – в городе, замужем. Рада, что укатила из села. Вовремя. Счастлива, о, до синих небес! И детишки есть. А для меня они, получается, внуки. А сын... – Прасковья вдруг умолкла, запнувшись на слове "сын". Однако тут же, спохватившись, пояснила: – Сын, между тем, в городе тоже. Работает мастером на чулочной фабрике. Кажется, преуспевает неплохо. Живёт в радость. И молодец! На люди и надо выставляться так себя, чтоб знали, кто есть кто, ага! Птичка, да, представьте, превеличка. Сытый, одним словом! – Она это выразила, затем дух перевела и, на всякий случай как бы, уточнила: – А отчего вдруг вы спрашиваете о детях? Они-то при чём, скажите на Божью милость?!

– Вы, пожалуйста, не удивляйтесь ничему. В данном конкретном случае нам интересно знать всё. От ниточки и до иголки. Важна любая деталь. Маленькая – в том числе. У нас такая работа. Каверзная. Но... для людей, кажется, полезная очень. Во всяком случае, они, к душе нашей, этого не отрицают пока.

Человек интеллигентного вида, в роговых очках, свою мысль выразил, поиграл-поиграл желваками на бледных щеках, и Прасковью стал расспрашивать дальше. Правда, уже не затрагивал тему сына, её обходил стороной как бы. В смысле, на нём своего внимания, за ненадобностью что ли, не акцентировал, не заострял вообще.

Прокурор или кто он там, и участковый милиционер хозяйке задали ещё ряд насущных вопросов и, наконец-то, удалились из дома. А сама же хозяйка, то есть Прасковья, после их неожиданного и негданного визита терялась заметно, не знала, что делать и как быть дальше. Вот несчастье с мертвецом этим, будь неладен и проклят трижды! Где он взялся на её голову, кто бы знал только! Ах, незадача!

А однажды появился к ней сосед. Тот самый Мирон Плотников. Этакий хмурый, недовольный чем-то. Будто сорвался с цепи, или же к нему залезли в сад и его очистили безжалостно. Нет никаких слов просто!

Сосед спросил:

– Что они у тебя ищут, ежели, конечно, не секрет никакой? Мало ли что. Бывает всякое. И на старуху бывает проруха.

Прасковья поняла не сразу, в чём была заковыка, и что тот имел в виду. Вот каверзная и непонятная личность, пусть и сосед даже! Само собой, уточнила:

– Ты о ком и о чём молвишь, прости господи?! – Но быстро догадалась, а, догадавшись, рукой махнула: – Думаю, следяки сами не знают, что разыскивают тут. Похоже, им делать нечего. Вот время понапрасну и тратят. А время – это, как-никак, но – деньги.

– Это правда. Время – деньги, – согласился Мирон Плотников. А сам в то же время усмехнулся чему-то. Правда, Прасковья этого не заметила, пропустила мимо глаз. Ну, и слава Богу, переводя дух, в душе отметил Мирон Плотников. А то ненароком обидится вдруг. Она такая, ранимая легко.

Он с ней побыл ещё немного и вскоре ушёл обратно домой. А Прасковья всерьёз разволновалась опять. Вроде бы о мертвце уже стала понемногу забывать, заодно – что к ней повадился ходить человек из прокуратуры, плюс – участковый милиционер. И, на тебе, сосед, получается, сызнова напомнил ей о чрезвычайной трагедии. Фу-у, впрямь береста на огне! Вот некстати, вот не было дров, а огонь воспламенился неожиданно!

Матвей, к слову, не скажет и сам, как попал в своё время в детский приют. Говорили, будто туда привела его какая-то с виду невзрачная женщина и сказала: де, вот обнаружила блудного мальчонку. Прятался в бывшем водонапорном железном ящике. Там и жил вроде. Днём сидел в ящике, а ночами промышлял в поисках пропитания. Таким образом мучился, бедный, пока не наткнулись и не забрали оттуда. Женщина мальчонку обнаружила и привела в детский приют. У самой, по её словам, семеро по лавкам. Один одного меньше, как матрёшек в основной Матрёшке. Муж. Дети. Так что лишний рот совсем не к месту ныне. Да и беспризорника содержать нет средств никаких. Откуда взять деньги? От двугорбого верблюда, от него, что ли? Так, извините, сам голодный, одной слюной и питается, бедный. И откуда берётся только она у него, вот вопрос на засыпку?!

Женщина мальчонку в детский приют привела, сотрудникам с рук в руки передала и ушла тут же. Скрылась из виду, словно огонёк в тумане. Простыл и след. Как говорится, звалась Манькой, да забыла про няньку. Ага. Не указала адреса даже. Но самое важное – не уточнил никто, правда или нет, было или не было, что на самом деле мальчонка прятался в бывшем водонапорном железном ящике, и там женщина его обнаружила вдруг ни с того и ни с сего. Данный щепетильный момент, к сожалению, так и остался загадкой из загадок, не выясненным до конца. Получилось, остался вне ведения, как некая тайна за семью печатями.

Жизнь у Матвея складывалась непросто потом. О, ещё как непросто! Во всяком случае, личной судьбе никто не позавидует, как пить дать. Даже рогатый чёрт и тот отвернётся от подобного исхода

действия, как от проказы, как от чумы, косящей людей налево и направо, приводя их в смертельный ужас.

В младенчестве, в смысле, в ранние года, все складывалось более-менее терпимо вроде. Жаловаться – грех большой. Скажем, хоть и не в своих пенатах, но, слава Богу, не обижали, присматривали, как могли. Во всяком случае, на детский приют не в глубокой обиде. Как жили другие воспитанники, так и он, Матвей, не отличался ничем. Жил, в общем, сносно. Серединка на половинку. А вот когда уже возмужал и стал самостоятельно вести свой образ жизни, тут, извините-подвиньтесь, начала писать губерния. Это действительно так! Здесь, как говорится, ни убавить и ни прибавить, ни в сказке сказать и ни пером описать. Что было, то было, и, жаль, это не поросло камышом до конца. Ровно глубокие раны, как на руке рубцы красные от острого ножа. Свежи и все в памяти непоколебимой.

Кстати, об остром ноже. Первая посадка в тюрьму была за драку с резнёй. Защищал девушку. А вышло так, что угодил сам в тартарары. То есть, под народный, так называемый справедливый суд, попал он, а не главный виновник той самой страшной резни. Именно тот был с острым ножом, а он лично лишь защищался как мог, как обычный гражданин обычной страны. Да. Да. И было так. Нет суждений иных.

А дело складывалось так. По порядку. Он уже работал на стройке простым рабочим. Куда пошлут, и делал то. Старался изо всех сил, чтоб не ударить лицом в грязь. Девушка была там же. Обычная строительная рабочая. Вот и познакомились друг с другом. Само собой, подружились тесно. Девушку звали Галей. Ласково – Галюшей. Она была миленкой и симпатичной довольно. Светлые волосы. Голубые маленькие глазки. Прямой носик и удивительно тёплый и сладкий девчоночий голос. К слову, из простой семьи. В общем, всем парням на зависть. Матвей, увидев её, влюбился с первого взгляда. Да что там влюбился – втрескался по уши, только так! Следует признать, он ей также пришёлся по душе. Как молвится, орёл и решка. Она своих чувств не скрывала, шла на свидание с ним с открытой душой.

Как-то встретились они, вместе пошли в кинотеатр на новый очередной фильм. А вышли из кинотеатра, им на пути повстречались два брата-близнеца. Одного звали Игорем, а другого – Владимиром. И вот последний, которого звали Владимиром, на Галю-Галюшу, девушку Матвея, вдруг положил глаз. Естественно, стал приставать, как кот пристаёт к кошке весной, в марте месяце. Понятно, в присутствии Матвея. Таким образом, завязалась чрезвычайная драка. Их двое, а он, увы, один. Силы явно не равные. Делать нечего, под руку Матвею как раз попала из-под пива пустая бутылка. Он, соответственно, ею и воспользовался по назначению. Короче, разбил и концом горлышка Владимира со зла полосонул от души. Кровищи, кровищи было, дались диву даже! Лилась так, как из резаного быка впрямь. Остановить нельзя. Но, слава Богу, остался жив, в итоге.

Братья, и тот, и другой, оказались детьми из богатой семейки. Отец на торговой базе был большой начальник какой-то. Оттого, когда дело дошло до суда, вдруг выяснилось: правда на их стороне. На стороне сынов родных. Оказывается, драку затеяли не они, а их противник. То есть, Матвей. Оно и понятно: всё шито белыми нитками. Он – бывший детдомовец. А детдомовца-то как раз самый смысл и сажать. Не вступится никто. Не защитит никто. Некому подать и руку, и всё. Край. Дупель пусто. Вот и факт: Матвей, оказывается, и есть зачинщик кровавой драки. Естественно, ему и отвечать по полной программе за это. Вот тогда-то и припаяли целых два года с отбыванием в колонии строгого режима.

Когда же отсидел и вернулся обратно, выяснилось неожиданно, бывшая девушка, та самая Галю-Галюша, девочка со сладким и удивительно тёплым голосом, как ни странно, уже замужем за тем самым Владимиром. Деньги всё же сыграли свою важную роль. Факт. Правда, вместе они жили недолго. От сильных побоев мужа у Гали случились два выкидыша вскоре. Она того не выдержала и, в конце концов, ушла от Владимира. Но..., увы, потом не сошлась и с Матвеем. Как заявила сама, старая любовь потухла. Погасла на корню. А рассчитывать на новую, скорее всего, нет смысла никакого. Поздно. Рад бы в рай, да грехи давешние путают ноги. Вот и вывод весь. Короче, как ни крути и как ни верти, приехали. Ага. Конечная остановка. Держи карман шире!

Так, увы, у Матвея желанная семейная идиллия и не сложилась до конца. А всё из-за той кровавой драки, из-за острого ножа, будь трижды неладный. Впоследствии привычно жил один, как сирота. В одиночку ел и пил, в одиночку непомерно страдал от холостяцкого образа жизни. Понятно, слегка запил. Расслабился. Но это оправдано – он, как-никак, но человек, а человеку свойственно искать выход из трудного положения. Водка – один из стимулов в этом направлении. Доказано жизнью.

Вторая ходка в тюремную обитель у Матвея, читай, случилась вскоре. Да. Да. Как только вернулся из тех же не столь отдалённых мест. Будто заказали. Будто поставили на нём отметину. Отметили печаткой, что он и есть тот человек, который мешает развиваться обществу в намеченном направлении, что он есть один из отбросов ненормальных людей, путающихся бессмысленно и бесполезно в ногах.

Сказать, убил человека, так не соответствует действительности. На самом деле, не было и близко ничего этого. Он не убивал и не лишал жизни никого. Опять же, то была сушая выдумка злых людей. Наговор и только. Совпадение фактов. Ага. Беда в том, что в милиции не стали церемониться, разбираться в смутном деле как следует. Составили протокол, бумажку в суд передали, и – за содеянное отвечай по полной программе. Заслужил. Конечно, если это сущий факт и доказано, иной коленкор тогда. По сути, нести кару есть за что. А вдруг это не так, как в фальшивом документе, а тебя судят ни за что и ни про что, ровно ошалевшего волка, как относиться к этому? То-то и оно, что обидно до боли души и до боли сердца. Вот и с ним, Матвеем, произошло подобное что-то.

С давних пор, проведённых еще в детском приюте, сохранился у него перочинный нож с довольно длинным и острым лезвием. Он его выиграл в монетную забаву. Это – впереди куча мала железных копеек, выставленных столбцом, и ты, целясь, кидаешь в неё свинцовый круг небольших размеров. Попал в ту самую кучу, монеты разлетелись в разные стороны, они твои, значит, и ты их хозяин теперь. Что хочешь и делай с ними то. Хоть сдай в музей специальный. Твоё право и твоя воля.

У Матвея, на удивление, оказалось тогда уйма таких выигранных куч. Неисчислимое множество. На эти самые монеты он как раз и обрёл упомянутый перочинный нож. Впоследствии не расставался с ним никогда. Где был, там – и нож родной. Как символ. Как талисман своего рода. А ещё..., ну да, для личной безопасности. На всякий случай. Мало ли что-то когда-нибудь случится, не приведи Господи, тогда, как пить дать, пригодится неоднозначно. Жизнь доказала это.

А вот и случилось. Увы. Надо же, совпасть беде так! Но, как водится, чему быть, того не миновать. Значит, обозначено судьбой так. Своего рода – всё то же клеймо отрешенного человека!

Был поздний вечер. Матвей забрался в чужой сад. Наде же есть что-то. Наполнять желудок чем-то. А тут подоспели как раз ранние фрукты. Забрался в сад, а в нём – охрана. Довелось убежать тут же. Далее прятался в заброшенном доме, стоявшем у берега реки. Впритык. Скрывался от погони. Когда утряслось, наконец, и охрана его оставила в покое, Матвей оттуда вышел в простор. Вышел, естественно, отправился туда, где базировался временно, где проводил дни и ночи, как беспризорник истинный. Хотя, разобраться если, по сути, он и был таковым. Ни близких и ни родных. Один на свете, как перст. А жить-то всё равно нужно. В могилу живым ведь не ляжешь и не закопаешься, как крот, так или нет?

Так вот, Матвей когда прятался в стенах заброшенного дома, вдруг выяснилось, что, убегая от погони, по дороге уронил нечаянно перочинный нож. А на ноже, к слову, личные инициалы. Как все вышло, и сам не понял этого. Когда же пропажу обнаружил, было уже поздно. Край!

Беда в том, что в стенах заброшенного дома неделей ранее оказалось, обнаружили неожиданно труп некоего мужчины. Было жаркое лето. Дни очень солнечные. Да ещё такие, что терпеть нет спасу просто. Вот там и разложился труп. Едва распознать можно. Вышло так. Как потом выяснилось, муж и жена, живя неподалёку от реки в собственном домике, меж собой повздорили вдруг, и муж от необычайной обиды ушёл из дома. Ушёл, между тем, в чём был, почти голым. Извините, в плавках одних. Лето. Жара. По ним-то, по плавкам, впоследствии его и распознали, слава Богу. Стали тщательно разбираться, что к чему, отчего постигла неожиданно смерть. О сердце не вспомнили. Подумали: дескать, случаем, не убил кто-то. Жена, к сожалению, не призналась, что накануне меж ними произошла семейная ссора. Не осмелилась, явно, боялась собственной вины. А тут, надо же, вблизи этого заброшенного домика нашли вдруг нож чей-то с неведомыми инициалами. Выяснилось, они – Матвея. "О, – вскрикнула обрадованно жена покойного, – он и сделал как раз это!" И истошно заплакала, навзрыд прямо, указав пальцем на Матвея.

Милиция потом, увы, не разбиралась тщательно. Похоже, посчитала: мол, вещдок – наяву, и преступник налицо, вот и дело всё. Какая такая разборка! Какое ещё доказательство! Короче, быстренько сляпала протокол и, можно сказать, на ходу, тут как тут, передала в судебные инстанции. А там скоро решили вопрос. Хоп-хоп, и – в дамках. Вот, милый, и срок. Ещё раз заслужил. Какой разговор – виновен. Будь спок, по-вороньи не каркай и отвечай по соответствующему закону!

Матвей, меж тем, как не отпирался, как не отсобоачивался, доказать что-то, будто был не виновен, не смог никак. Не получилось. То есть, его доводы судей за душу не тронули, будто были замороженными. Не зацепил и тот факт, что, по сути, он сирота, бывший детдомовец. А коль так, не мешало бы хоть какое-то снисхождение маленькое. К сожалению, всё это не приняли во внимание. Ух-х, и строгие же судьи! Таким образом, Матвей попал ещё раз под закон. По существу, зря. Да, но вот докажи, попробуй, что ты не верблюд. Тщетно. Не вышло и у Матвея это. К сожалению.

Свой срок он отбыл от звонка до звонка. Не исключено, даже с некой лихвой. Оттуда вышел, на всех и на вся стал обозлённый очень. Вдобавок, к беде, с неуравновешенным характером. Готов отомстить был всем, кто попадёт под горячую руку. Ещё бы! Ни за что и ни про что получил срок и понёс наказание в виде семилетнего "отдыха" в колонии строгого режима. Благо, не попали на глаза особо отличившиеся виновники в его неблагоприятной судьбе, и обошлось миром все. Иным словом, не выявились пока очередные кровавые эпизоды, слава Богу. Это, как ни удивительно, благое счастье.

Вот, пожалуйста, и скажите какая судьба у Матвея – радостная или нет? Э-э, нет слов никаких! Не пояснить. Не расшифровать. Не дать порядка и ладу. Как ни странно, он свылся уже с этим. Давно не бесится, как бывало ранее. Да что там, небо и земля! Словом, живёт себе и живёт, как в неволе. Что-то соскребёт где-то, тем и довольствуется пока. Что-то сыщет где-то, рад бесконечно, как радуется коза зелёному листочку на дереве, найденному в чужом саду.

А как-то, извините, случилось следующее... Впрочем, об этом – ниже. Нужно набраться терпения. Всему свой черёд и час и всему своя пора. Нынешней ночью Прасковья, надо же, опять привиделось видение! Вот уж неумные эти сны! Надоели, как горькая редька. Нет бы узреть что-то сладкое и приятное душе, а тут, видите ли, лезет и лезет в голову разная шелуха, ни сна и ни покоя. Всё друг на друга накладывается, как из зимы в зиму коровий навоз. Ейный Бог! В их адрес, в адрес плохих снов, так и хочется плюнуть трижды на землю. Да, жаль, нет слюны, как у двугорбого верблюда. Во рту иссохла вся. Иссохла и хоть ты хны.

На этот раз ей привиделся почему-то покойный муж Пантелеймон. Умер он рано. Практически, на пятом десятке жизни. Умирал долго и, можно сказать, с нестерпимыми болями. Стонал и исходил сумасшедшим криком, будто резали ножом. Иногда аж до страха. Прасковья, признаться, и намучилась с ним тогда. Ого-го-го! Не пожелать и врагу. Ой же и намучилась, кто бы знал только! Проще и легче, наверное, находиться в тюрьме, нежели в этой кутерьме, в какой, по несчастью, она оказалась неожиданно. Не приведи господи! Да выхода не было иного. Такова судьба, значит, пережить все это.

Так вот, о Пантелеймоне. О муже кровном. Был он невысокого роста. Кареглазый. Со светлыми короткими волосами. На дело хваткий очень. В руках, казалось, впрямь горело всё. И всё так ладненько и стройно. В общем, жить с ним вроде бы угодно. Одна беда – в округе слыл несусветным гулёной. Бывало, не пропустит ни одной бабьей юбки. О, да что там, гулён таких, как Пантелеймон, похоже, и не выдывал Бог, истинное слово!

Когда тяжело и нетерпимо болел он, тот год выпал как раз неурожайный. Ни пшеницы в закромах и ни крошки хлеба в доме. Хоть зубы вешай на полку. А детвора всё же просит есть. Как малые птенцы, глядят и дочери, и сын на мать, когда возвращается с работы. Всё верно, жизнь складывалась не сладкой, и дорога стелилась, можно сказать, горькой и колдобистой. Считай, со слезами на глазах вся.

Пантелеймон, в конце концов, умер. Бедный, отмучился в итоге. Заодно отмучилась с ним и сама Прасковья. Вроде бы радоваться грех. Но, увы, особый случай тут. Явно же, безысходный. И она потом хоть как-то, а не облегчённо, вздохнула, когда не стало мужа. А тут, нате вам, извините, подвиньтесь, потеха вроде жизненного подарка некоего! Ну и ну! Сюрпризом называется. Ага. Сто чертей!

Однажды возвращается она к себе домой, шла с работы, а в собственном дворе её какая-то молодая баба. Этакая расфуфыренная. С красными полными губами. С высокой причёской на голове. Во рту блестит фикса жёлтая, как медный пятак. Да не одна притом, а с пацанёнком малым. Прасковья на него глянь-поглянь, а он, надо же, ну, вылитый Пантелеймон! Впрямь один к одному. Не отличить. И глазёнки его, и волосики светлые, и стать мужа прямо. Совпадение, что ли? Так нет. Если учесть, как до болезни гулял он с бабами, так, скорее всего, так всё и есть. Верно. На руках этой гостью, получается, его кровный сынишка. Ах ты, боженька, вот не было пирога – уже на столе, пожалуйста!

Прасковья, увидев его, известно, в душевный рёв сразу. Ах, и блудник, ах, и басурман, муж её, вот натворил чего – настрогал лишнего дитя, и бедную женщину, можно сказать, подвёл под монастырь, поставив в безвыходное положение. А сам, ну да, ушёл безответно в могилу. Вот-вот! Сам скончался, а ты теперь отвечай за дитя, как хошь и как можешь. Хоть стреляйся. Но, оказывается, то была ещё не большая беда, что Прасковья увидела произведение собственного мужа, сына кровного его, беда была несколько в ином. Эта женщина, простите душу грешную, гуляющая баба, пришла не милостыню просить или ещё за чем-то другим, она новорожденного дитя, как выяснилось, насовсем принесла Прасковье. Видите ли, уезжать намылилась куда-то. За границу, что ли. За три моря. И данный отпрыск – помеха большая. Она и заявила так. Затем повернулась и тут же ушла восвояси. Вот так поворот, забодай тебя народ! Прасковья и успела только, что всплеснула руками, да, плача, изо всех сил вскрикнула: де, ой-й, мамоньки родные, да что ж деется на белом свете, где же справедливость и правда жизни?!

В общем, гуляющая баба была и, нате вам, сгинула, будто провалилась сквозь землю. А что ж в таком случае делать с этим отпрыском Прасковье, вот какой непростой и важный вопрос?! Тут, увы, своих не прокормить, уж сил никаких. А, выходит, появился ещё один лишний рот. Нет, достаточно и собственных голодных огольцов.

Именно в тот день пришла к ней как раз подруга Неонилла Матвеевна. Они вместе учились в школе. Правда, в начальных классах только. Потом подруга осталась на второй год, а Прасковья, само собой, перешла в очередной. Соответственно, в старший класс. Но друг с другом не теряли всё равно связи. Так вот, Неонилла Матвеевна заявила, узрела данный печальный момент и молвит: де, да ты, Параша, себе не морочь голову этой проблемой, ребёночка на руки возьми и свежи в детский приют. Благо, он неподалёку. Прасковья, между тем, тогда и поступила так. Действительно, отвезла.

Давно, давно было это. Ох, как давно! Пожалуй, не вспомнить того грешного времени, той несчастной горькой минуты, ага. Да и ни к чему. Как молвят, что было, то былшем поросло. Зелёной травой. Густым и высоким камышом. Факт.

С покойным мужем своим, Пантелеймоном, Прасковья сон увидела и вконец расстроилась сызнова. Опять вспомнила про труп и про то, что уже надоело встречаться и с участковым милиционером, и со следователем из районной прокуратуры. Вот навязались, вот приклеились, идола, нервничая, отмечала душою Прасковья, как смола к одному месту!

Делать было нечего, и она, собравшись налегке, тут же отправилась в гости к Неонилле Матвеевне, дабы, во-первых, рассказать о тревожном сне, а во-вторых, помянуть заодно покойного мужа Пантелеймона. Пришла и молвит:

– Давно не виделись. А тут есть подходящий случай. Вдвоем калдыкнем водочки и дело с концом. Быть может, таким образом и выправим наше с тобой безысходное старушечье положение. А то нет спасу прямо. Душу так давит, так давит, будто гиря висит двухпудовая. Вот незадача!.. – И Прасковья поведала, что вдруг привиделось нынешней ночью. Какая такая пришла белиберда в голову. Ах, нечистая! Понятно, жаловалась и на то, что по случаю трупа замучили уже следственные районные органы. То они – к ней, то она – к ним, и так – цепочка за цепочкой. Впрямь сплошная неразрывная кинолента.

Неонилла Матвеевна, признаться, появлению Прасковьи обрадовалась безмерно. Будто первокурсница, хлопала в ладоши даже. Вместе потом они сели за стол и по рюмке-другой выпили в честь покойного Пантелеймона. Известно, о мёртвых не говорят плохо. Не положено. Но тот, увы, был известный гулёна-мулёна, и заслужил, дабы вспомнили за столом не лучшие его человеческие качества. Ишь сколь настрогал детей по белу свету – не счесть всех! Вот этаким паразит! Ах, и кобель же не сусветный!

В районе где-то обеда Прасковья вернулась домой. Вернулась. А сосед Мирон Плотников, шубтунной, обозлённый, – в голос: де, был у неё во дворе давеча участковый милиционер, велел поутру завтра прибыть в районное отделение прокуратуры. Без слов и без ропота притом. Иначе судить будут, как пить дать. И заявил так, уходя. Участковый милиционер, конечно.

Вот, вот, опять упала звезда, отметила, ёрничая над собой, Прасковья и снова потеряла самообладание. О, достали, о, достали с этим трупом! И где он взялся только на бедную старческую голову?! А тут ещё ни с того ни с сего вдруг привиделся покойный муж Пантелеймон, этот блудный гулёна-мулёна. Вот курьёз! Верно и было так. Ни убавить и ни прибавить.

Для Матвея тот памятный день был какой-то особенный. Волшебнo-сказочный, что ли. Вроде этого и больше ничего. Настроение под стать такому славному дню. Солнечному. Тёплому. Вдобавок, свежему и безветренному. В самый раз – на удачу. Он сидел на берегу реки. Рядом, казалось, ни живой души. В округе деревца малые только да сочная луговая трава. Необычайно зелёная. Хоть бери и сам жуй её в удовольствие. На речной воде то и дело всплескиваются, явно огромных размеров караси, и этот всплеск разносится по всему простору обширному. Вода всё так и барахтается, всё так и барахтается, будто в глубине реки завелись некие рогатые черти, вот по водной глади они-то и гоняют бесконечно рыбу, которая, бедная, от переполоха не знает, куда деться, хоть прыгай в иной водоём какой-то. Другого выхода нет.

Матвей на берегу был один-одинёшенек. Сидел и наблюдал красочно живописную картину. Заодно радовался жизни. Пусть беспризорной и безалаберной, какая выпала на его разнесчастную долю, увы. Однако жив и существует, и это, пожалуй, главное, что ему подарила сущая природа. Другого лучше нет и не будет ничего.

Между тем, сидя на зелёной сочной траве, он и не заметил, как к нему подкрался некий сутуловатый, приземистый старикашка с крючковатым носом и сучковатой палкой в руках. Лет, наверное, ему под восемьдесят. Не меньше. Лицом сер, морщинистый очень. Одет скромно. Тёмная холщовая рубашка. Поношенная тужурка на плечах. В правой руке — измызганная и поблёкшая давно шляпа с короткими полями. Матвей в душе ещё отметил: де, такой же беспризорник как и он, небось, вечный странник по миру. Без дела и без дома. Одна лишь страсть: где поесть и как ту самую пищу приобрести, дабы наполнить желудок, себя насытить хоть как-то. У кого и где что-то стибрить. Вот и весь разум. Вся сказка. Судьба одиночки такая. Горькая.

Старикашка вкрадчиво приблизился, молча рядом опустил на траву, и после этого только ему, Матвею, как бы приветливо кивнул головой, как старому знакомому. Матвей, в свою очередь, кивнул головой тоже. Какое-то время сидели тихо оба. Ни слова и ни полслова. Как онемели. Будто в рот набрали воды. Впоследствии, оказалось, и было всё так. Не в смысле молчания, а в смысле жития-бытия пришельца. Матвей, предположив, ничуть не ошибся, что, действительно, старикашка беспризорный. И так же, как и он, шастает безысходно по миру. Одним словом, два сапога пара.

Сидя на зелёной сочной траве на берегу реки, они всё же разговорились потом. И тогда только выяснилось, что данный неожиданный гость из бывших местных. Когда-то проживал тут. Имел дом.

Имел семью дружную и большую. Да вот что-то вдруг не сладилося, верно, ни с женой и ни с детьми малыши. Быстро собрал котомку и, ха-ха, куда глаза глядят, на бескрайний простор. Главное, опять же, чтобы не видеть впритык свою вшивую и гнилую родню. Такие все – не по душе и не по сердцу. Ненавистные. Злые. Мстительные. Да что там, как один – вражины!

По просторам страны бродил, бродил, а домой всё равно тянуло. Ещё бы! В гостях хорошо, а дома лучше. И краше, и сердечнее. Вот в настоящее время и здесь собственной персоной. К кровному домишку подкрадётся, постоит рядом, косо на подворье поглядит, и душа тает сразу. И сердцу одновременно мягче. Дышать легче. Блажь настоящая! Вот счастливыми минутами этими и живёт теперь. Какая внутренняя радость, кто бы знал только!

А что у Матвея за судьба, интересуется вдруг старикашка? Чего вдруг один на берегу, да в затрапезном виде таком, будто голый и немытый совсем? Тот, само собой, не молчит, открывает душу и тайну существования своего на земле. Рассказывает подробно всё. Не утаивает ничего. Секретов никаких. А с какой стати, спрашивается, скрывать судьбу свою разнесчастную? То-то и оно. Тем более, такой же рядом беспризорник, как и он, Матвей. Два сапога пара. Вот и вскрылась истинная правда как раз тут. Та самая тайна, которая всю оставшуюся жизнь не оставляла его в покое ни на миг.

Оказывается, в той самой деревне, где жил и наведывался в нее старик, чтобы взглянуть хоть краем глаза на родное подворье, на жену и детей кровных, когда-то ютилась одна довольно интересная краля. Бабёнка была безмужняя. Зато вокруг себя собирала обильно сильный пол, можно сказать, целой пригоршней. Ой-ей-ей! Как гулящая сучка собирает неугомонных псов, так поступала и эта краля. Долгое время из соседнего села к ней ходил один мужичок. С карими глазами. Со светлыми прямыми волосами. С усиками-стрелками. Небольшого роста. Но на вид крепкий и довольно привлекательный для женского глаза.

Так вот, он, похаживая к той крале, её обрюхатил вскоре. Она родила ребёночка потом. А вот как его растить, как холить и поднимать на ноги, не знала и, скорее всего, не хотела знать. Короче, настала минута, пацанёнка своего новорожденного снесла своему любовнику, тому самому крепышу и привлекательному мужичку. А что далее было, осталось в неизвестности. Забрал или нет малыша, трудно сказать сейчас. И вообще, уж много прошло времени и утекло воды с той поры. К тому же неведомо, жив или нет тот мужичок, который когда-то шастал к той крале. Да и самой крали уже нет давно. Выехала в неведомые края. Так что – ищи ветра в поле. Вот такая грустная история была услышана от старикашки.

Матвей, узнав её, загорелся душой. Кстати, тут же и уточнил: мол, а где и в каком месте именно жил тот крепкий и привлекательный мужичок, ходивший из соседнего села в деревню к гулящей крале, и как разыскать, если вдруг понадобится очень. Ему было всё же интересно взглянуть на того человечка, а заодно, и на то место, куда упомянутая старикашкой краля снесла вынужденно рожденного отпрыска. В какой именно двор и дом какой, надо бы разобраться, как следует. А вдруг то и был его отец, а он, увы, не знает положения дела. Вот именно! Живёт и живёт себе, а рода своего не ведает, жаль. Не суждено, что ли, судьбою? Э-э, несправедливость какая!

Со старикашкой расстался вскоре. И Матвей, признаться, уже не видел его больше, будто он растворился в некоем густом тумане, будто было видение и только, и не стало вдруг. Так, во всяком случае, казалось в эту минуту. Вот с этого момента загадочного Матвей как раз и повадился ходить в то село, на которое указал старикашка. Там высмотрел тот дом, в котором, по словам местных жителей, жил мужичок, гулявший с той деревенской кралей когда-то.

Ах ты, мать честная, оказывается, в том доме уже нет упомянутого мужичка! Помер, бедолага. Живёт одна женщина, и та, бедная, старенькая и хиленькая. Едва перебирает ногами. Ютится бедно. Крутится повсюду, как белка в колесе. Вот дожила, отметил в душе между тем Матвей, жалея старушку эту. Так и подумал, кстати. Правда, отвлёкся вскоре на другие более важные дела. Прежде всего, как выяснить, мол, отсюда или нет снесли его в младенчестве в детский приют? Если так и вправду, если отсюда... Впрочем, дорог много, а биография у человека одна. Куда ни кинь, а он, человек, в своём роде единственный, и место, где родился и мужал, тоже единственное. О, это – что есть правда сущая!

Как, к слову, и старикашка, Матвей, подобно ему, близился к концу огорода той старенькой и хиленькой женщины, оставшейся без мужа, и зорко, пристально поглядывал в ту сторону, где она ходила не спеша по собственному земельному участку. Рядом кудахтали куры, вскидывая крылья, во весь голос кричал петух, и, параллельно с ним, тявкала без умолку пятнистая звонкоголосая дворняжка. Он к этим звукам прислушивался и так радовался в душе, как, возможно, не радовался вообще никогда в жизни так. Вот какое счастье-то слышать подобную жизненную идиллию!..

Как-то сидел привычно он в конце всё того же огорода на зелёной сочной траве, и вдруг ощутил, как у него кольнуло больно сердце. Прошла минута-другая, сердце временно умирилось как бы. Но, вот беда, кольнуло опять тотчас же. Да так, что ничего уже не ощущал и не помнил, где он и что с ним

приключилось. Ай-я-яй! Всё, что раньше видел, запечатлевал, в глазах затуманилось сразу. И явно эта картина исчезла из виду, как исчезает земля под ногой у прохожего человека.

Рано утром поднявшись с постели, перед тем как отправиться в районный центр, в прокуратуру, Прасковья поспешила почему-то в конец огорода. То есть, на межу с фермерским полем, туда, где как раз и обнаружила труп человека. Неизвестно отчего, но вдруг потянуло её туда. Вот потянуло и всё. Хоть ты хны. Будто что-то чувствовала неопределённое. А что именно, не понимала сама и не могла себе объяснить толком даже. Вот незадача! Что за чертовщина такая?! Как на пропасть!

Прасковья выругалась в душе, ан все равно пошла на то зловещее место. Трава была примята, местами притоптана слегка. Складывалось такое впечатление, будто этот человек, который скончался вдруг от сердечного приступа, тут находился не один и не два раза. Что тянуло его сюда, в конец её огорода, задавалась вопросом Прасковья. Неужто за молодой кукурузой охотился? Так она ещё незрелая, и варить бесполезно. Пупырышки одни. Прасковья походила, походила вокруг, и неожиданно ощутила, что у самой защемило вдруг сердце. Ах ты, мать честная! Нет, сказала себе, надо уходить скоренько отсюда. Бежать, бежать, пока не поздно. Пока не прихватил сердечный смертельный приступ, упаси Бог. И действительно, тут же посеменила по земляной истоптанной дорожке.

В прокуратуре она появилась вовремя. Всё тот же следователь из интеллигентного круга, в роговых очках, её усадил у стола, напротив. К слову, участкового милиционера не было на этот раз. Не явился почему-то. Впрочем, Прасковье он и не нужен. Достаточно, что бывал регулярно в её доме. Как бельмо в глазу. Вот-вот! Будто приклеился, ровно навозный жук к навозной куче. Ах, и шельмец!..

– Вызывали? Слушаю вас, – выразила Прасковья, волнуясь и теребя кончик белой косынки. Руки, понятно, дрожали, и она от этого нервничала еще больше. Они явно её выдавали. Только отчего происходило так? Она что, убийца? Она порешила этого мужичка в конце своего огорода? Вот придумали! В окно как раз бил яркий свет. Солнце, пробиваясь сквозь стекло, застило глаза. Она сначала глаза прикрыла рукой, затем отвернулась и вовсе. Но быстро опять повернулась лицом к следователю.

В кабинете было тихо. На белой стене, напротив, висел портрет Дзержинского небольшого размера. Человек с бородкой. В гражданской фуражке зелёного цвета. Взгляд пронзительный. Впрямь рентген и только. Ух-х, как боязно, ух-х, как страшно, глядя на данное изображение, отметила в душе Прасковья и нервно передернула плечами, будто от холодца, когда подают его с лютого мороза.

– Тут вот какое дело... – начал было издали хозяин кабинета, тот самый человек из интеллигентного круга, в роговых очках, и тут же умолк почему-то. Правда, тянуть кота за хвост всё же не стал, и госте выдал немедленно всю правду-матку.

Прасковья, признаться, услышав это, была в шоке. Растерялась даже. Лицо сделалось обильно красным и безмерно покрылось вдруг бисеринками пота.

– Ой-й, боженька, неужто всё это и вправду?! Ах, несчастье-то какое!

От безысходности, вскинув резко руки, она навзрыд заплакала тотчас. Кончиками белой косынки прикрыла лицо и, считай, кричала на весь кабинет, будто в нём её резали до смертушки.

Выдержав небольшую паузу, хозяин кабинета сначала подал воды и госте велел успокоиться и взять себя всё же в руки, потому как уже свершилось дело и ничем помочь нельзя. Всё в прошлом далеко. После чего подробно пояснил, как складывались обстоятельства щепетильного дела и как они вышли на конечный исход. Как выяснилось, следователи прокуратуры установили, кто был именно этот человек. Выявили фамилию: Матвей Перевозчиков, бывший детдомовский воспитанник, человек, сидевший в тюрьме не один раз. Сначала – за драку. Затем – за умышленное убийство. Мужчина без крова и без дела. Более того, определилось следующее: он, оказывается, внебрачный сын Пантелеймона, покойного мужа Прасковьи. Вот и суть вся. Вот и сказ весь.

Человек из интеллигентного круга, в роговых очках, выдержал паузу опять. Потом выразил:

– Сказать правду, покойника хоронить некому. Ни родных и ни близких. А так просто закопать, ну... Мы же христиане? Словом, Прасковья Фёдоровна, надежда на вас вся. Тем более, ваш покойный муж Пантелеймон – его внебрачный отец. Вот какое дело.

Потом Прасковья возвращалась домой и все думала и думала про странный сон, в котором упала звезда с неба. Вон, выходит, к чему сон-то клонил, отметила она, и вдруг, сидя в автобусе, не выдержала и заплакала навзрыд. Завыла, как волк в лесу от бешеного голода, от тоски необъемлемой. Тонкоголосо. По-певчому, что ли. Представлялось, у пассажиров, находившихся рядом, по спине бежали мурашки даже.

Водитель всё же остановился. Её вывели на улицу. День, как ни странно, стоял ясный. Чистый небосвод и до рези в глазах был прозрачный воздух. Только и того, что там, сверху, кружили пятнисто-чёрные вороны и высоко-высоко в небесном куполе, явно, не низко, едва заметно высвечивалась блёкая, с желтыми разводами дневная луна.

ЛЮДМИЛА БИРЮК

Краснодар

РЕКА ВРЕМЁНИсторический роман
(Продолжение)*Глава 5. Повеса, тот, бун, картёжник...*

После путешествия по России Екатерина Алексеевна без лишнего шума вернулась в Петербург и с головой погрузилась в дела. В глубине души она чувствовала не столько радость от своего триумфа, сколько душевное смятение и тревогу перед необходимостью управлять необъятной и непонятной страной. Кроме того, её угнетало одиночество. На кого ей положиться? Кто ей друг, и кто враг? Основные силы армии в перевороте не участвовали. Гвардейцы, посадившие её на трон, тоже не вызывали полного доверия. Слишком они гордились собой, сознавая свою роль в русских дворцовых переворотах. "Нам енто дело не впервой! Захотим – посадим, захотим – скинем!", – донеслось до неё однажды из военных рядов. Екатерина сделала вид, что пропустила возглас мимо ушей, но холодок страха вдруг заставил желудок неприятно сжаться.

Она понимала, что управлять страной может лишь любимый народом монарх. И с самого начала царствования старалась быть милостивой и вершить добрые дела. Покидая Москву, она распорядилась основать в древней русской столице Воспитательный дом для брошенных детей. В нём сирот не только кормили и одевали, но и обучали грамоте и ремеслу. Во взрослую жизнь воспитанники вступали самостоятельными людьми, способными приносить пользу себе и Отечеству. Впоследствии такие дома стали создавать по всей России. Заботилась Екатерина и о здоровье нации. "Аптек и лекарей должно быть в изобилии! – говорила она. – Надо устроить так, чтобы каждый мой подданный, вне зависимости от чина и сословия, мог вовремя получить врачебную помощь".

Что ещё следовало сделать в первую очередь?

Вернуть монастырям недвижимое имущество, отнятое распоряжением Петра Фёдоровича, и тем самым снискать расположение церкви. И, конечно, приблизить к себе молодых умных советников, наградить тех, кто помог ей в дни переворота.

Молодость, молодость... Как стремительно она уходит! Сегодня Екатерина обнаружила у себя мелкие морщинки возле глаз. Если их хорошо запудрить рисовой пудрой, никто ничего не заметит, но она-то знала, что они есть! И это очень огорчало. Она испытывала неодолимое желание любить и быть любимой. Даже самой себе не могла она признаться, что ей давно уже хотелось новой страстной любви.

Её чувства к графу Орлову с каждым днём охладевали, уходили в прошлое. Грубый и вечно пьяный граф стремительно превращался в развалину. Хотя Григорий был лет на пять её моложе, но выглядел стариком. Каждый раз он со страхом ждал свидания, страдал и стыдился своей немощи. Хотел даже наложить на себя руки, но Екатерина, щедро одарив фаворита дворцами и деньгами, отправила его на отдых в одно из поместий.

На миг мелькнуло воспоминание о польском графе Станиславе Понятовском, с которым у неё был давний адюльтер, ещё до Григория Орлова.

Легкая улыбка тронула её небольшие, аккуратно подведённые помадой губы. Припомнилось, как однажды утром её супруг Пётр Фёдорович беседовал с английским послом Вильямсом и его помощ-

ником, молодым польским шляхтичем Станиславом Понятовским. Камергер доложил, что завтрак подан, и Пётр любезно пригласил гостей разделить трапезу. Вскоре в столовую явилась и Екатерина Алексеевна со своей любимицей – крошечной болонкой Зизи. Увидев сидящих за столом мужчин, собачонка первым делом злобно облаяла Петра Фёдоровича, потом – Вильямса, но, подойдя к Понятовскому, неожиданно стала ластиться и тереться о его ноги.

В первую минуту все оторопели, но английскому послу удалось изящно пошутить, разрядив неловкий казус: "Как видно, прекрасный пан Станислав очаровал не только всех фрейлин императрицы Екатерины Алексеевны, но даже её собачку!"

Что и говорить, Понятовский был достоин любви. Хотя..., при всей нежности, учтивости и породистой красоте (в нём текла не только польская, но и итальянская кровь), чего-то в нём не доставало. Русской бесшабашности, что ли?

Она задумалась и усмехнулась. Не всё ли равно! Понятовский – мимолетное увлечение молодости, и о нём пора забыть. Она правильно сделала, отправив милого друга в Польшу. Это был не только нравственный, но и мудрый поступок – посадить бывшего возлюбленного на польский престол. Пусть гордая шляхта называет его русской марионеткой и грозит восстанием – в обиду она его не даст. Поумерьте гонор, панове!

Екатерина грациозно ступала по дорожному пейзажному паркету, и ноги сами несли её к большому венецианскому зеркалу в золотой раме. Любовь, любовь... Она мечтала, чтобы новый, неведомый избранник вспылал к ней страстью как к женщине, забыв о том, что она – царица. Возможно ли такое? Зеркало, отразив привлекательное холёное лицо, успокоило её.

– Мне не о чём тревожиться, я ещё молода... – прошептала она, осторожно проводя по щеке белой рукой в драгоценных перстнях.

Алебастровые плечи, формы пышные, но живот плоский... Маленькая складочка под подбородком не портит, а придаёт особенную прелесть её античному профилю. "Надо каждое утро протирать лицо кусочком льда, – подумала она. – И не распускаться: не плясать на ассамблеях до утра, ложиться и вставать пораньше, поменьше есть... И никакого вина! Пить только воду!".

* * *

Расплатившись маменькиными деньгами с хозяином шулерского притона "Король бубен", Державин мог перевести дух и подумать, где теперь достать денег на покупку дома. На помощь неожиданно пришёл Иван Блудов, оформивший кредит в Дворянском банке, где служил сам.

– Вот тут распишись, Ганя! – велел он, протягивая ему бумагу. Это твоё поручительство, без него мне денег не дадут.

Одолжив у Блудова необходимую сумму, Державин купил небольшое имение и тут же сдал его в аренду молодой купеческой семье. Вскоре Блудов заставил Державина заложить купленный дом и выдать ему закладную. Он рассчитывал получать приличные проценты по закладной, арендную плату с жильцов и, кроме того, ежемесячные выплаты долга с Державина. И попал Гавриил Романович в денежную кабалу, как кур в ощиц... Выбраться из неё можно было только одним способом – снова играть!

Преображенский полк к тому времени перевели в Петербург, но Державин выхлопотал у начальства отпуск и остался в Москве. Его удерживал не только денежный долг. Одна лишь мысль о том, что нужно будет снова вернуться в опостылевшие казармы, к муштре на плацу, грубым шуткам товарищей по оружию, приводила его в глубокое уныние. Втянувшись в необычную, полную острых ощущений и заманчивого риска жизнь картёжника, он даже не помышлял о возвращении в Петербург и не думал о последствиях. И когда его отпуск подошёл к концу, он, как околдованный, остался в Москве, продолжая вести разгульный образ жизни. Отныне никто не мог послать его в наряд или поставить в караул возле полосатой будки. Будь она проклята!

Словно вихрь карнавала, закружила его московская жизнь. Она мелькала так стремительно, что он не успевал задуматься над тем, что будет завтра. Карты, трактиры, дружеские попойки, сомнительные женщины, слетавшиеся, как бабочки на огонёк, когда ему удавалось немного выиграть... Лишь иногда, словно очнувшись, он вспоминал о том, что его ждёт расправа: военный суд и, в лучшем случае, – разжалование в армейские солдаты. Но о нём как будто забыли. Никто не разыскивал, никто не тащил в трибунал. Время шло, месяц за месяцем, а всё оставалось по-прежнему...

* * *

Минуло два года. Державин вернул долг Блудову, но играть не перестал. Он оказался талантливым картёжником, хотя и излишне азартным: мог за вечер выиграть несколько тысяч и за полчаса спустить всё подчистую. Правда, было у него одно правило, которого он строго придерживался: как бы ни складывалась игра, он никогда не играл на подаренный матушкой петровский серебряный рубль, хотя и всюду носил его с собой. Свой бесценный талисман он хранил всю жизнь.

Бывало, он приходил домой с горящими глазами и тяжёлым кошельком, расплачивался с Матрёной Саввишной за квартиру и устраивал пир на весь мир. А чаще оставался без гроша, сидел на хлебе и воде и, задернув шторы в своей каморке, кропал при свече стихи. Но даже такая жизнь была для него милее, чем опостылевшая солдатчина в Петербурге.

Он метался по Москве в поисках игры, знакомился с картёжниками, стал своим в компаниях шулеров. Отныне он – желанный гость в "Короле бубен", а герр Отто Шульман – его старший наставник и лучший друг! У него он научился всевозможным игровым уловкам: краплёным картам, ложной тасовке, условным сигналам, заговорам...

Доблесть шулера состояла в том, чтобы заманить в притон и облапошить простодушного новичка. За это герр Шульман платил щедро, но именно этот вид "работы" был Державину особенно неприятен. К своим жертвам он испытывал невольную жалость и нередко тайком предупреждал неопытных игроков об опасности. В шулерском мире это считалось тяжким преступлением. Разоблачив Державина, подельники пригрозили ему расправой, но он лишь смеялся и отшучивался.

Однажды, потеряв терпение, шулера натравили на него убийц, но за Державина неожиданно вступился молодой чиновник, Николай Звонарёв – один из спасённых им игроков. Вдвоём они сумели отбиться и убежать. После долгих блужданий по ночной Москве Державин предложил новому приятелю поужинать в трактире у Драгоценного.

Там за кружкой пива черноглазый темпераментный Звонарёв принялся с жаром читать стихи русских поэтов: одних хвалил, другими возмущался за архаизм и излишнюю напыщенность, убивающие в поэзии чувство. Державин признался, что тоже пишет стихи.

– Вот как! Не прочтёте ли что-нибудь?

– Не знаю, право... О чём бы вы хотели послушать?

– О любви!

Державин потер лоб и стал читать:

Хоть вся теперь природа дремлет,
Одна моя любовь не спит;
Твои движенья, вздохи внемлет
И только на тебя глядит...

Дослушав до конца, Николай честно признался, что стихотворение ему не понравилось:

– Ничего нового! Перепевы других поэтов...

Обескураженный Гавриил стал объяснять, что учится у Ломоносова и Сумарокова.

– А зачем петь с чужого голоса? У вас есть свой! Верьте в себя, откройте читателю свою душу – и ваши творения станут читать вся Россия!

Державин покачал головой. Ему было обидно за свои стихи, но он не подал виду и перевёл разговор на другую тему: стал благодарить Николая за то, что не бросил его в беде. Но Звонарёв прервал его излияния:

– Да ведь вы тоже предупредили меня, когда я стал играть с шулерами. Сей мерзкий притон давно пора разогнать, а хозяина отправить на каторгу!

* * *

Вернувшись домой, Державин засветил масляную лампу и достал с книжной полки томик Ломоносова, подаренный в детстве отцом. Открыл "Оду на восшествие на престол Елизаветы Петровны":

Вокруг тебя цветы пестреют,
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Своё богатство по земли...

Ему вдруг почудилось, что он летит в небесах и видит с высоты луга, покрытые пёстрым ковром цветов, тяжёлые спелые "классы", то есть, колосья на полях; плывущие по волнам корабли, трюмы которых полны несметных сокровищ. В каждой строке – уверенность и спокойствие, завоёванные для своей Отчизны императрицей Елизаветой Петровной, возлюбленной дочерью Петра I.

Картина, представшая перед его мысленным взором, так разительно отличалась от его собственного жалкого прозябания, что он невольно склонился над столом, обхватив голову руками.

Для чего он живёт? Ради постыдной цели обогатиться нечестным путем? Никогда ещё он не опускался так низко – грязное дно стало его обителью. Ему вспомнились, как умирающий отец просил его беречь матушку. А он пока ещё ничем ей не помог. Напротив, это она, сама того не ведая, спасла его от расправы картёжных воров. Батюшка, наверное, видит с неба его поступки. Как же он докатился до такой жизни?

Державин инстинктивно схватил перо, и... полились на лист бумаги корявые горькие строки:

Повеса, мот, буян, картёжник очутился.
И вместо, чтоб талант мой в пользу обратил,
Порочной жизнью его я погубил...

Бросив перо на стол, он стиснул руки. Нет, так больше жить нельзя! Он должен вернуться в Петербург, и будь что будет! Если не отправят его в Сибирь, то честной службой и молитвами он искупит свою грешную жизнь. "Никогда больше не буду играть! – словно в горячечном бреде шептал Державин. – Клянусь, никогда!"

* * *

На почтовой станции Тосно Державина остановил военный патруль. Строгий офицер объявил, что в Москве началась эпидемия чумы, и теперь, чтобы получить разрешение на въезд в Петербург, придётся выдержать двухнедельный карантин. Призвав на помощь всё свое красноречие, Державин умолял пропустить его, объясняя, что выехал ещё до начала эпидемии, что у него не хватит денег прожить две недели на постоялом дворе, и, наконец, что он, как гвардеец Преображенского полка, имеет право на привилегии!

В конце концов, офицер уступил и согласился его пропустить, при условии, что тот отдаст свой багаж, который полагалось сжечь. У Державина был большой деревянный чемодан, который он без колебаний принёс к заставе и поставил возле шлагбаума перед начальником. Утром с первой же почтовой каретой он налегке выехал к месту расположения своего полка.

Прежде чем уничтожить имущество гвардейца, караульные полюбопытствовали, что там внутри. Открыли крышку и остолбенели от удивления. Весь чемодан был туго набит рукописями стихов. Ничего другого в нём не оказалось.

Как же весело пылал костёр!

* * *

Петербург принял Державина промозглым холодом, хмурым жёлтым туманом и тяжёлым известием: месяц назад умер начальник полковой канцелярии майор Терентьев...

Сердце Гавриила сжалось в отчаянии. Чувство безвозвратной потери охватило душу. В самые тягостные и безрадостные дни службы его всегда согревала мысль о том, что есть на свете человек, который не даст его в обиду – добрый, смешливый балагур, майор Терентьев. Нет больше старшего друга и покровителя... Словно наяву, ему вдруг вспомнилась их первая встреча: "Ха-ха-ха! Просрочил, брат!"

Как же теперь жить без него?

Не зная, как он будет объясняться с новым начальством, Державин доплёлся до канцелярии и попросил дежурного доложить о себе. Не прошло и нескольких мгновений, как дверь кабинета распахнулась, и из него буквально вылетел коренастый широкоплечий офицер. Всплеснув руками, он бросился к Державину и повис у него на шее, обливаясь счастливыми слезами:

– Мурза! Не узнаёшь?!

Ошарашенный Гавриил еле узнал в крепко сбитом штабс-капитане бывшего однокашника – хуленького и хилого Митеньку Неклюдова.

– Митя!

После первых счастливых мгновений и бессвязных восклицаний Митя увёл друга к себе, и они уселись рядом за столом, задавая друг другу бесконечные вопросы о службе, здоровье родных, о планах на будущее...

Митя рассказал, что после окончания Казанской гимназии рассчитывал служить в Петербурге, но его определили в экспедиционный корпус и послали в Польшу. Станислав Август Понятовский, ставленник императрицы Екатерины Алексеевны, оказался несчастнейшим из польских королей. Шляхта его ненавидела, и, если бы не мощная поддержка русской армии, он бы и дня не удержался на престоле.

– Мне не раз доводилось его видеть и даже говорить с ним, – рассказывал Митенька. – Человек он добродушный и обходительный, большой охотник до балов и светских приёмов. Но в решительное время – полное ничтожество. Ты только представь: мятежники сговариваются сбросить его с престола, а он, как ни в чем не бывало, заводит с ними дружбу, приглашает на охоту...

– Что за мятежники?

– Барские конфедераты. Бару – крепость в Подолии. Там-то всё и началось! Кашу заварили братья Красиньские – магнат Адам и епископ Михаил, потом к ним присоединился староста Казимир Пуловский. Теперь их тьма-тьмущая – чуть ли не вся шляхта. Злобная, с гонором! Каждый второй поляк называет себя шляхтичем. Поди проверь, кто они на самом деле...

– И чем они опасны для России?

– Их поддерживают Франция и Австрия: снабжают оружием и деньгами. Надеются их руками выдать Россию из Польши и самим взять её под свой протекторат. Было уже несколько сражений, в том числе под Слонимом, в котором я принимал участие.

Державин был поражён... Все эти годы Митя жил интересной, насыщенной событиями жизнью, был в курсе государственных дел, стал штабс-капитаном и даже успел повоевать... А чего достиг он, потомок мурзы Багрима? Чем ему похвастаться, кроме пьяных потасовок и шулерства в игорных домах? Годы, проведённые в Москве, можно вычеркнуть из жизни, как никчемное и постыдное времяпровождение.

Митя заметил грусть в его глазах и успокаивающе положил ему руку на плечо.

– Не печалься, успеешь и ты повоевать. Не такое уж это счастье... Мне ещё повезло, что отделался лёгким ранением. Из-за него-то меня и перевели в Петербург. Лечился полгода, потом попросился в Преображенский полк, думал тебя увидеть. А ты, брат, в Москве оказался!

Державин пристально взглянул на друга и спросил осторожно:

– Не знаю, что и сказать, Митя. Три года я самовольно жил в Москве... И как мне теперь объяснить моё возвращение в полк?

Митя удивлённо похлопал светлыми ресницами:

– Зачем объяснять?

Покопавшись в толстой кожаной папке, он вытащил плотный лист с печатью и передал другу. Ошеломлённый Державин прочитал приказ о своём зачислении в московский гарнизон с правом добровольного возвращения в Преображенский полк. Слёзы навернулись на глаза... Он узнал руку покойного майора Терентьева.

* * *

Ранение, полученное Митей под Слонимом, не было таким лёгким, как он сказал. Неклюдов заметно прихрамывал, и поэтому был вынужден служить штабным офицером. Зато теперь он мог заняться судьбой друга. Захватив с собой необходимые бумаги, Митя отправился к командиру полка и, указав соответствующий параграф, напомнил, что капралу Державину по выслуге лет положено звание сержанта. Командир был новый, молодой и старательный, одним словом, "охотник к службе". Заранее составленный Митей приказ был подписан без проволочек.

Державин был безмерно рад, но Митя не остановился на достигнутом. Он мечтал сделать друга прапорщиком. Но... увы, в самый неподходящий момент на Державина пришёл анонимный донос о его неблаговидном поведении в Москве. Анонимка была составлена грамотно, но чувствовалось, что русский язык не является автору родным. По несчастью, письмо попало к командиру. Тот бушевал и грозился сослать опозорившего полк шулера в самый дальний армейский гарнизон.

– Нет, это неправда! Не верю! – в отчаянии восклицал Митя, навестив Державина на гауптвахте.

– Не волнуйся, Мурза, я докажу, что тебя оговорили!

Но Гавриил только безнадежно махнул рукой и чистосердечно рассказал ему о своих злоключениях в игорном доме "Король бубен".

– Всё ясно, – упавшим голосом сказал Митя. – Это Шульман прислал анонимку. Отомстил!

Впоследствии Неклюдову всё же удалось замять дело, и даже выявить клевету. Державин был помилован, но, как говорится, "осадочек" у начальства всё-таки остался.

После всего случившегося помогать Державину в его продвижении по службе стало не так-то легко. Но Неклюдов был настойчив и терпелив. В течение трёх лет он обивал пороги служебных кабинетов, заводил полезные знакомства, давал взятки нужным людям и использовал все свои небольшие связи ради одной заветной цели – сделать друга офицером. Он просил немногого, и влиятельным людям ничего бы не стоило замолвить словечко за бедного дворянина, но вельможи равнодушно отворачивались. Державина никто не знал, и никому он не был нужен.

* * *

Хотя Гавриил поклялся никогда не возвращаться в Москву, столицу шулеров и бандитов, ему вскоре пришлось снова её посетить. Что поделать? Служивый человек не распоряжается собой. После того, как по Москве пронеслась эпидемия чумы, в городе часто вспыхивали гражданские волнения. Роту, в которой служил Державин, отправили в древнюю столицу для наведения порядка.

– Главное – больше не играй! – наставлял друга Митя. – И не встречайся не только с Шульманом, но и с Блудовым. Что-то не нравится мне твой родственник... Ведь это он привёл тебя в игорный притон. Уж лучше живи в казарме, нечего тебе шляться по злочным местам!

Слушая его, Гавриил послушно кивал и невольно думал, что теперь пришлось ему поменяться с другом ролями. Раньше он опекал Митеньку, а сейчас – он его.

– И не забывай заниматься сочинительством, – строго продолжал свои напутствия Митя. – Довольно кропать побасенки, пора серьёзными одами заняться!

– Чтобы писать оды, надобно вдохновение. А в нарядах да караулах я его что-то не встречал.

Глава 6. "Конечно, я согласен!"

По прибытии в Москву Державин тут же направился в дом Блудовых. Во-первых, он проголодался и замёрз: в феврале стояли крепкие морозы, и хотелось поскорей согреться и поесть. Во-вторых, он не считал Ивана виновником своих бед. А в-третьих, он так поспешно бежал из Москвы, что оставил у Блудовых томик Ломоносова, подаренный отцом. Теперь Державин благословлял судьбу, что не взял книгу с собой в Петербург. Она была бы сожжена вместе с его рукописями. Случай на карантинной заставе казался ему всего лишь небольшим курьёзом: не велика потеря! Он уже написал немало новых стихов...

Блудовы с радостью встретили родственника.

– Ах ты, Ганюшка, племянш мой! – восклицала тётка, целуя его в обе щеки. – Как служба? Ещё не офицер? Ну, ничего, не ропщи, на всё воля Божья!

В столовой было жарко от натопленной изразцовой печки. Разомлевшего Державина угощали вишнёвой наливкой, расстегайчиками и чаем с вареньем...

Иван рассказал, что год назад в игорный дом Шульмана заглянул на огонёк некий молодой чиновник и проигрался до нитки. Довольный Шульман любезно пригласил игрока прийти ещё раз, чтобы отыгаться. Но, как на грех, юноша оказался экспедитором тайной канцелярии и на следующий день явился с отрядом полицейских. Те арестовали хозяина и его банду и обыскали дом, вывалив на стол перед понятыми весь шулерский арсенал: колоды краплёных карт, парафин для загибания углов, особые шулерские перстни, зеркальные табакерки...

Игорный притон "Король бубен" был опечатан, Отто Шульман и его сообщники отданы под суд и впоследствии сосланы на каторгу.

Выслушав рассказ Блудова, Державин неожиданно спросил:

– А как звали того экспедитора, что раскрыл банду?

– Запоматова... кажется, Николай.

Державин вздрогнул и провёл рукой по лицу.

– Что с тобой, брат? – забеспокоился Блудов.

– Так, ничего. Скажи, а каков собой этот Николай?

– Обыкновенный... Молодой, но гордый. По всему видно, что не глупец... А! Вспомнил фамилию: Звонарёв.

– Это он!

– Да кто – он?

Державин только махнул рукой, сослался на усталость и отправился спать. Но заснуть долго не мог, всё ворочался и размышлял. В ушах звучали слова Николая, сказанные когда-то в трактире: "Верьте в себя! Ваши творения станут известны всей России!"

"А если он прав? – мелькнуло в голове. – Быть может, стоит показать свои вирши настоящим ценителям? Друзья – не в счёт... Они рады всему, что бы я ни нацарапал"...

И в тот момент в мозгу внезапно стукнуло: граф Шувалов! Быть может, он ещё помнит казанского гимназиста, которого когда-то отметил и наградил?

* * *

Московский университет в те времена располагался на Красной площади, в бывшем здании Главной аптеки, отстроенном заново. Сидя в уютном кабинете с окнами на заснеженный собор Василия Блаженного, Иван Иванович Шувалов, давний покровитель прославленного учебного заведения, рассматривал прошения и подписывал бумаги, которые ему подносил старый худой секретарь. Иногда в кабинет заходили профессора и преподаватели, одетые в университетскую форму: красные камзолы с синей отделкой, белые панталоны и чёрные башмаки. Шувалов с ними беседовал, выясняя интересные его вопросы, а под конец всегда спрашивал о семье:

– Ну, как сноха? Не родила ещё?

– Слава Богу, Ваше сиятельство, внук у меня! В воскресенье покорно просим на крестины!

– Благодарствуйте, мои вам поздравления!

В ту пору Шувалову минуло сорок пять лет. Несмотря на то, что при дворе и в университете все величали его "сиятельством", он не был графом. Когда-то, ещё в царствование императрицы Елизаветы Петровны, был составлен проект указа о жаловании Ивану Шувалову графского титула, должно-сти в Сенате и десяти тысяч крепостных душ. Прежде чем поставить подпись, императрица позвала своего фаворита и дала ему прочитать указ. Недолго думая, Шувалов преклонил колени и спросил позволения обратиться с просьбой.

– К чему церемонии, Иван Иванович? – улыбнулась Елизавета. – Если что ещё надобно – проси, ни в чём тебе отказа не будет!

– Государыня! Дозвольте мне собственными руками сжечь сию бумагу!

Тщательно подведённые брови Елизаветы приподнялись от удивления.

– Полно, голубчик! В своём ли ты уме? Отродясь не видывала эдакого... гм... беспорочного подданного.

– Ваше величество, пороков у меня немало, но точно нет двух: тщеславия и корысти. Не лишайте меня счастья служить вам по чести и совести.

Императрица не расставалась со своим любимцем. Он был произведён в камер-юнкеры, потом стал её камергером и жил во дворце на всём готовом. Красивый и обходительный, всегда элегантно и модно одетый, он стал отрадой и утешением стареющей Елизаветы Петровны.

Иногда Шувалову всё-таки приходилось пользоваться своим особым положением, чтобы осуществить некоторые планы. Вместе с Ломоносовым он основал Московский университет и несколько гимназий: в Петербурге, Москве и Казани. Открыл первый в России общедоступный театр и дал жизнь любимейшему своему детищу – Академии художеств, которой подарил собственную коллекцию картин великих художников Возрождения – основу будущего Эрмитажа.

Но более всего он любил заниматься поиском и выращиванием талантов. Однажды, проходя по анфиладе Зимнего дворца, он заметил примостившегося в углу молодого истопника, который что-то вырезывал по камню. Он подошёл, взглянул и ахнул. Это была неземной красоты камея, изображавшая лик императрицы. Он купил камею и отнёс её Елизавете Петровне. Та ласково улыбнулась.

– Хороша вещь! Чем тебя отблагодарить за неё, друг мой?

– Государыня, велите зачислить её автора в Академию художеств, дабы он мог совершенствовать свой талант.

Истопника отправили учиться. Через несколько лет мир узнал Федота Ивановича Шубина – великого русского скульптора.

Покровительству Шувалова были обязаны многие поэты, художники, актёры... У него было какое-то утончённое чутье на талантливых людей. Ради них он был готов бить челом государыне, выпрашивая стипендии, оплату жилья и учёбы... А для себя никогда не просил ничего.

Незадолго до своей смерти Елизавета Петровна вручила своему любимцу прощальный подарок – чек на миллион рублей. Не считая себя вправе воспользоваться такими огромными деньгами, Шува-

лов отдал чек новому императору, Петру III. "Каков простак!", – рассмеялся Пётр Фёдорович, когда за Шуваловым закрылась дверь.

После дворцового переворота Шувалов по мере сил продолжал покровительствовать талантливым людям. Но творить добрые дела становилось всё труднее. Новая государыня, Екатерина Алексеевна, не жаловала елизаветинского вельможу...

* * *

Одно из прошений, написанное каллиграфическим почерком, привлекло внимание мецената. Он взглянул на подпись внизу: "Гавриил Державин". Звучная фамилия! Где-то он уже её слышал? Вскрыв конверт, Шувалов прочитал просьбу об аудиенции и задумался.

В памяти всплыло событие десятилетней давности. Давний приятель, директор Казанской гимназии Михаил Иванович Верёвкин, однажды прислал ему гигантскую карту древней Булгарии, выполненную его воспитанниками, среди которых особо отличился Гавриил Державин. Никогда в жизни Шувалов не видел ничего подобного! На карту были нанесены не только леса, озёра и реки, но и места бывших сражений, рисунки древних воинов во всей амуниции, татарские погребальные курганы и очертания крепостных стен... Рукотворное чудо было тотчас передано университетским профессорам. В Казань полетел курьер с приказом наградить всех, кто работал над картой, а Державина – по окончании гимназии зачислить в Петербургский инженерный корпус.

Всё это мгновенно пронеслось в памяти Ивана Шувалова, и он, не раздумывая, потряс серебряным колокольчиком, вызвав секретаря.

– Где податель сего письма?

– В приёмной дожидается, Ваше сиятельство.

– Просите!

* * *

Тем временем жизнь в Зимнем дворце шла своим чередом. Екатерина Алексеевна обычно просыпалась в пять утра. Сама надевала простое удобное платье, пила кофе и отправлялась в рабочий кабинет. Ей нравились тихие предрассветные часы, и она не видела ничего дурного в том, чтобы, не будя слуг, самой приготовить кофе или подбросить дрова в камин. Работу она считала нормальным состоянием человека.

Государственная служба – встречи с министрами, статс-секретарями и послами – начиналась позже, в 10 часов. А ранним утром она любила читать и писать письма французским просветителям – Вольтеру, Дидро и Монтескье. Иногда сочиняла сказки, комические рассказы и пьесы, по которым потом ставились спектакли.

За последний месяц Екатерина заметно похорошела, пребывала в благодушном расположении духа и порхала по анфиладам дворца, молодая, свежая и привлекательная, благодаря розовым ваннам и протираниям льдом. Но не только из-за тщательного ухода за лицом и телом расцвела Екатерина Алексеевна. Бог услышал её молитвы и послал ей новую любовь! Императрица сама удивлялась, что ещё была способна любить так неистово и самозабвенно, но ничего поделать с собой не могла: избранник того заслуживал! Это был голубоглазый великан-красавец с орлиным профилем, храбрый до безрассудства, герой сражений при Фокшанах, Ларге и Кагуле – генерал-майор Григорий Александрович Потёмкин.

Их любовь была взаимной, Екатерина это знала. Но гордый Григорий не принял должности адъютанта при её особе и остался на войне. Отныне единственная её отрада – нежные письма, в которых она просила лишь об одном: беречь себя... ради неё.

Положив перед собой лист бумаги, она не спеша стала перебирать перья в письменном приборе. Найдя своё любимое, бережно окунула его в чернильницу и вывела аккуратно с красивыми завитушками:

"Любезный друг мой, Гришенька..."

На миг задумалась, собираясь написать ещё что-то, но камергер доложил о визите канцлера Никиты Панина. В кабинет, пытаясь от одышки, вошёл толстый Панин, без парика, в мятом камзоле.

– Что так рано? – с досадой спросила Екатерина. – И что за вид? Не выпались?

– К вам торопился, матушка-государыня, – усаживаясь в кресло и переводя дух, промолвил Панин. Та усмехнулась:

– Да полно, Никита Иванович! Вы и торопливость – понятия несовместные. Не удивлюсь, если после вашей кончины, медики напишут вердикт: "Умер, потому что поторопился"!

К Панину, главе коллегии иностранных дел, императрица относилась прохладно. И придраться вроде не к чему, но полного доверия к нему не было. Никогда не угадаешь, что на уме у этого толстяка. До вступления в должность он был любимым учителем её сына, цесаревича Павла. В 1762 году участвовал в дворцовом перевороте, но, как потом выяснилось, мечтал посадить на престол своего воспитанника. Этого Екатерина забыть не могла. Канцлером он стал только потому, что остальные претенденты ещё меньше подходили на сей почетный пост. Кого ещё она могла назначить? Не Гришку же Орлова...

Канцлеру не пришлось по душе её шутка, и он, обиженно засопев, отвечал:

– Воля ваша, матушка. Но дозволейте напомнить русскую пословицу: "Тише едешь – дальше будешь".

– От того места, куда едешь? – усмехнулась Екатерина. – Полно дуться, Николай Иванович! Твои заслуги помню. Ежели б не ты, не удалось бы навязать полякам в короли друга нашего, Станислава Понятовского. Но теперь думаю: не напрасны ли наши старания? Только разозлили ляхов! Интриги плетут, турок на нас натравили...

Панин досадливо крикнул.

– Да разве дело только в ляхах? Кто они есть, без поддержки Франции и Австрии? Да ещё англичанка гадит!

Екатерина рассмеялась:

– Это вы точно подметили!

– Каюсь, не мои слова, матушка. Генерал-поручик Суворов так говорит. Смеею заявить, толковый воин! В сражении при Столбовичах с отрядом в девятьсот человек разгромил пятитысячный корпус гетмана Огиньского.

Всплеснув руками, императрица воскликнула:

– Наградить орденом Святого Георгия!

Кислое лицо канцлера рассмешило её, и она, как девочка, подмигнула насмешливо:

– Не завидуйте, Никита Иванович! Дайте срок, оценим и ваши труды.

– Да разве я о себе пекусь? – ещё больше расстроился Панин. – Всё о пользе Отечества радею. Я, собственно, к вам с донесением, матушка-государыня. Извольте выслушать...

Он поправил криво завязанный под двойным подбородком бант и, почувствовав на себе пристальный взгляд императрицы, заговорил медленно и внятно:

– По всему видно, что наши военные успехи не дают покоя просвещённой Европе. Вот и тревожат они нас то войной с Турцией, то восстанием польских конфедератов, то норовят испортить отношения с Пруссией, единственной союзницей. Цель одна – ослабить Россию. К этому нам не привыкать, любого врага отразим! Но последние сведения, исходящие от верных людей, весьма настораживают. Есть основания полагать, что готовят они против нас подлый удар в спину, такой, что может оказаться страшнее Турецкой войны.

Голубые, чуть выпуклые глаза Екатерины округлились ещё больше:

– Боже... – прошептала она. – Неужто бунт?

– Хуже: гражданская война! И навяжет её нам Франция в союзе с польскими мятежниками. К тому всё идёт, ваше величество! И время они выбрали для нас наихудшее. Посудите сами: в России эпидемия чумы, продукты подорожали, народ обнищал, крестьян поголовно забивают в солдаты на войну с турками. Люди ропщут, что при государе Петре Фёдоровиче жилось лучше. А некоторые смутьяны даже распространяют слухи, будто... царь жив!

– Что?! – Екатерина, не сумев скрыть тревогу, порывисто поднялась и поднесла руку ко рту. Панин тоже кряхтя встал.

– Не извольте гневаться... Враньё, конечно! Сказки для смердов. Но всё-таки мой долг передать вашему величеству: на базарах, в трактирах, почтовых станциях и прочих людных местах шепчутся, что-де Петр III спасся от убийц и прячется где-то в оренбургских степях, среди яицких казаков. Что обещает он крестьянам землю и волю, набирает в своё войско всех недовольных, копит силы для похода на Москву и Петербург!

– Найти и схватить лиходея!

Панин развел руками.

– Полностью с вами согласен, государыня. Только кого ловить-то прикажете? Пётр Фёдорович, извините, – тень! Как её поймаешь?

* * *

Сдерживая волнение, Державин предстал перед прославленным меценатом, основателем Московского университета. На портретах Шувалов выглядел молодым и красивым, а теперь постарел изрядно за годы опалы. Екатерина Алексеевна недвусмысленно объяснила ему, что не считает нужным ублажать фаворита покойной самодурки-императрицы, доставившей бедной невестке столько унижений и обид. Но старые вельможи и титулованные чиновники, недовольные воцарением Екатерины, не закрыли перед Шуваловым двери своих домов. Его знакомства в России и за границей были так обширны, а репутация столь безупречна, что он и ныне пользовался доверием многих влиятельных особ, готовых поддержать его проекты и начинания.

Шувалов внимательно оглядел статного светловолосого гвардейца, неподвижно застывшего перед ним. Хорош! Стоит, не шелохнётся, рот на замке: ждёт, когда старший с ним заговорит. Правильно, всё по артикулу. Но почему на нём форма преображенца? Он же был зачислен в инженерный корпус? И почему до сих пор унтер?

– Садись, дружок! – мягко сказал Шувалов, указывая на кресло. – Прошение твоё я прочитал, да не всё понял. Расскажи свою историю.

Державин готовился к такому вопросу и подробно рассказал о себе, скрыв только своё пребывание в шулерской банде. Шувалов сочувственно кивал. Потом пробежал глазами несколько стихотворений, которые ему показал Державин, долго молчал, постукивая ладонью по дубовой крышке стола, и, наконец, сказал задумчиво:

– Учиться тебе надо, Гавриил Романович... Только где? Летами ты уже переросток! Небось, уже двадцать пять стукнуло?

– Двадцать седьмой год.

– То-то и оно! Не возьмут тебя в наш университет. Но ты не печалься, есть у меня одна задумка...

Не успел он договорить, как, неслышно ступая, вошёл секретарь и доложил о приходе ректора университета Михаила Матвеевича Хераскова.

– Мишуня! – радостно приветствовал Шувалов невысокого мужчину в университетском мундире с орденом святой Анны в петлице и с тяжёлой стопкой книг в руках. – Неужто успел выпустить альманахов?

– Так точно, Иван Иванович! Извольте взглянуть!

И орден, и военная выправка – всё говорило о том, что Хераскову довелось служить в армии. Он выложил на столе перед графом увесистые тома университетского альманаха "Полезное увеселение" и с довольным видом потёр озябшие руки.

Во все глаза смотрел Гавриил на известного поэта, прославившегося многочисленными одами, трагедиями и эпическими поэмами. Херасков только что пришёл с мороза: краснощёкий, оживлённый, энергичный и улыбающийся. Плавным движением руки Шувалов указал на своего протеже:

– Рекомендую вам, Михаил Матвеевич, Гаврилу Державина, человека умного и одарённого!

– Чем одарённого? – иронично спросил Херасков, бросив на гвардейца мимолётный взгляд.

Державин осмелился пояснить:

– Способностями к стихосложению, господин Херасков.

– О! Нынче все марают бумагу и называют это стихами. Впрочем, не угодно ли показать мне образцы вашего творчества?

Державин, волнуясь, протянул несколько листов. Просмотрев их, Херасков вынес приговор:

– Слог тяжёл, темы ничтожные! Впрочем, сгодится для приятелей, чтобы развлечь их и услышать похвалу.

– Я больше для себя пишу, – робко возразил Державин.

Херасков протестующе хлопнул по столу.

– Запомните, друг мой! Поэзия не может быть частным делом! Всё, что выходит из-под вашего пера, должно служить воспитанию нравов и пользе Отечества!

Гвардеец слушал, не смея возразить. Неожиданно за него вступился Шувалов:

– Ведь ты и сам, Михаил Матвеевич, используешь различные жанры – высокие и низкие!

– Но при этом всё стараюсь наполнить смыслом! А это что? – он небрежно взял одно из стихотворений.

Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихим голубым огнем
Очей твоих; от их я вида
Не защищусь уже ничем...

Херасков бросил бумагу на стол и зевнул:

– Можно дальше не читать. Скучно!

– Шутка в конце, – робко возразил Державин и дочитал сам:

Но слышу, просишь ты, Пламида
В задаток несколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида,
Погас огонь в душе моей!

Шувалов рассмеялся, но Херасков был неумолим.

– Вы полагаете, что читателю хватит терпения дочитать сию тираду до конца? Стихи должны воспалять сердца и звать к подвигу! А вы пока ничего подобного не сочинили и, наверное, даже не читали.

– Читал! – запальчиво воскликнул Державин и с воодушевлением принялся продекламировать:

Пою от варваров Россию свободенну,
Попранну власть татар и гордость низложенну;
Движенье древних сил, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань.
Из круга сих времен, спокойных лет начало,
Как светлая заря, в России воссияло...

Не ожидая услышать стихи из своей поэмы "Россиада", Херасков растрогался и подобрел.

– Спасибо, дружок! Пойми, что не себя, а Россию стараюсь я возвеличить. Выбирай и ты темы, достойные настоящей поэзии!

Он ещё долго говорил о стихотворчестве, горячась и размахивая руками. Приводил в пример Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова... Державин хотел было ответить, что в поэзии важна не только тема, но и мастерство, но промолчал. Кто он такой, чтобы спорить с великим поэтом?

* * *

Вскоре Херасков ушёл, подарив Державину только что вышедший университетский альманах и забрав несколько его сочинений, в основном переводов с немецкого. Шувалов с улыбкой поглядел на разочарованного гвардейца и продолжил прерванный разговор:

– Собрался я в Германию, братец... Что-то неуютно мне стало в России при новой власти. Поживу в чужой стране, посмотрю, что и как. Да вот беда – немецкий язык подзабыл. При Елизавете Петровне двор по-русски общался... А ты, судя по переводам, в немецком силён?

– Свободно владею, Ваше сиятельство!

– Хочу предложить тебе поехать со мной переводчиком, да заодно и учителем. Авось, с твоей помощью быстро одолею немецкий. Жалование большое не обещаю, да всё же побольше, чем тебе платят в полку. Подумай, дружок! В караулах стоять не придётся, и времени на сочинительство будет предостаточно. Если надумаешь – скажи, я тебе помогу выйти в отставку.

У Державина от внезапной радости перехватило дыхание. Он вскочил, вытянулся и выпалил осыпшим голосом:

– Ваше сиятельство! Что тут думать? Конечно, я согласен! Благодарствую, Господь вас спаси!

От такого искреннего и бурного излияния чувств Шувалов смутился.

– Ладно, ладно! Завтра с утра приходи в университет, подробно обо всём договоримся. А сейчас, не обессудь, братец: дела!

* * *

Окрылённый Державин летел домой, спеша поделиться с родственниками радостной вестью. Но Иван ещё не пришёл со службы, а Матрёне Саввишне было не до племянника: она целиком отдалась любимому занятию – пекла масленичные блины. Их ароматом была пропитана не только кухня, но и весь деревянный дом Блудовых.

Наконец, Гавриил уселся за стол и, уплетая за обе щёки тёткино угощение да пригубливая вишнёвую наливочку, рассказал во всех подробностях о невероятной удаче, которую послала ему судьба.

– Мог ли я надеяться на такое счастье? Служить секретарём у знаменитого мецената, графа Шувалова! Невероятная честь, не говоря уже о хорошем жаловании и свободном времени для стихотворчества.

К его удивлению, заманчивое предложение Шувалова не вызвало у тётки ни малейшей радости и поддержки. Она хранила молчание, поджав пухлые губы, в ожидании, пока племянник окончит трапезу. Потом заговорила надрывно, с причитаниями:

– Ганюшка, друг мой... Послушай меня, старуху. Ты мне прямая родня! Матушка твоя – моя сестра любимая, младшенькая, всегда со мной советовалась, пока не вышла замуж за твоего папеньку. Я тебе худого не желаю...

Державин слушал нетерпеливо и насторожённо, чувствуя, что ничего хорошего витиеватое тёткино вступление не сулит. Вскоре он не выдержал и попросил Матрёну Саввишну приступить, наконец, к сути, без предисловий.

– А суть – не обессудь! – отрезала Саввишна. – Известно ли тебе, дорогой племянничек, что твой "меценат" и покровитель искусств – член масонской ложи? Знаешь ли ты, кто такие масоны?

– Нет... Но зато знаю, что Шувалов – друг Ломоносова и Хераскова.

– Так ведь Херасков – тоже масон! – тётка в сердцах стукнула маленьким кулачком по столу. – Весь Московский университет – масонское гнездо! А твой Шувалов – за главного!

И Матрёна Саввишна стала доходчиво объяснять заблудшему племяннику, что масоны – еретики и богохульники, которые ходят на тайные сборища, где совершают дьявольские обряды. Они убивают младенцев и пьют их кровь, что придаёт им особую силу. А ещё они умеют читать чужие мысли, умерщвляют врагов на расстоянии в тысячу верст...

– Довольно, тётушка, рассказывать сказки, – усмехнулся Державин. – Если все масоны такие, как Шувалов и Херасков, может, и мне надобно вступить в сей орден?

Матрёна Саввишна едва не упала со стула. Державин бросился было к ней, но та замахала на него руками:

– Не подходи! Смерти моей хочешь? Антихрист, вероотступник!

Улыбка сбежала с лица Державина.

– Здесь не театр, тётушка. Извольте держать себя в руках! И знайте, что я всё равно уеду в Германию с графом Шуваловым – одним из самых уважаемых людей России!

Спорить ему было недосуг, он опаздывал в наряд, и тётка тоже промолчала, видимо, поняв, что истерикой его не проймёшь. Они встретились вечером, когда пришёл Иван. Узнав в чём дело, кузен полностью принял сторону Державина.

– Матушка, да кто ж у нас в Москве не масон? Они сейчас в большой моде, особенно среди учёных и дипломатов. Да будет вам известно, что правильное их название – франкмасоны, вольные каменщики. Только и всего! И никакие они не вероотступники, все исправно ходят в церковь и верят в Бога. Масонство вообще не занимается вопросами религии или политики.

– А чем же тогда они занимаются? Младенцев едят?

Иван расхохотался.

– Подобные байки народ сочиняет оттого, что масоны окружают себя тайной. Уверяю вас, матушка: младенцев они не едят, а обсуждают вопросы нравственности и всеобщего братства.

– Ты-то откуда знаешь? – подозрительно полюбопытствовала Матрена Саввишна.

– Успокойтесь, мамаша! Говорю лишь то, что известно всем образованным людям.

– Вот как! А мать, значит – тёмная дура? Ну, спасибо, дождалась ласкового слова. Чего молчишь, Гаврила? Отвечай немедленно: меня послушаешься или уедешь в Германию с ентим... фармазоном?

– Уеду, тётушка!

Охнув, она схватилась за голову и несколько мгновений сидела так, неподвижно. Потом решительно встала и сказала спокойно и веско, глядя Гавриилу прямо в глаза:

– Вижу, Ганя, ты сам себе – голова, и тебе наплевать, если я умру с горя. Но хоть мать пожалей! Запомни хорошенько: коли уедешь, я в тот же день отправлю Фенечке письмо, где всё расскажу о твоих проделках: как в шулерском притоне проигрался, на что матушкины деньги потратил, как Ивану долг отдавал, промышляя шулерством... И как веру нашу православную предал – к германцам сбежал с проклятым богохульником! Всё напишу, всю правду! А там посмотрим, что мать тебе скажет!

Державин ничего не ответил и молча ушёл к себе. Ночью он не спал, раздумывал, читал, пытался сочинять..., рвал бумагу... То и дело вскакивал из-за стола и ходил из угла в угол, как зверь в клетке.

Слушая, как он меряет шагами комнату, Матрёна Саввишна сама извелась. Хотела зайти, поговорить, даже подошла к его двери, из-под которой виднелась полоска света. Но постучать не решилась.

Наконец, настало утро, которое, как известно, вечера мудренее. Державин послушался тётку и к Шувалову не пошёл.

Глава 7. Трудят перемены...

Мрачнее тучи вернулся он в Петербург. Но вскоре всё изменилось в его жизни. Всё! Он, наконец, стал офицером!

Это случилось 1-го января 1772 года. Митя до последнего дня скрывал, что рапорт о производстве Державина в гвардейские прапорщики уже подписан: боялся слазить удачу. Он хорошо помнил, какое жестокое разочарование пришлось пережить Гане, когда его зачислили в Инженерный полк, а потом потеряли бумаги и отправили служить в Преображенский полк рядовым солдатом.

Надо признать, что у Мити были основания для тревоги. Полковой адъютант Желтухин как раз в то время добивался офицерского чина для своего брата, в обход Державина. Он почти договорился с командиром полка, что звание гвардейского прапорщика достанется брату, а Державина переведут прапорщиком в армию. Коварство состояло в том, что гвардейские звания были на два разряда выше армейских. В лейб-гвардии прапорщик – офицер, а в армии – всего лишь "унтер".

Интрига выплыла наружу, и преображенцы возмутились. Офицеры единодушно приняли сторону "полкового поэта" и на общем собрании смело высказали своё мнение. В результате в армию прапорщиком отправился брат Желтухина, а Державин остался в гвардии и стал офицером.

Несколько дней он пребывал в состоянии совершенного безоблачного счастья. Устраивал пирушки, угощая друзей любимыми полковыми лакомствами – жжёной и шоколадным гоголем-моголем, сочинял всем хвалебные куплеты. Но повышение по службе повлекло новые заботы: теперь надо было думать, как прилично содержать себя. Гвардейскому офицеру полагалось иметь квартиру, собственную карету, не говоря уже о дорогом обмундировании. Державину уже дали в командование взвод, не мог же он появиться перед подчиненными в старом мундире!

Помог Неклюдов. Он ссудил Державина деньгами и подарил отрез дорогого сукна, из которого давно уже собирался сшить себе парадную военную форму, да всё как-то недосуг было...

Через неделю Митя подыскал для друга недорогую квартиру на Литейном переулке, в доме молодой вдовы Нины Никитичны Удоловой, муж которой, бывший однополчанин Неклюдова, год назад погиб в бою с конфедератами.

Облачившись в офицерский мундир, сшитый лучшим полковым портным, натянув новые хромовые сапоги, ловко облегающие его стройные ноги, Державин явился на Литейный. Госпожа Удолова встретила его в чёрном траурном платье, держа в руках белый батистовый платочек с кружевной отделкой.

Хозяйка показала ему две комнаты покойного мужа – спальню и кабинет, полный книг. Всё сохранилось в идеальном порядке. О лучшем жилище Державин и мечтать не мог.

– Приходится самой изыскивать средства для жизни, – вздохнула Нина Никитична. – Хотя..., не знаю, зачем она мне теперь?

– Сударыня, – растроганно ответил Державин, – поверьте, какой бы мрачной ни казалась ночь, утро непременно наступит!

Вдова искоса взглянула на него, светло-русого красавца, и смущённо опустила взор.

– Да вы поэт, господин Державин!

Он улыбнулся.

– Почти угадали... Грешен, кропаю стишки.

Нина Никитична вновь подняла глаза и спросила, не скрывая интереса:

– И в журналах печатаете?

– Господин Херасков был столь добр ко мне, что напечатал в своем альманахе отрывок из "Метаморфоз" Овидия в моём вольном переводе. Были ещё кое-какие публикации в "Петербургском вестнике"...

– Прочтите что-нибудь!

– О чём бы вы хотели послушать?

– О любви...

"Все хотят о любви", – подумал Державин и окинул её пристальным взглядом. Высокая, ладно сложенная шатенка была довольно свежа и красива, хотя и не слишком молода – лет двадцати пяти на вид. Карие глаза простодушно глядели на него из-под густых ресниц.

– Извольте, сударыня! – он помедлил мгновение и стал читать:

Не лобызай меня так страстно,
Так часто, нежный милый друг,
И не нащёптывай всечасно
Любовных ласк своих мне вслух.
...Нежнейшей страсти пламя скромно,
А ежели чрез меру жжёт,
И удовольствий чувство полно –
Погаснет скоро и пройдет.

Нина Никитична поднесла к глазам кружевной платочек.

– Что с вами? – тихо спросил он.

– Не знаю, – она уже не скрывала слёз. – Ваши стихи меня тронули!

Державин благодарно взял её белую ухоженную руку и поднёс к губам. Потом они ужинали вдвоём при свечах, мерцающих в начищенных медных канделябрах. Он читал свои стихи, а она ахала от восхищения и прижимала руки к груди. Разомлев от приятных впечатлений, Гавриил и не заметил, как стемнело. Идти в казарму было поздно...

* * *

С этого дня для Державина началась приятная, беззаботная жизнь.

Нина Удолова, или Нинон, как он её ласково называл, расцветала с каждым днём. Чёрное платье было отправлено на дно комода, а молодая вдова теперь красовалась в ярких нарядах. Она стала для Державина всем: и усердной хозяйкой, и преданной поклонницей его стихов, и нежной любящей женщиной. Словно заботливая курочка, она укрывала его своими крылышками, ограждая от жизненных неурядиц. Когда однажды он признался, что собирается купить скромную подержанную коляску, чтобы ездить на службу, она без лишних слов подарила ему свою собственную новую карету.

– Тебе она нужнее, а я всё равно сижу дома.

Нине Никитичне и впрямь некуда было ездить. В молодости она изредка бывала с мужем на приёмах или в театре, основанном в Петербурге Иваном Шуваловым. Но сейчас она старалась не появляться в обществе, понимая, что её положение было неопределённым. Однажды во время очередной упоительной встречи, когда Державин пребывал в совершенном восторге от её женского обаяния, она вдруг спросила:

– Почему бы нам не обвенчаться, милый?

Словно ушат холодной воды вылили на голову поэта. Он никогда не думал о женитьбе, считая, что у них жизнь и так прекрасна. Чего ещё желать?

Державин не был противником семейных отношений – сам вырос в крепкой благочестивой семье. Он искренне привязался к своей Нинон и был ей благодарен не только за поддержку и помощь, но и потому, что, живя с ней, привык к порядку и чистоте. С отвращением он вспоминал разгульный образ жизни, какой вёл в Москве, шляясь по трактирам и игорным домам. Сейчас его совсем не тянуло убивать время в зланных местах. Он был вполне доволен жизнью. Утром усаживался в нарядную карету и отправлялся на службу, а вечером его ждал тёплый дом, сытный ужин, книги, творчество, красивая женщина. Казалось, почему бы не узаконить их отношения? Маменька бы одобрила его выбор...

Но всё-таки что-то удерживало Державина, не давало ему вразумительно ответить Нинон, которая трепетно ждала его ответа. Он молчал, не в силах сказать, что не может стать её мужем по одной простой причине: он не любил её... Привязанность, привычка, благодарность – это ещё не любовь, а жениться без любви он не хотел. К счастью, ничего объяснять ему не пришлось. Нина и сама всё поняла. Как-то сразу сникла, похолодела и отвернулась.

Когда забрезжил рассвет, Державин очнулся от тревожного сна и увидел, что её нет рядом. Он понял, что ему тоже пора уходить. В раздумье подошёл к столу, взял перо и написал на листе бумаги одно только слово: "Прости!"

Собрав свои нехитрые пожитки, он оставил рядом с запиской плату за квартиру, а во дворе – подаренную ею карету и пешком отправился в полк.

* * *

В сентябре 1773-го года состоялось венчание цесаревича Павла с немецкой принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадской. Невеста, принявшая православную веру и имя Наталья Алексеевна, была прелестна в серебристом платье, усыпанном бриллиантами. И всё-таки она не смогла затмить красоту и величие своей свекрови, Екатерины Алексеевны! На государыне было русское платье из тяжёлого пурпурного атласа, вышитое жемчугами. Голову императрицы украшала небольшая золотая корона, а с полных плеч ниспадала мантия из горноста.

Цесаревич Павел облачился в парадный мундир адмирала Российского флота. Глядя на сына, которому не исполнилось ещё и двадцати лет, Екатерина с неудовольствием отмечала его поразительное сходство с отцом. Смерть Петра Фёдоровича навсегда отделила Павла от матери. Цесаревич не без основания считал, что императрица незаконно захватила власть, лишив его престола, и, кроме того, он был уверен, что отец погиб от рук её фаворитов.

На званом ужине Павел и его молодая жена сидели напротив государыни, а справа и слева от неё – Никита Панин и братья Орловы. Остальные гости разместились согласно иерархии: генералы, вельможи, иностранные послы и дипломаты. Все были оживлены и ели с отменным аппетитом, только Павел едва прикасался к еде, пребывая в глубокой задумчивости.

– Не пристало хмуриться в такой день! – через стол обратилась к нему Екатерина Алексеевна. – Чего не хватает вашему высочеству?

И услышала в ответ:

– Отца!

Словно ножом полоснуло её это слово. Она невольно оглянулась на гостей: те спокойно продолжали трапезу. Не успела императрица прийти в себя, как к ней наклонился доверенный слуга, шепнув: "Срочное донесение, Ваше величество". И передал небольшой кожаный тубус. Екатерина открыла крышку и вынула письмо губернатора Оренбургской губернии:

"Доношу до сведения Вашего императорского величества, что земли Заволжья и Яика охвачены бунтом. По хуторам и поселениям распространились слухи, что император Пётр III жив и скрывается у казаков. С отрядом в 300 человек самозванец 18 сентября объявился под Яицким городком, и к нему стали стекаться казаки. Войско вскоре пополнилось заводскими крестьянами и башкирцами. Были захвачены крепости Нижне-Озёрная, Татищево, Чернореченская и много других. Разбойник оставляет после себя горы трупов, убивая всех, кто оказывает ему сопротивление. Его многотысячная армия движется к Оренбургу, защищать который будет вынужден гарнизон инвалидов, числом не более сотни штыков. Имя самозванца установлено: Емельян Пугачев, беглый донской казак, арестованный за дезертирство и бежавший из Казанской тюрьмы.

Всепокорнейше прошу Ваше императорское величество о помощи и остаюсь верный ваш слуга, генерал-губернатор Оренбургской губернии Иван Андреевич Рейнсдорп".

У императрицы хватило самообладания спокойно свернуть бумагу и вложить её в футляр. Но в этот миг силы вдруг оставили Екатерину. Голова закружилась, в глазах потемнело. Как из тумана доносилось:

– Что с вами, Ваше величество? Вам дурно?

Она молчала, словно окаменев.

Ей вдруг показалось, что напротив, вместо сына, сидит император Пётр Фёдорович и смотрит на нее пустыми глазами.

* * *

Разбирая утреннюю почту, глава коллегии иностранных дел Никита Иванович Панин с тревогой читал вести с Урала и Поволжья. Как быстро распространялось пламя восстания! Крепости падали одна за другой, к бунтовщикам присоединились татары, калмыки, башкиры и киргиз-кайсаки (так тогда называли казахов).

Панин с трудом высвободил из глубокого кресла тучное тело и прошёлся по комнате, разминая затёкшие от долгого сидения ноги. Видно, напрасно он так много ел на свадебном застолье у своего любимца, цесаревича Павла. "Надо бы поберечься... – раздумывал Панин. – Не ради внешнего вида – женщины и таким меня любят! – а ради здоровья. Ноги не держат, одышка замучила. Братец Пётр, пожалуй, покрепче будет, хотя тоже не из худощавых, как и все в нашем роду. Следит за собой, молодец! Но ему так и положено: человек он военный, генерал-аншеф...".

Его размышления прервал пожилой дворецкий, который доложил о визите его императорского высочества Павла Петровича. Тот вошёл стремительно и, ни слова не говоря, обнял своего бывшего наставника.

– Мог бы и без доклада, Павлуша, – обхватив цесаревича за плечи, Панин слегка отстранил его от себя, оглядел ласково и трижды расцеловал в щёки. – Всегда рад тебе! Ну, как семейная жизнь?

Тот поник головой и неожиданно смахнул слезу.

– Не спрашивай, Никита Иванович, сам, небось, знаешь.

Панин кивнул и снова обнял воспитанника. Он знал, как холодно относится Наталья Алексеевна к молодому супругу и догадывался, почему. Её увлечение графом Андреем Разумовским не укрылось от его пронизательных глаз. Но Павлу рассказывать об этом не надобно, он и так не избалован любовью близких. Самовластная и недоверчивая императрица Елизавета Петровна когда-то отстранила от него мать и отца, окружив наследника целым штатом нянек, учителей и воспитателей. Из своих приближённых Павел признавал только Марию Бастидон и Никиту Панина, сердцем чуя, что они любят его без притворства. Но Панин, ставший министром, обременённый государственными делами, теперь виделся с ним редко, а кормилицу Марию выгнали из дворца за ненадобность.

Никита Иванович, как мог, успокоил Павла, напомнив, что негоже цесаревичу думать о личных делах, когда Отечество в опасности. Турки ещё не разбиты, Крым не покорён, ляхи норовят сбросить с престола друга нашего, короля Станислава... А тут ещё на Яике вор-самозванец некстати объявился!

Павел вдруг побледнел и, подойдя поближе к бывшему воспитателю, сказал очень тихо:

– Никита Иванович, а вдруг он... не самозванец?

Панин деланно рассмеялся.

– А кто же? Уж не хочешь ли ты сказать, что Емелька Пугачёв – твой воскресший папенька?

Он замолчал, снял парик и вытер платком вспотевшую лысину. Павел тоже безмолвствовал, сосредоточенно глядя в окно. Курносый его профиль удивительно напоминал изображение Петра III на монетах, отчеканенных в период его недолгого правления. Глядя на своего воспитанника, Панин взял себя в руки, вернув обычное самообладание.

"Вылитый Пётр Фёдорович, – подумал он. – Как можно верить глупым слухам, будто Павлуша рождён от графа Салтыкова? Эх, если бы не проклятые фавориты, Гришка и Алехан Орловы, сидеть бы сейчас Павлу Петровичу на русском троне..., а настоящим царем стал бы я!"

Ему всем сердцем было жаль молодого наследника, некрасивого, одинокого, несмотря на угодливую толпу придворных, а главное, обманутого и преданного самыми близкими женщинами – женой и матерью.

– Поверь мне, Павлуша, если б у меня была хоть малейшая надежда, что предводитель бунта – воскресший Пётр Фёдорович, я тотчас отправился бы на Яик, чтобы кинуться в ноги государю и стать под его знамёна. Но...

Панин стал перебирать письма на своём столе. Выбрал одно из них и прочёл вслух: "...После трёхдневной осады 30 сентября пал город Озёрск. Ворвавшаяся в крепостные ворота разбойничья орда учинила грабёж и разорение. Все местные дворяне и офицеры были преданы смерти. Солдаты и чернь перешли на сторону главаря бунтовщиков Емельки Пугачёва, назвавшего себя императором Петром Фёдоровичем. Сообщаю его светлости приметы самозванца: на вид около сорока лет, роста среднего, коренаст, волосы русые, глаза карие, нос картошкой, борода лопатой...".

Отложив бумагу, Панин устало потёр веки. Цесаревич, подперев руками подбородок, глядел на него с грустной нежностью. Постарел его учитель... А бывало, часами без устали читал ему весёлые французские романы про обжористых нагловатых великанов – Гаргантюа и Пантагрюэле...

– Ты меня слушаешь, Павел? А теперь посмотрим другое донесение. У меня, дружок, везде глаза и уши... Где эта бумага? А, вот она: "Захватив Белогорскую крепость 1 октября сего года, вор и лиходей Емельян Пугачёв велел повесить офицеров гарнизона"... – ладно, это можно пропустить... Вот: "Душегуб Емелька довольно молод, ростом высок, телом тонок, нос орлиный, лицо смуглое, волосы, брови и глаза – чёрные, борода небольшая, клином". Ну, что скажешь?

– Да-а... – протянул Павел. – Портреты совершенно разные, и ни один не похож на отцовский.

– К тому же, Озёрск находится возле Казани, а Белгородская крепость – под Оренбургом. Между ними не менее 500 верст, а взяты эти города были чуть ли не в один день! Вывод напрашивается сам: на Яике и в Поволжье несколько очагов бунта, и Пугачёв – явно не один человек. Восстание спланировано и организовано на редкость грамотно. И невольно приходишь к мысли, что... – Никита Иванович замолчал, а цесаревич встрепнулся и закончил за него:

– Кто-то руководит им извне!

– И не трудно догадаться кто: так называемая "просвещённая" Европа. Ей не удалось сразить нас руками турок, вот они и придумали повергнуть нас в гражданскую войну. Не удивлюсь, если никакого Емельки Пугачёва на самом деле нет и в помине. Ему даже биографию толком не смогли придумать.

Панин снова покопался в бумагах, поднёс к подслеповатым глазам лист и прочёл:

– "Емельян Пугачёв родился на Дону в станице Зимовейской...". Заметь, что и Стенька Разин там родился! Что же это за станица такая? Плодит бунтовщиков одного за другим! Много в этой истории загадок, Павлуша...

Цесаревич хотел было что-то спросить, но в дверях появился дворецкий и доложил, что её императорское величество приглашает графа Панина на военный совет.

* * *

На усмирение Пугачёва Екатерина велела отрядить полк солдат и выбрала им командира "порасторопнее" – генерал-майора Карра. На какое-то время при дворе воцарилось спокойствие, все ждали скорейшего освобождения Отечества от смуты и справедливого суда над бунтовщиками. Но очень скоро стало ясно, что придётся иметь дело не с ордой дикарей, а с организованным, хорошо вооружённым и экипированным войском, руководимым опытными командирами, среди которых были иностранцы.

Пугачёва поддерживали не только казаки, крестьяне и беднота с уральских заводов, но и духовенство, причём, самое высшее – архимандриты и архиереи. Особенную тревогу вызывало то, что в полку генерала Карра тоже началось брожение. Солдаты и даже некоторые офицеры, выслужившиеся из солдат, перебежали к бунтовщикам. А те смеялись и подзуживали:

– Долго ли вам, дуракам, подчиняться распутной бабе? Пора одуматься и служить настоящему государю!

Военный совет прошёл на удивление быстро. Собственно, Екатерине никакого "совета" и не требовалось. Она давно уже всё решила сама. Немедленно заменить немца Карра! Посему – вызвать из Литвы генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова. Толковый полководец, хоть и упрямец изрядный. А конфедератов пусть Румянцев и Суворов усмиряют...

Никита Панин удовлетворённо кивнул и, прикрыв рот пухлой ладошкой, сладко зевнул. Решение, которое Екатерина искренне приписывала себе, он сам ненавязчиво внушил ей во время беседы за утренним кофе. Всё устроилось, как он задумал, если не считать одного маленького неудобства: рано встает государыня. Что за глупый политес – пить кофе в 7 утра и упражняться в изящной словесности? Эх, отдохнуть бы часок на любимом старом диване...

Словно подслушав его мысли, императрица предложила своему министру сопровождать её на конной прогулке.

– Слово есть сила великая! Или вы не согласны со мной, Никита Иванович? – подтрунивала Екатерина, ловко усаживаясь в седло.

– Не смею возражать, государыня-матушка! Да только слово лишь тогда сила, когда за ним штыки стоят. Вашему величеству, как немке по рождению, сие должно быть особенно понятно.

Императрица нахмурилась и всю прогулку пребывала в задумчивости. А на обратном пути бросила Панину в лицо:

– Я имею честь быть русской! Этим горжусь и буду защищать моё Отечество и языком, и пером, и мечом – пока у меня хватит жизни!

* * *

Державину не хотелось возвращаться в опостылевшие казармы, и он с радостью принял предложение Мити поселиться в его съёмной квартире на Пушкарской. Оставив у друга скромные пожитки, Гавриил поспешил в полк, но по дороге остановился, глядя, как озябшие солдаты забивают сваи на Неве, на строительстве набережной. Он подошёл и разговорился с высоким как жердь, белокурым подпоручиком. Оказалось, что Владимирский гренадерский полк вызвали в Петербург по случаю свадьбы великого князя Павла Петровича, но, вместо участия в торжествах, послали на тяжёлую работу. Вот уже третий месяц солдаты тянут жилы на промозглом ветру...

– Преображенцы, небось, жируют, – ворчал верзила. – А владимирцам даже чарки не налили!

К ним подошли несколько офицеров, и подпоручик, чувствуя поддержку, повысил голос, обращаясь к Державину:

– Гвардейцы привыкли только носки тянуть на парадах, а мы, армейцы, на войне кровь проливаем! И все каторжные работы – тоже для нас!

– Остынь, Томаш! – строго предостерег его кто-то. – Ты не в кабаке!

Но тут все разом загалдели:

– Слыхали? Генерал-аншеф Бибилов посылает Владимирский полк в Казань. Будем с Пугачёвым воевать!

– Говорят, будто Пугачёв – царь наш законный, Пётр Фёдорович!

– А что, братцы? – заносчиво вскинул голову подпоручик. – От такой худой жизни не грех и ружья положить перед царём, кем бы он ни оказался!

Державин не верил своим ушам. Ему доводилось слышать о воре-разбойнике, выдававшем себя за убиенного царя. Он мог ещё допустить, что неграмотные мужики-солдаты сочувственно отзывались о бунтаре. Но чтобы офицеры поддерживали крамольные речи?! Этого он не мог понять...

Он помнил страдания матери, когда ей, бедной вдове, пришлось судиться с влиятельными казанскими помещиками, которые бесстыдно отщипывали по клочку от их родовых земель. Помнил, как в присутственных местах его и матушку равнодушно посылали из кабинета в кабинет с единственной целью – поскорее отделаться от бедных просителей. Уже тогда, мальчиком, он задумывался о царящих в стране беззакониях, при которых сильный мог угнетать слабого. Но даже в самые тяжёлые времена своей жизни Державин не помышлял о том, что навести порядок в России можно мечом и кровью. Бунт и революция не исправят, а ослабят, обескровят страну, и она, в конце концов, станет добычей иноземных врагов. Нет... Справедливости надо добиваться иначе. Министры, поэты и просвещенные мужи должны наставлять царей, чтобы те издавали правильные законы и строго следили за их исполнением. Наивно думать, что бунт черни сможет исправить жизнь в Российском государстве: злодеяния Пугачёва – тому страшное доказательство. Нет большего деспота, чем бывший раб!

* * *

Вечером, ужиная с Неклюдовым, Державин возмущённо рассказывал другу о настроениях во Владимирском полку:

– Ты только представь! И это говорят офицеры в присутствии солдат, да ещё в то время, когда Отечество ведёт войну с турками!

– Дело серьёзное, – нахмурился Митя. – Солдаты сами не посмели бы и рта раскрыть. Их подстрекают командиры.

– Да и они бы поостереглись, если бы не смутьяны-зачинщики. Особенно распоясался один подпоручик, по имени Томаш. Верно, поляк, хотя по-русски говорит довольно чисто.

– Постой, Мурза! Каков он из себя? На левой руке нет мизинца, верно?

– Не заметил... На вид – лет тридцать. Высокий, сухопарый, чуть сутулый.

– Кажется, я знаю его! Это Томаш Дудка! Встречался с ним в Варшаве, когда он вёл крамольные разговоры среди наших солдат, склоняя их к бунту. Доносить на него не стал, просто вызвал на дуэль и отстрелил палец. Провокатор урок усвоил, на глаза мне не попадался. Позже узнал, что он уехал в Россию...

Державин сжал кулаки. Его возмущала подлая невидимая война, которую иноземцы вели против России. Они не дрались в честном бою, а действовали скрытно, исподволь, шаг за шагом подтачивая устои его Отечества.

Митя тоже долго молчал, потом сказал задумчиво:

– Ведь Томаш не один... Вся Европа ненавидит нас. Для них мы – люди чужого мира. Вроде похожи на них внешне, а внутри – другие: богаты не наживой, а душой и верой. Вот послушай, что было в бою при Ланцкрон. Попали мы в клещи. Поздно ночью конница конфедератов, тихо подкравшись, неожиданно прорвала укрепления и ринулась на нас с обоих флангов. Командовал поляками французский генерал Шарль Демурье, известный полководец. Но, не доскакав каких-то пятидесяти саженей, противник вдруг пришёл в смятение и стал спешно ретироваться. Были слышны истошные крики: "Суворов!!!". Гляжу: и вправду наш бригадир, Александр Васильевич, с саблей наголо, мчится один на врага, далеко опередив свои полки. Поляки при виде такой безудержной храбрости дрогнули: "Дьявол, дьявол!"... И вместо того, чтобы атаковать дерзкого командира, побежали прочь! Напрасно Демурье угрозами и проклятиями пытался остановить свою армию. Одно только имя "Суворов" привело их в ужас. Тут и наши казаки подоспели, догнали неприятеля, порвали его в клочья. Вот она – сила русского духа! Европейцы называют нас дикой нацией, потомками татар, а сами завидуют нашей

стойкости и бояться нас. Открыто воевать не хотят, а вот тайно пакостить – их любимая метода. Эх, жаль, что Преображенский полк не посылают на войну с Пугачёвым!

Державин только вздохнул. Ничего не поделаешь, императорская гвардия – неприкосновенный военный резерв, который берегли от участия в смертельных боях, зато охотно использовали в дворцовых переворотах. На гвардейских штыках взошли на престол Елизавета Петровна и Екатерина Алексеевна... Но Державин не желал довольствоваться ролью охранника при царственной особе. С детства воспитанная любовь к Отечеству, живой ум и свободолюбивая натура требовали иного поля деятельности.

В ту ночь он долго ворочался в постели, обдумывая некую неожиданную мысль, пришедшую ему в голову после разговора с Митей...

* * *

Сорокапятилетний генерал-аншеф Александр Ильич Бибиков, недавно назначенный командующим правительственными войсками для подавления пугачёвского бунта, удивленно глядел на молодого прапорщика, поражаясь его неиссякаемому красноречию. Вот уже полчаса тот вдохновенно рассказывал, как он жаждет служить под его началом и как хорошо знает места, где разразился бунт! В заключение своей речи прапорщик предлагал создать Следственную комиссию с особыми полномочиями, дабы расследовать тайные действия сообщников Пугачёва.

Мало того, что офицер явился к генералу на дом без приглашения, так он ещё смеет отнимать у него драгоценное время! Странного визитёра давно уже следовало выставить за дверь, но что-то удерживало Бибикова. Ему казалось, что он уже где-то видел этого статного гвардейца с ярко-голубыми глазами, полными живого огня.

Сдвинув брови, генерал потёр лоб, и его жест не укрылся от пронизательного взгляда прапорщика.

– Как, бишь, твоя фамилия, братец?

– Державин, Ваше превосходительство. Позвольте напомнить: десять лет назад в Петергофе вы освободили меня и царского камергера Бастидона от заключения на гауптвахте.

А, так вот где он его видел! Воспоминание почему-то успокоило генерала, и он уже благожелательней пригляделся к молодому офицеру. Встал, задумчиво прошёлся по комнате... Потом, остановившись перед Державиным, отечески потрепал его по плечу.

– Ваше рвение похвально. Но, к сожалению, вынужден вас разочаровать. Правительственные войска уже сформированы и никаких Следственных комиссий в них не предусмотрено. Да и нет в них надобности – я привык бить врага на поле боя. Так что не обессудь, братец... Более не задерживаю!

Бибиков ожидал, что после его недвусмысленного предложения убраться вон прапорщик немедленно покинет кабинет, но тот словно прирос к полу, застыв как статуя. Это было неслыханно! От удивления густые брови генерала поползли вверх.

– Что-то еще, прапорщик?

– Ваше превосходительство! Осмелюсь не согласиться с вами. Победить врага в открытом бою можно в том случае, если противник тоже сражается честно. Но бывает, что предательство и подстрекательство к бунту оказываются сильнее пушек и сабель.

– К чему вы клоните?

И Державин, волнуясь, поведал генералу о том, что творится во Владимирском полку. Слушая его, Бибиков мрачнел на глазах.

– Вам известно имя офицера-зачинщика?

Державин на мгновение замялся. Что, если Митя ошибся, и это совсем другой человек? И всё же он рискнул:

– Томаш Дудка!

После долгого тягостного раздумья генерал вновь обратил взор к Державину.

– Ваши донесения будут проверены. А теперь – ступайте и ждите. Я вас вызову!

* * *

Генерал сдержал слово. Ровно через неделю вестовой доставил Державину приказ явиться в штаб командующего правительственными войсками. Бибиков встретил его как старого знакомого и рассказал, что, благодаря бдительности прапорщика, был раскрыт предательский заговор во Владимирском полку, имевший целью склонить армию перейти на сторону Пугачёва.

– Заговорщики арестованы и предстанут перед судом! – сообщил Бибиков. – Кроме того, у меня для вас, прапорщик, хорошая новость... Личным приказом императрицы вы произведены в подпоручики!

Он протянул ему свёрнутую в трубку бумагу.

– Ваше превосходительство! – взволнованно промолвил Державин. – Храни вас Бог!

Генерал нетерпеливым жестом прервал его.

– Это ещё не всё! Я убедил её императорское величество в необходимости создания секретной Следственной комиссии, которая будет действовать в тылу врага, и рекомендовал включить в комиссию лично вас.

– Покорно благодарю, Ваше превосходительство! – Державин не верил своим ушам.

– Благодарить не за что: насколько я помню, это ваша собственная идея.

– Готов исполнить любой приказ!

Бибиков усмехнулся, прошёлся по комнате, разминая затёкшие ноги, потом остановился перед гвардейцем, который тут же снова вскочил, почтительно ловя каждое слово генерала.

– Следственная комиссия – секретный разведывательный отряд, члены которого будут действовать в разных местах независимо друг от друга. Знаю, что вы мечтали принять участие в сражении, но то, чем вы будете заниматься – тоже поле боя, и весьма опасное! Получать задания будете лично от меня и отчитываться только мне! Через четыре дня императорские войска выступают в Казань. А вы отправитесь туда завтра, чтобы осмотреться, оценить обстановку... Самое главное для нас – выявить основных сподвижников Пугачёва. Кто стоит за ним и каковы их цели? Не торопитесь, будьте осторожны. Если понадобится помощь, свяжитесь с городскими властями. Они должны оказывать вам всяческое содействие, ибо вы будете обладать особыми полномочиями. В канцелярии получите приказ за подписью государыни...

Бибиков вдруг замолчал и болезненно поморщился, схватившись за грудь.

– Вам плохо? – всполошился Державин. Он помог генералу опуститься в кресло, и тот с минуту сидел неподвижно, тяжело дыша. – Может быть, позвать лекаря?

– Нет-нет, сейчас пройдёт... Это со мной бывает. Рана под Краковом...

Он попросил Державина открыть верхний ящик стола и достать коробочку с порошками. Тот поспешно подал генералу лекарство, налил в стакан воды из графина... Бибиков проглотил порошок, запил водой и, посидев с минуту, улыбнулся.

– Ну вот, всё и прошло. Я же говорил!

* * *

Осенью 1773 года в европейских рыбных лавках исчезла чёрная икра. По этому признаку дипломаты догадались о том, что войска самозванца овладели берегами Волги.

Кто надоумил неграмотного донского казака станицы Зимовейской объявить себя императором всея России Петром III, чудом спасшимся от убийц в Ропше? Это так и осталось загадкой. Но казаки, крестьяне, татары и заводской работный люд охотно шли в его войско, передавая из уст в уста, что новый царь жалует простой народ землёй и волей. Тот факт, что Отечество вело кровопролитные войны с Турцией и польскими конфедератами, не волновал бунтовщиков. Многие об этом даже не знали, а зачинщики радовались, видя в этом для себя только пользу.

Европа с живейшим интересом наблюдала за действиями Пугачёва. И не только наблюдала, но и помогала. Пугачёв был любимым детищем европейских дипломатов, которого они сами выпестовали, снабдили деньгами, оружием, и, конечно, опытными военными специалистами. Как без них? Не мог же неграмотный Емелька руководить сложными военными операциями!

Пришлось иностранным агентам поработать и с духовенством. Но тут Екатерина сама ненароком спровоцировала недовольство церкви. Обещала ей вернуть имущество, отнятое Петром III, а вместо этого отобрала вдвое больше. И шло то добро не на пользу Отечеству, а на подарки фаворитам. "Узурпаторша...", – глухо роптали святые отцы. Особенно люто ненавидели её староверы, коих много было в те времена на Волге.

Кем на самом деле был Емельян Пугачёв? Бунтовщиком, царём, злодеем, народным заступником? Его личность была окружена тайной. Одни говорили, что его фамилия не настоящая, а придуманная от слова "пугало" или "пугач". Ведь нарекли же когда-то бояре самозванца Лжедмитрия презрительной кличкой "Гришка Отрепьев"! А ещё утверждали, что настоящий казак Емельян Пугачёв, участник семилетней войны, ставший потом дезертиром и бродягой, умер в 1773 году в Казанской тюрьме, а вместо него, якобы, вышел на волю совсем другой человек...

Глава 8. Офицер Следственной комиссии

Через два дня, едва успев проститься с Митей, Державин мчался в Казань на перекладных по бесконечным дорогам, скованным декабрьским морозом. Нагольный овчинный тулуп, купленный по случаю за три рубля, плохо удерживал тепло, но молодого офицера согревала надежда отличиться в родных местах и повидаться с матерью. Он не знал, что мятеж охватил уже не только Яик и оренбургские степи, но и Казанскую губернию. Отряды Пугачёва хозяйничали на берегах Волги, опустошая и сжигая помещичьи усадьбы, подвергая страшной смерти всех, кто не желал подчиниться "законному царю-батюшке".

Задремавшему в кибитке Державину снилось, что он лично выслеживает Пугачёва, геройски захватывает его в плен и привозит прямо в штаб Александру Ильичу Бибикову. Удивлённый генерал награждает Державина орденом и подписывает приказ о его производстве в поручики. Но приказ вдруг сам по себе загорается и пылает ослепительным пламенем. Державин кидается к столу, чтобы схватить бумагу, но поздно... Огонь охватывает всю комнату, раскалённый дым ест глаза, забивается в горло, наполняет легкие нестерпимым жаром... Бибиков падает, корчась на полу, Державин пытается спасти генерала, но кто-то крепко его держит за плечи, не давая пошевелиться. Он оглядывается и видит тёмное от копоти, злобное бородатое лицо в обрамлении чёрных волос. Пугачёв! Его глаза сверкают, отражая бушующее пламя. Он трясет Державина и кричит ему в ухо:

– Ваше благородие! Пожар! Смотрите, пожар!

Не без усилия разомкнув веки, Державин увидел перед собой бородатого ямщика, который пытался его разбудить, настойчиво повторяя:

– Да проснитесь же, ваше благородие! Смотрите, Сокуры горят!

Страхнув с себя остатки сна, Гавриил приподнялся и стал из-под руки вглядываться в степь, где вдали, в чистом голубом небе стояло облако чёрного дыма.

– Неужто, Сокуры?!

– Они, барин! – отозвался ямщик. – Не иначе, как супостат там побывал! Ехать опасно... Есть другая дорога на Казань. Прикажете повернуть назад?

– Повернуть?! – в негодовании воскликнул Державин. – Да у меня мать в Сокурах! Там мой дом! Полезай на козлы, шельмец, и скажи, что есть духу!

Через полчаса они уже подъезжали к дымившимся Сокурам. Пожар уже утих, избы догорали, и дым клубами валил с пепелищ. Кругом ни души... Только убогий дурачок Муса-татарин, рыскающий среди обугленных руин, да несколько исхудавших собак – вот и все обитатели его родного села.

От татарина Державин узнал, что бунтовщиков в Сокурах ждали давно. Крестьянские семьи и барыня с прислугой бежали в Казань ещё неделю назад. Но многие оставшиеся мужики встречали Пугачёва хлебом-солью, называли своим царем и добровольно вступали в его войско. А потом вместе с его сообщниками пировали, вешали непокорных, грабили барскую усадьбу и дома зажиточных крестьян. Когда всё, что можно, было разворовано, разбойники подожгли село и вместе с новобранцами ушли в степь. Куда? А шайтан их знает!

Вручив Мусе каравай хлеба и пятиалтынный, Державин обвёл прощальным взглядом дымящиеся стены родного дома, сел в кибитку и велел ямщику ехать в Казань.

* * *

Он не узнал древней татарской столицы... Город был в запустении, унынии и смятении. Жители готовились к бегству. Даже местные власти во главе с губернатором Яковом Илларионовичем фон Брантом укладывали чемоданы и вязали узлы. Появление в губернской управе Державина – столичного офицера, делового и строгого, наделённого особыми полномочиями, подействовало на "отцов рода", как отрезвляющий душ.

– Прекратить панику, господа! На подавление самозванца идёт армия генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова! Даже если Пугачёв появится раньше, наш долг – продержаться до прибытия императорских войск. Чем вы встретите супостата? Хлебом-солью подобно крестьянской черни, верящей в "доброго царя"? Трусостью и покорностью или отрядами народных ополченцев, готовыми драться на смерть за свой город?

Державин говорил с воодушевлением. Он не искал слова, они рождались сами и лились свободно, словно из глубины души. И слушатели невольно заражались его энтузиазмом, его безграничной верой в торжество закона перед стихийной силой насилия.

– На небе – Бог, а на земле – закон! – так закончил он свою речь.

Ошарашенные чиновники разразились аплодисментами. Весть, что на помощь к ним спешит прославленный генерал Бибиков, произвела такое впечатление, словно победа над самозванцем уже одержана и остается только совершить над ним справедливый суд.

Узлы и чемоданы стали спешно распаковываться, уныние уступило место легкомысленному веселью, подобному приятному головокружению, которое наступает после бокала хмельного вина.

– Наш добрый вестник! – низкорослый губернатор смахнул навернувшиеся слёзы и потянулся на цыпочках, чтобы расцеловать офицера в обе щеки. – Чем могу служить? Мой дом – к вашим услугам, милости прошу!

– Мы тоже примем вас с превеликой радостью! – наперебой галдели чиновники, наседая на него со всех сторон.

Державин еле от них отбился и объяснил, что ему надобно разыскать матушку, которая, по слухам, должна быть в Казани. Губернский предводитель дворянства вспомнил, что Фёкла Андреевна Державина живёт в деревянном доме, в двух шагах от собора Богоявления Господня, и велел городскому полицеймейстеру проводить уважаемого гостя к матери.

От услуг провожатого Державин отказался. Он знал эти места. Здесь они останавливались с отцом, покойным Романом Николаевичем, когда тот возил его, мальчишку, в Казань – показать великий город. Двухэтажный дом с резными наличниками и палисадом достался Роману Николаевичу от его отца, старого петровского офицера. Позже Фёкла Андреевна сдавала жилище внаём, получая за него хоть и небольшие, но верные деньги...

* * *

Возле Богоявленского храма Державин вышел из кибитки и отпустил кучера. С волнением взбежал по скрипучим ступенькам и уже через минуту сжимал в объятиях худенькую постаревшую матушку, которая прижималась к нему, обливая слезами его офицерский мундир.

После первых радостных восклицаний и объятий Державин огляделся и прошёлся по дому. Комнаты на первом этаже были темноваты и пустоваты. Второй этаж занимали две старухи-богомолки, служительницы храма. Прислугу Фёкла Андреевна отпустила на подённые работы, сама тоже не сидела без дела – вязала крючком кружева на продажу. Теперь этот дом стал её единственным пристанищем...

Державин, как мог, успокоил и ободрил мать, обещав, что в Казань супостату не войти: здесь будут сосредоточены основные силы императорских войск.

– На всё воля божия, – безропотно крестилась Фёкла Андреевна. – Теперь ты со мной – больше мне ничего не надобно!

Несколько дней Державин прожил в доме матери. Собирал сведения о настроениях в городе и ближайших селениях, выявлял паникёров в правительстве губернии, смутьянов и предателей в казанском гарнизоне. Все наблюдения записывал в журнал...

Александр Ильич Бибиков прибыл в Казань 25-го декабря, без войск, с небольшим отрядом. Державин ринулся в штаб-квартиру и застал командующего в скверном расположении духа.

– Опоздали мы, брат... Оренбург осаждён, Самара взята! – в сердцах отрубил он. – Народ встречает Пугачёва как законного царя и вступает в его армию! А храмы бьют в колокола!

– Где же наши войска? – спросил Державин.

– Основные силы под Оренбургом. Кроме того, пришлось оставлять роты для усиления местных гарнизонов. Да вот незадача: не уверен, что завтра они не перейдут на сторону супостата.

Державин впервые видел Бибикова таким озабоченным. Не Пугачёва страшился генерал, а пугачёвщины! Это настоящая чума: лишь подует ветер, и её смертельные споры разлетаются по белу свету, заражая всё живое. На кого можно положиться, если даже духовенство приняло сторону мятежников?

– Надо действовать! – пылко воскликнул Державин. – Немедля наводить порядок в полках. Пресекайте и тушите искры смуты, пока не разгорелся пожар!

Бибиков взглянул на него, кивнув благодарно. Мало у него осталось верных людей... Пока другие члены Следственной комиссии пировали и дебоширили в ожидании распоряжений начальства, один лишь Державин представил обстоятельный и толковый доклад, который назвал: "О движении неприятельском и колебании народном". Командующий внимательно прочитал записи, представленные разведчиком.

– Вы собрали ценные сведения, подпоручик, – сказал он, наконец, оторвавшись от бумаг. – Помните, что основное ваше дело – выявлять смутьянов и развратителей, чуму военной службы! Надобно

выжигать их калёным железом, иначе бунт может охватить армию. Наши силы малочисленны, жду подмогу. Эх, если бы прислали Ивана Ивановича Михельсона, моего старого друга...

– Значит, покуда нет Михельсона, будем сидеть и ждать? – запальчиво спросил Державин и осёкся, осознав, что говорит недопустимо дерзко. – Виноват, Ваше превосходительство...

Но Бибилов не рассердился. Он в волнении расхаживал по кабинету, в глубине души сознавая правоту своего офицера. Переведя дух, остановился, приложил руку к сердцу и произнёс устало:

– Начать решительное наступление мы пока не можем... Но и ждать уже нельзя. Я подготовил для вас поручение. Приказ получите в полковой канцелярии. А теперь ступайте с Богом!

Державин вытянулся, вскинув руку к треуголке, и вышел из кабинета.

В полученном приказе говорилось, что подпоручику Державину надлежит завтра утром отправиться в Симбирск с особой миссией. В чём состояла эта миссия, он должен был узнать из письма, запечатанного личной печатью командующего. На конверте стояло указание: "Вскрыть, отъехав на расстояние 30 верст от Казани".

* * *

Ночь прошла тревожно. Фёкла Андреевна не могла уснуть, чувствуя сердцем, что сын чем-то озабочен. Не выдержала, пришла к нему, сидящему у свечи за письменным столом.

– Не спится, Ганечка? Читаешь?

– Нет, матушка, так сижу, думаю...

– О чём, дитя мое?

– О Боге... Как по-твоему, матушка, каков он с виду?

Фёкла провела рукой по светлым густым волосам сына.

– С чего это вдруг, дружок? Вот пойдёшь в церковь, там самое место для подобных мыслей. А как выглядит Творец наш небесный, так это каждый сам себе представляет. Мне бабушка сказывала, что он – мудрый старец в белых одеждах. Живёт на небе и сверху видит всех нас: добрых одаривает, грешников – карает.

– А за что он наказал батюшку? Зачем отпустил ему такой короткий срок?

Фёкла Андреевна вздрогнула.

– Он его не наказал, а взял к себе, сынок. Есть нечто выше нашего разума!

Гавриил встал и, заглянув в лицо матери, промолвил со скрытой страстью:

– А я хочу постигнуть это "нечто"! И порой мне кажется, что я близок к истине. Вот что я думаю, матушка... Бог – не благообразный старик на белом облаке, который играет нами, как оловянными солдатиками. Бог – всё сущее на земле и во вселенной. Он всюду: в природе и в каждом из нас!

– Если он в нас, то отчего мы смертны? – робко спросила мать.

Гавриил замер, словно в отрезвлении. Задумался...

– Человек смертен, а человечество бессмертно. В созданной Богом природе происходит бесконечное течение живого вещества, которое переходит из одного состояния в другое. Мы уходим, чтобы душой соединиться с Творцом, а на смену нам приходит другая жизнь...

Фёкла Андреевна слушала сына, не зная, соглашаться с ним или нет.

– Сыночек, что с тобой? Ты говоришь так странно... Это всё от книжек! Слишком много читаешь!

– Ох, матушка, чем больше читаю, тем больше вопросов...

* * *

Утром Державин нанял сани и, наскоро простившись с матерью, выехал в Симбирск. Ни он, ни Фёкла Андреевна не знали, надолго ли разлучаются, и что придётся им пережить. Смутная тревога овладела их сердцами.

"Почему Ганя накануне отъезда вспоминал о Боге?", – терзалась мать.

"Какой приказ я должен исполнить?", – думал Державин, ощупывая за отворотом мундира запечатанный конверт.

Чем дальше он отъезжал от Казани, тем враждебнее становились обстановка и люди. Он почувствовал это на первой же почтовой станции, где ему не хотели менять лошадей. И дело было даже не в лошадях (брань со станционными смотрителями – обычное дело), а в непочтительном, порой откровенно наглом отношении к нему бородатых яйцких казаков и киргиз-кайсаков, вольготно расположившихся на постоялом дворе. Они пьянствовали, сквернословили и явно чувствовали своё превос-

ходство перед "его благородием". Отказ зрителя дать офицеру лошадей был встречен злорадным хохотом. Но Державин выхватил пистолет, и весёлая публика попятилась. Их было много, и они могли бы легко его одолеть, набросившись разом. Но его решительный вид говорил о том, что он без колебаний выстрелит в кого-то из них, и никому не хотелось получить пулю в живот. Испуганный зритель кликнул помощника и велел закладывать кибитку для господина офицера. Когда Державин выехал со двора, вслед понеслись угрозы, гиканье и свист, но он уже был недосыгаем.

Шёл мелкий снег, сугробов ещё не намело, и свежие лошади резво неслись по мёрзлой дороге в Симбирск. Возле полосатого столба 30-й версты, Державин велел остановиться. Сломал печати, вскрыл конверт и прочитал письмо Бибикова.

То ли от волнения, то ли из-за витиеватого слога, он не сразу осознал смысл приказа, и лишь перечитав дважды, понял, что от него требовалось.

В Симбирске ему предстояло встретиться с полковником Гринёвым и, убедившись в благонадежности его войска, передать ему приказ идти на Самару, занятую супостатом.

"По дошедшим известиям, – писал Бибиков, – слышно, что жители города Самары при первом приближении злодейской сволочи со звоном выходили навстречу и пели благодарственный молебен". В случае успешной баталии Державин должен был "найти того города жителей, кто первые были начальники и уговорители народа к выходу навстречу злодеям со крестами и со звоном, и через кого отправлен благодарственный молебен".

Зачинщиков-предателей надлежало выслать в Казань в кандалах. Менее виновных, поддавшихся страху – наказать плетью на площади. В заключении Бибиков писал, что "сей ордер" надобно предъявить градоначальнику Самары и "требовать во всем его вспомоществования".

Поручение было непростое, но и Державин не первый год состоял на службе... Недолго думая, он велел кучеру трогать, и сани вновь понеслись по заснеженной дороге, навстречу неизвестности. "Быть может, Симбирск уже в руках самозванца?" – мелькнуло в голове.

Подъезжая к городу, он встретил мужика с мешком за плечами, идущего, видимо, с базара. Он окликнул его, но тот испуганно шархнулся в сторону и попытался бежать по полю, увязая в снегу.

– Стой! – рассвирепел Державин и, выскочив на дорогу, кинулся за ним.

Ему хватило нескольких мгновений, чтобы догнать беглеца и затащить его в сани. Тот дрожал от страха, прижимая к себе залатанный мешок.

– Не губите, ваше благородие! Детишкам одежонку купил, да жене тулуп. Не отымайте, зима на дворе...

– Что ты мелешь? На кой мне твое добро? Я – гвардейский офицер!

Услышав эти слова, мужик затрясся ещё сильнее.

– Так ведь офицеры и лютуют пуще солдат! По всему Симбирску – мародёры! Всё отымают: еду, сапоги, одежду... Ведь до чего дошло! Горожане Пугачёва ждут, как народного заступника. Говорят: пушай хоть он порядок наведёт...

Державин слушал, не веря своим ушам. Как же так?! Те, кому надлежало защищать Отечество от душегубца, ему же и уподобились? Куда смотрят командиры? Неужто и они с мародёрами заодно? Отпустив мужика, он завернулся плотнее в овчинный тулуп и велел кучеру гнать, что есть духу.

Симбирск (в те времена его называли "Синбирск"), сто лет назад уже подвергался осаде разбойничьих войск. Его пытался штурмовать Степан Разин, но был ранен в бою и отправлен соратниками на лодке вниз по Волге. Через год Симбирскую крепость осаждал разбойник Федька Шелудяк и тоже безуспешно. Город был сплошь деревянным, несколько раз выгорал дотла, но неизменно поднимался, отстраивался и становился только краше и сильнее. Но сейчас Державин видел тоскливое запустение. Лавки, двери и окна домов были заколочены. На улицах – одни голодные собаки.

Молодой кудрявый и веснушчатый полковник Гринёв явно не ожидал приезда офицера Следственной комиссии. Державин передал ему приказ командующего, и, сурово сдвинув брови, потребовал полного отчёта о состоянии войска.

– Состояние преотличное, – запинаясь, пробормотал полковник, впечатлённый подписью Бибикова и государственной печатью на поручительной грамоте Державина. – Но идти на Самару нынче не представляется возможным. Ждём полки генерала Карла Муффеля в подмогу...

– И долго ли ждёте?

– Около недели...

– Солдаты, поди, озябли, ожидаючи?

– Не понимаю...

Державин молчал, прохаживаясь по кабинету, тянул зловещую паузу. Потом промолвил веско:

– Ваши люди отбирают у жителей еду, дрова и тёплую одежду! Или вы не знаете, какая кара положена мародёру во время военных действий?

Гринёв ошарашенно округлил глаза.

– Не может быть! В моём полку ничего подобного нет!

– Почему же люди боятся ходить по улицам? – Державин остановился возле окна, отдернув занавеску. – Взгляните, господин полковник! Вы в первый раз видите такую картину?

На пустынной улице солдаты, спускаясь со ступеней большого купеческого дома, тащили узлы и мешки. Им вслед что-то отчаянно кричала женщина в плюшевом салопе.

Полковник был явно удручён.

– Да, бывает... Что поделать? Время военное... Если не солдаты ограбят население, то это делают душегубы самозванца.

– Значит, по-вашему, солдатам следует брать пример с Пугачёва? Мне так и написать в донесении генерал-аншефу?

– Боже упаси, я не то хотел сказать! – испуганный полковник совсем запутался и поник головой.

– Уверю вас, я немедленно дам приказ вернуть населению всё, что было у него изъято!

Офицер Следственной комиссии ещё долго страдал командира полка своим рапортом генералу Бибикову, гневом начальства и неминуемым расформированием полка. Потом дал Гринёву срок: в течение суток навести порядок и наказать виновных; а сам отправился в казармы вразумлять распустившихся солдат.

* * *

Державин зря времени не терял. Три дня без сна и отдыха он дотошно занимался ревизиями и проверками, выявляя в полку мародёров. Записывал каждое нарушение! На четвертый день прибыл вестовой с важным донесением: не заходя в Симбирск, генерал Карл Муффель выбил из Самары полчище Пугачёва. Идти на соединение с войском Муффеля теперь не имело смысла, и Державин предложил Гринёву освободить от пугачёвских разбойников Алексеевскую крепость.

Не стоит удивляться тому, что подпоручик свободно общался с полковником и давал ему советы, к которым невозможно было не прислушаться. Во-первых, Державин был подпоручиком лейб-гвардии. А во-вторых, он являлся офицером Следственной комиссии, то есть, представителем особой власти, стоящей над другими званиями и должностями.

– Засиделись тут! – смело заявлял командиру полка ретивый "особист". – Пора испытать наших солдат в деле!

Он понимал, что разложение в полку Гринева происходило прежде всего от бездействия. Только в сражении крепнет дисциплина! Недаром воины говорят: "Каждый параграф артикула написан кровью".

Всё случилось так, как он задумал. Гринёв и Державин повели войско на Алексеевскую крепость и, освободив её, двинулись на Красный Яр, который недавно захватили калмыки. "Вольные дети степей", вооружённые неведомо откуда взятыми пушками, перебили гарнизонную роту Красного Яра, перевешали администрацию, навели ужас даже на мужиков, собиравшихся примкнуть к восстанию. После взятия крепости Державин простился с Гринёвым и поскакал в Самару, освобождённую Карлом Муффелем. Одновременно послал гонца в Казань с очередным донесением:

"Командующему правительственными войсками, генерал-аншефу Александру Ильичу Бибикову от офицера Следственной комиссии поручика Гавриила Державина донесение.

Ваше превосходительство!

Счёл должным быть лично в сражении с бунтовщиками при крепостях Алексеевской и Красный Яр. Докладываю Вашему превосходительству, что все солдаты дрались храбро, не жалея живота своего. То же касается и господ офицеров, особенно 24-ой полевой команды капитана Станкевича, который своею расторопностью и отважным одобрением солдат преимуществом перед всеми своими братьями. А также и находившийся при артиллерии поручик Жадовский, ранивший атамана Арапова, что обратило в бегство дерзкое мятежное скопище и решило итог сражения в нашу пользу..." и т.д.

Все перечисленные Державиным офицеры были награждены.

* * *

Генерал-аншеф Бибиков давно уже чувствовал боль в груди – следствие старого ранения. Она возникала внезапно, но, слава Богу, быстро проходила, благодаря чудесному порошку, изготовленному в старинной львовской аптеке фармацевтом Фредериком Лещинским. Вскоре аптекарь был убит: вельможным панам не понравилось, что Лещинский пользовал русского генерала.

Порошки, завернутые по порциям в вощёную бумагу, аккуратно уложенные в серебряную шкатулку, всюду сопровождали Бибикова, куда бы его ни бросала судьба. Вот и сейчас, почувствовав очередной приступ, он потянулся рукой к ящичку стола. Но, видно, рука дрогнула: шкатулка упала на пол. Генерал, слабея, позвонил в медный колокольчик. Прибежал адъютант, прибрал на полу. Уцелевшие порошки сложил обратно в шкатулку. Один дал генералу.

– Сколько еще осталось? – спросил Александр Ильич.

– Пять порций!

– Маловато... Мне надобно до ареста Емельки дотянуть.

– Ваше превосходительство! В Казани есть аптека, извольте заказать копию вашего лекарства!

Генерал лишь покачал головой и усмехнулся невесело. Он уже не раз обращался к аптекарям с подобной просьбой, но изготовленное ими снадобье не помогало. Видно, был в составе порошка Лещинского какой-то неведомый секрет. Бибиков, как многие вояки-ветераны, относился к своему здоровью легкомысленно, не вспоминал о нём, пока не прихватит, и больше думал о "проклятом Емельке", чем о себе.

Императорские войска постепенно стягивались под Казанью. Бибиков копил силы, чтобы дать генеральное сражение супостату, но армия Пугачёва не была сосредоточена в одном месте, а, подобно лесному пожару, охватывала необозримое пространство от Яика до Волги, от Уральских гор до Каспийского моря. Бунтовщиков поддерживали народы киргиз-кайсацких степей, одурманенные щедрыми обещаниями самозванца и возможностью безнаказанно мстить своим угнетателям.

Из Саратова в Казань прибыл Карл Муффель и передал генерал-аншефу Бибикову несколько писем от Державина, оставшегося в городе, дабы завершить возложенное на него поручение. Разведчик Следственной комиссии описал положение в Симбирске и его окрестностях, в лестных выражениях отметил героизм полковника Гринёва, его солдат и офицеров. О случаях мародёрства умолчал, поскольку командир полка уже сурово наказал виновных и дал слово, что больше не допустит преступлений в своём полку. Что касается второй части поручения – привезти в кандалах саратовских предателей, встречавших злодея с крестами и колокольным звоном, то Державин выслал лишь четверых, самых злостных, резонно пояснив, что "не может заковать в железа всех самарских попов и чиновников".

Он пытался понять, почему самарское начальство благоволило к Пугачёву? То ли из страха перед ним, то ли из ненависти к Екатерине – узурпаторше и мужеубийце, то ли и впрямь поверило в чудесное воскрешение законного царя? Кроме того, Державин заметил, что, несмотря на пережитую осаду, градоначальники Самары были гладки телом, ходили в соболях и накрывали ему щедрые столы. Проводя собственное расследование, разведчик добыл некоторые любопытные сведения.

Ему донесли, что накануне вторжения самозванца в Самару побывала миссия старообрядцев из Иргизского скита. Любопытно то, что староверы говорили с заметным польским акцентом. Они вели среди народа прельстительные речи, а для городских властей и церкви привезли в дар кованный сундук, наполненный новенькими, только что отчеканенными золотыми монетами с профилем императора Петра Фёдоровича. На обратной стороне красовалась надпись на латыни: "Я воскрес и начинаю мстить". Староверы или те, кто выдавал их за себя, стали раздавать деньги чиновникам и священникам, но архимандрит приостановил "благотворительность":

– Ежели Церковь позволяет себя использовать в корыстных целях, то она перестает быть Церковью!

Он призвал к себе верных людей и велел спрятать сундук с золотом в надёжном тайнике, что и было сделано. После взятия Саратова Карлом Муффелем "староверы" ушли вместе с войском Пугачёва.

Узнав о происшедшем, Державин прежде всего хотел встретиться и поговорить с архимандритом. Но – увы! Перед штурмом города святой отец и его сподвижники пали от рук неизвестных злодеев.

Державин провёл кропотливую следственную работу, пытаясь дознаться, кто убийцы и где спрятан клад, но во время одного из допросов сам едва не погиб. В камере острога, где проводилось дознание подозреваемых, на него вдруг набросились четверо дюжих молодчиков из охраны. Он уже терял сознание под удавкой на горле, и всё могло кончиться быстро и печально, если бы не писарь-

поляк, по имени Вацлав Новак, который отважно бросился к нему на помощь. В мгновение ока он раскидал четверых предателей; двоих стукнул лбами, так что черепа затрещали, оставшиеся двое кинулись было бежать, но не ушли далеко – у выхода их задержали солдаты караула.

Вот так его, офицера секретной Следственной комиссии, учреждённой лично её императорским величеством Екатериной II, едва не удушили лазутчики самозванца. Державин подарил писарю свой серебряный брегет, а губернатор Пётр Никитич Кречетников лично похлопал храбреца по плечу и велел выдать ему из казны 50 червонцев. Оставалось только допросить вероломных стражников. Но утром Державину доложили, что по решению саратовских властей четверо злодеев были повешены на городской пощади. Его ярости не было предела! Кто посмел совершить казнь без его приказа? Он был готов отправить в Казань в кандалах всю городскую управу, вместе с градоначальником, и только скверное самочувствие помешало ему предпринять решительные действия.

Державин не мог понять, почему так страдает. Непреодолимая слабость сковала члены, и он не мог сделать ни шагу. Даже мысли в голове стали какими-то ватными. Всё вокруг виделось ему, как в тумане.

Он был крепким тридцатилетним мужчиной и до сих пор никогда ничем не болел. Стоя в караулах на холодном ветру, ни разу не подхватил простуду. А теперь почему-то ему было так худо, что он не мог подняться без посторонней помощи.

Кроме того, Державин чувствовал себя бесконечно одиноким. Унылый врач-немец, пичкавший его какими-то снадобьями, да молодой писарь, спасший ему жизнь, – вот единственные люди, которые навещали его и желали его выздоровления. Все остальные, в том числе, городские чиновники, относились к нему почтительно, но равнодушно. Это и понятно. Державин мешал им жить спокойно. Он был для них, словно заноза, которая постоянно беспокоит, а вытащить её невозможно. Даже губернатор Кречетников считал Державина выскочкой, любимчиком главнокомандующего и избегал с ним встреч. А с казанским губернатором фон Брантом Державин рассорился, когда однажды отправил ему письмо такого содержания:

"Надобно остановить беспрестанное взяточничество, которое совершенно разоряет людей. Сколько я мог приметить, это лихоимство производит в жителях наиболее ропота, потому что всякий, кто имеет с ними дело, грабит их. Это делает легковёрную и неразумную чернь недовольною, и, если смею говорить откровенно, это всего более поддерживает язву, которая теперь свирепствует в нашем Отечестве".

С лекарем Вильгельмом Франке Державин упражнялся в немецком языке. А его спаситель Вацлав Новак оказался конфедератом, попавшим на Волгу с партией пленных поляков. По отбытии срока заключения, желая скопить немного денег для возвращения домой, он нанялся работать писарем в том же остроге, где отбывал наказание.

– Благодарю, пан Вацлав! – не скрывая волнения, говорил ему Державин. – Вы бросились мне на помощь, рискуя собственной жизнью! Это геройский поступок. Но... мне кажется, вы должны видеть во мне врага?

Молодой лях гордо выпрямился, откинув с высокого лба густые светлые волосы.

– Если бы мы встретились на поле боя, я дрался бы с вами насмерть, – честно признался Вацлав. – Но когда на человека предательски нападают его же охранники – это подлость, с которой нельзя мириться! Я – шляхтич!

Легкая улыбка тронула губы Державина. Ему вспомнились слова Мити: "Ты не поверишь: каждый второй поляк называет себя шляхтичем!". Но искренность и достоинство, с которыми поляк ответил на его вопрос, ему понравились, и он вдруг неожиданно предложил Вацлаву пойти к нему на службу денщиком. Если, конечно, его не обидит такое предложение.

Бывший писарь не только не возражал, но был несказанно рад, что, наконец, вырвется из постылых острожных стен и начнёт другую жизнь – энергичную и интересную.

– Только прошу пана не называть меня денщиком, – смущённо попросил Вацлав. – Лучше – ординарцем!

Державин согласился, забавляясь его тщеславием:

– Как пожелаете! Вот только бы поскорее встать на ноги... Моё тело слабеет с каждым днём, хотя я прилежно выполняю все предписания эскулапа.

Поляк подошёл к столу, уставленному склянками с микстурами, коробками с порошками, сбором сушёных трав, пилюлями и мазями...

– Простите, пан офицер, я ничего не смыслю в медицине... Но готов поклясться, что такое изобилие лекарств угробит даже здорового человека. Да что там человека! Слона! Если вы немедленно

не прекратите принимать все эти зелья, вам несдобровать. Для чего я спасал вашу жизнь, если вы ею совсем не дорожите?

После этого разговора, Державин к великому неудовольствию меланхоличного герра Франке, прекратил пить лекарства и с помощью Вацлава стал выходить на свежий воздух, прогуливаться возле дома. Силы постепенно восстанавливались, и в один прекрасный день он объявил своему ординарцу, что они выезжают в Казань.

* * *

Тем временем в штаб-квартире генерал-аншефа Бибикова появился некий посетитель, рыбный торговец из Малыковки. Поначалу его хотели выставить вон, но тот был настойчив и утверждал, что желает сообщить лично его превосходительству нечто важное. В конце концов, о нём всё-таки доложили генералу.

Александр Ильич долго разглядывал рослого глазастого мужика, от которого слегка пахло свежей рыбой. Его одежда была простой, но добротной, похожей на купеческую.

– Чем обязан, сударь? – нетерпеливо спросил Бибиков.

Звали странного визитёра Иван Серебряков, и явился он, чтобы представить главнокомандующему собственный проект поимки Пугачёва. Известно, что самозванец имел большие знакомства со староверами, и в случае разгрома его войска, стал бы искать убежища именно у них. Староверы вольготны и богато жили на Иргизе, где в последний год их часто навещали иноземные гости с обзорами подарков. Когда в междуречье Большого и Малого Иргизов впервые появился Пугачёв со своими подельниками, староверы приняли его с особой доброжелательностью.

Серебряков предлагал собрать сотни три верных казаков, служивших в императорских войсках, расположить их в Петровске или Малыковке и ждать появления самозванца.

– Староверы первые его выдадут, когда узнают, что тот разбит! – с уверенностью добавил Серебряков. – Знаю я этих святош!

Бибиков слушал насторожённо, раздумывая, что ответить. С одной стороны тот говорил вещи вполне дельные и разумные. С другой – можно ли доверять этой залётной птице?

В кабинет вошёл адъютант и доложил, что из Саратова прибыл подпоручик Державин. Услышав новость, Бибиков искренно обрадовался.

– Просите! А вас, сударь, – он повернулся к Серебрякову, – прошу подождать в приёмной!

Державин предстал перед ним – похудевший, но по-прежнему энергичный, с живым огоньком в глазах.

– Рад видеть тебя, мой герой! – Генерал-аншеф обнял своего любимца. – Спасибо за службу, поручик!

Державин вопросительно взглянул на него.

– Рад стараться, Ваше превосходительство, но я пока не...

– Отныне вы – лейб-гвардии поручик! Приказ о повышении в звании уже подписан.

И генерал-аншеф передал ему патент на производство в поручики.

Державин действительно принёс много пользы своими решительными действиями. Он пресёк мародёрство и укрепил боевой дух в полку Гринёва, подвинул его на взятие Алексеевской крепости и Красного Яра, выявил предателей и сподвижников Пугачёва среди саратовских чиновников, навёл порядок в городских управах, беседовал со священниками, во всё вникал, всё до мелочи аккуратно записывал и отсылал в Казань подробные отчёты. Благодаря его донесениям, Бибиков был так хорошо осведомлён о положении дел в Симбирске, Саратове и других городах Поволжья, словно сам там находился.

Вот и сейчас Державин явился не за новым чином, а за новым поручением, и генерал, конечно, понимал это.

Не теряя времени, Бибиков ознакомил его с планом Серебрякова и спросил, что тот об этом думает. Как всякий поэт, Державин был романтиком по натуре. То, что он услышал от своего командира, захватило его воображение. Выследить и поймать Пугачёва! Логика и простота плана поразили его. Да, действительно, в случае разгрома армии, Пугачёву ничего не остаётся, как бежать на Иргиз и прятаться в скитах своих друзей-старообрядцев. Что если хитростью выманить его оттуда и схватить? Надо лишь подобрать в помощники дюжину лазутчиков, самых верных, проверенных, таких, как Вацлав Новак...

Бибиков легонько кашлянул, прервав размышления, и обратился к нему по-отечески:

– Ну, что скажешь об этом, Ганя?

Державин востепенел, бросив на генерал-аншефа благодарный взгляд. Командующий запросто назвал его по имени!

Ни минуты не колеблясь, он ответил:

– Ваше превосходительство, исполню всё, что в моих силах!

Бибиков кивнул, довольный решительностью своего офицера. Он тоже был романтиком, хоть и не писал стихов. Однако военный опыт заставлял его трезво оценивать положение вещей. Он положил руку на плечо Державина и сказал:

– В тебе-то я уверен, друг мой... Но, к сожалению, для выполнения задания нужны два условия, которые от тебя не зависят. Первое – чтобы полчища самозванца были разбиты. Второе – чтобы супостат действительно бежал на Иргиз. Будем уповать на Господа... – он болезненно поморщился, приложив руку к груди. – Ладно, ступай, Гавриил! Там, в приёмной ждёт Серебряков из Малыковки. Присмотрись к нему и поговори. А завтра – милости просим ко мне. Обсудим с тобой всё до мелочей. Кроме того, есть у меня к тебе еще одно дельце...

* * *

Получив донесение, что против самозванца государыней направлена армия храброго генерала Ивана Михельсона, Бибиков воспрянул духом. Его не страшило полчище бунтовщиков, состоящее из черни, пусть и хорошо вооружённой, обученной иностранными советниками. Он боялся провокаций и предательства внутри императорских полков. Мятежный дух и ненависть к властям неумолимо просачивались в ряды его войск, сея смуту и измену. Бибику не раз пришлось убедиться в справедливости донесений Державина: "Весь чёрный народ за Пугачёва. Духовенство ему благожелательствует. То же можно сказать об офицерах, выслужившихся из солдат".

Дельце, о котором упомянул Бибиков, было деликатного свойства. Прежде, чем отправить Державина на Иргиз, генерал-аншеф, зная о незаурядных литературных способностях своего разведчика, предложил ему выступить перед помещиками и призвать их сформировать корпус ополчения из крепостных крестьян.

Гавриил успешно справился с поручением. Его пламенная речь, перемешанная со стихами великих поэтов и своими собственными, так вдохновила помещиков, что они сговорились отдать в конный корпус по одному ополченцу из каждых двухсот душ.

Весть о блистательном выступлении Державина перед казанскими дворянами долетела до Петербурга.

– Одной своей речью молодой офицер совершил то, чего генерал-аншеф тщетно добивался в течение многих месяцев, – насмешливо бросила Екатерина графу Панину, когда они по обыкновению пили утренний кофе в её маленькой гостиной. – Вы всё ещё не верите в силу слова, Никита Иванович?

– Отчего же? Верю! Да только слово следует делами укреплять. Боюсь, ненадолго хватит решимости у казанского дворянства. Нам, государыня-матушка, не грех бы подыграть сему стихотворцу. Как, бишь, его? Державину!

– Каким образом?

Панин поставил на стол маленькую чашечку с недопитым кофе. Он его терпеть не мог, но никому в том не признавался.

– Отправьте в Казань рескрипт, в котором объявляете себя "Казанской помещицей" и отдаёте в ополчение по рекруту с каждой сотни крепостных. И пусть местная знать после вашего заявления попытается пойти на попятный!

Екатерина на миг оторвалась от кофе, которым непритворно наслаждалась, и устремила на Панина пронзительный взгляд. Невольная ревность кольнула её самолюбие. Как ей самой не пришла в голову сия блестящая мысль! Панин заметил её лёгкую досаду и поспешил сгладить неловкость:

– Да ведь вы сами, матушка государыня, давеча изволили сказать, что у вас в Казани есть дворцовые земли. Только сейчас разгадал ваш намёк!

(Продолжение следует)

ДАРИСА ДОВГАЯ

Новороссийск

НА КРЕСТНЫЙ ХОДПутевые заметки
(Окончание)*Верить — дойдёшь*

Трасса двадцать вторая, скоро Ревда, а там – Екатеринбург. Последний бросок.

"Жигули". Едут отец с сыном на рыбалку. Чтобы лучше клевало, надо сделать доброе дело, например, седую тётку с рюкзаком в город подкинуть. Предлагает подвезти до Института связи, сверяемся с картой и оказывается, что хостел, в котором у меня забронировано местечко, ещё ближе, на Ключевской улице. Подвозит прямо к дому. Не помню себя от радости и желаю ни пуха ни пера. Меня отсылают по традиции к этому самому, и все счастливы.

Хостел – большая квартира, в комнатах которой расставлены двухъярусные кровати, кухня с посудой и всем для приготовления пищи, всё санитарно-необходимое. Цена приемлемая даже для меня. Наконец скидываю с себя уже порядком убивший спину рюкзак, долго моюсь в душе. Потом спрашиваю дежурного о магазинах, о дороге к храму. Завтра ночной крестный ход. Молодой человек рассказывает подробно и о том, где лучше приобрести продукты, и как пройти к центру и обратно, чтобы не заблудиться.

И всё же молодец, кто придумал хостелы. Это не гостиница, где надо платить непомерные деньги за то, что мне и не требуется, не общежитие, где запущенность и грубость, это просто необходимый ночлег в незнакомом городе. Чистенький, тёплый, обустроенный. Ну, нет у нас таких заработков, чтобы по гостиницам останавливаться. Надо просто переночевать, позавтракать, вымыться. Недорогой магазин рядом, в нём достаточно полуфабрикатов, пирогов и прочего, чтобы не заморачиваться с питанием. Цены меньше наших, южных, даже овощи-фрукты дешевле, чем на плодородной Кубани. Выбор богаче. Банкомат. Что ж, устроилась, успокоилась.

Понимаю, что за те три дня, которые предстоит здесь провести, город-миллионник не рассмотрю, не узнаю. Даже не город – агломерация, это на подъезде хорошо видно. Центр федерального округа. О промышленном потенциале не знают только ленивец и глупец. Но времени нет, да и силы в диктате возраста ограничены. И я просто люблю гулять в незнакомом городе, что мне даст сам город, то и моё. А города у нас большей частью добрые.

Леночка из Томска, одна из обитательниц нашей комнаты, посоветовала сначала пройти к улице Татищева, основателя города. Я сочла это доброй приметой. Инженер, историк, сподвижник генерал-фельдмаршала Якова Брюса, основатель Перми и Ставрополя-на-Волге (ныне Тольятти, но что общего у Пальмиро Тольятти с великой русской рекой и историей становления России?), губернатор Астрахани, писатель Василий Никитич Татищев – один из тех, кто живота не жалел в служении России, потрудился на славу. И как хорошо, что улицы городов называются именами созидателей. Как мы устали от революционеров с их пронизанной завистью программой разрушения...

Совсем новый район. Здоровенные новомодные жилые комплексы затмевают вдруг ставшие кучи девятиэтажки. Дохожу до большого транспортного перекрестка. В сквере берёзы и они радуют уставшее под палящим южным солнцем сердце. Просто берёзы. Никуда не сворачиваю, только улица уже Ленина. Про Ленина говорить не буду. Надоело. Неужели кто-то ещё готов радоваться делам этого человека? Вот просто взять и задуматься?

На красивом дореволюционном здании мемориальная доска останавливает. "В этом доме в мае 1918 года проживали, находясь в ссылке в Екатеринбурге, святые преподобномученицы Великая княгиня Елисавета Феодоровна и инокиня Варвара (Яковлева), князья Императорской крови Иоанн Константинович, Константин Константинович и Игорь Константинович, князь Владимир Палей. Впоследствии все они приняли мученическую кончину в Алапаевске". Святые места прорезаются из небытия. Вот так в любом городе после советов – святые и чёрные пятна. Но чёрных больше потому, что не хотим их видеть.

То есть Романовых всех завезли в Екатеринбург, но потом, готовясь к страшному кровопролитию, разделили на тех, кто будет просто казнён, – тех отправили в Алапаевск, и тех, кого удерживали для магического заклятия... И уже не воспринимается город, а из памяти пробиваются строки Владимира Палея:

Дождь моросит. Из окон мрачных зал
Сквозь дым тумана льётся отблеск мутный.
Огни ночные сторожат вокзал,
Звучит во мгле свисток ежеминутный.

Проносятся с шипеньем поезда,
Бежит толпа с цветными узелками.
Уходят рельсы мокрые – туда,
Во мрак сырой, пронизанный гудками.

Вздыхает паровоз. Там, в стороне,
Два воробья заботятся о корме...
Фуражкой машет офицер в окне,
И кто-то в чёрном плачет на платформе...

Сыновья Великого князя Константина Константиновича, генерал-инспектора Военно-учебных заведений, президента Санкт-Петербургской академии наук, поэта (К.Р.), переводчика, по особому благоволению Божию не дожившего до кровавых уничтожительных дней, Иоанн, Константин, Игорь Константиновичи (32-го, 24-го и 21-го года) соседи по грязной (по воспоминаниям) комнате поэта, в той же комнате "Атамановских номеров" великий князь Сергей Михайлович, его человек Фёдор Ремез... И вспоминается предание, что незадолго до смерти К.Р. пригласил юного поэта к себе в Павловск, настолько понравился старику сделанный Владимиром Павловичем перевод одной из его пьес, благословил и "оставил в наследство лиру как сыну..."

А сам Владимир Павлович тогда принимал участие в боях у реки Буг. Посвящал стихи и сёстрам милосердия, и рядовым в окопах...

У солдатского кладбища

Мягко разостланы дёрна квадратики
Набожной чьей-то рукой...
Спите, соколики, спите, солдатики,
Вам здесь простор и покой.
Небо над вами сияет безбрежностью,
Тихо мечтают поля,
Приняла вас с материнской нежностью
Эта сырая земля.
Русь защищая, ребята бывалые,
Долго дрались вы с врагом...
Спите, родимые, спите, усталые,
Под деревянным крестом.
Жертвы борьбы с лицемерной державою
Вы – не покинутый прах.
Вечною памятью, вечною славой
В русских вы живы сердцах!
(Действующая Армия, деревня Речки.
Сентябрь 1915 г.)

А сам остался без могилы, некуда положить цветы. Останки князей были перевезены великими трудами и опасностями в Пекин, но новая власть преследовала их и там. И СССР, и КНР.

Сколько раз принималась искать могилы Белой Гвардии... Не нашла. Кто-то (хочется сказать целенаправленно) уничтожал документы. И видится: Гражданская война продолжается... Продолжается, хорошие, Гражданская война. Но не так видимо.

А пока моя дорога в Храм на Крови. Но о нём чуть позже. И надо подумать о вещах прозаических: еде, стирке, усталости. От храма возвращаюсь в хостел, заглядываю в торговый центр, и вздёргнутые нервы не выдерживают: всё же покупаю себе и маленький фотоаппарат.

Рядом – Екатеринбург-Арена светится огоньками. Время от времени доносятся волны гула болельщиков, возгласы долетают до тринадцатого этажа, всему району не до отдыха. Не знаю, какие уж команды и играли. Знаю, что обитательницам нашей комнаты было не до этого. Настолько не к месту футбол к молитвенному настроению и усталости. Настолько не к месту пустая трата времени к трагедии всей России.

А у меня в головах на зарядке не только телефончик, но и фотоаппарат. Сколько уж говорила репортёру внутри себя: хватит! Пора утомиться. А он всё помирать не хочет.

Сон подступает засветло, два часа разницы во времени сказываются. Кажется, только глаза прикрыла – звонок. Но как здорово услышать именно этот голос:

– Ты где? Как ты там?

– Всё в порядке, ложусь спать в чистую кроватку в Ёбурге. Только психи от футбола на улице сильно орут. Стадион рядом...

Ищите и обрящите

Тем, кого интересуют только дорожные приключения, рекомендую пропустить две следующие главы, потому что, как написала одна из моих читательниц, слишком мудрено. Выбор за человеком. Так велел Бог. Кто-то ищет причины происходящего, чтобы наконец-то наладить жизнь, кто-то экскурсантом идёт за говорящим куда скажут.

– Неужели вы верите, что царь Николай действительно зря расстрелян?

Где угодно я ответила бы на этот вопрос, даже в спор с приведением аргументов и фактов могла бы вступить, но не здесь... Не здесь, в крипте на месте "расстрельной" комнаты Храма на крови во имя Всех святых в земле Российской просиявших...

Поворачиваюсь к очередному экскурсанту (ничего особенного, ровесник в белых американских шортах), и слёзы невольно выкатываются из глаз. Не хочу тратить на очередное убоище слов. Не хочу, не хочу, слишком дешёвы все слова...

От чего принялись отучать захватившие власть большевики, так это от веры. Именно православной веры, то есть от ответственности за слова и действия. От необходимости думать и принимать решения самому, надев на голову марксизм, демократию, партию, интересы власти (под видом интересов рабочего класса), демагогию от якобы науки и прочая, et cetera. Чем мы, собственно, заняты и по сей день. И как сказать обманутым людям: раскрой глаза! Не поймут даже, как оказались поработёнными, а средство от рабства – истинная свобода, только в душе человека... И упрекают: вы рабы Божии. Божии, и это значит, что на земле у нас хозяина нет. Истинный Хозяин Вселенной, за которым пошли добровольно, в Вечности. И сразу отпадают всякое холопство и внутренняя несвобода. Человека уже сложно обмануть, навязать ему очередную "теорию" земных хозяев, чтобы пользоваться якобы законно плодами трудов его.

Это было в плане мирового правительства или как его там, уничтожить у тех, кого желали подчинить, монархию, ибо монархия – достаточно сбалансированное слитие народа и власти. Чтобы захватить народ, подчинить – не обязательно его завоевывать, достаточно убрать верх пирамиды, которую представляет собой государственное тело. И была разработана "демократия" обезглавливания. Власть поделили на судебную, законодательную и исполнительную, а правит олигархат. Доморощенный под дудку мирового.

Доказательства? Да вы на доллар посмотрите! Очень качественно изображена пирамида с обремененной маковкой, в которой красуется всевидящий глаз. Для особо непонятливых написано на международной латыни: новый мировой порядок.

Царь будто бы отрёкся от нас, от Российского престола, отрёкся в пользу сына при регентстве Великого князя Михаила Александровича. Какие-то непонятно кем отправленные телеграммы... А где документ отречения? Как увижу, так и признаю, что царь не мой, а пока нет бумаг, то Государь

В организованной этими мировыми силами Первой мировой войне рухнули четыре империи: Османская, Австрийская, Германская и Российская. Цель войны была достигнута. Очень интересны события в Турции 1918–1922 годов. Последний султан Мехмед VI Вахидеддин вынужден был бежать из родной страны на Мальту (! Вспомним Горбачёва на той же Мальте) на корабле союзников. А вот государь наш Николай Александрович...

Есть достаточное число вполне серьёзных исследований, что Государь и его семья не были расстреляны, а принесены в жертву посредством ритуальной казни. Тому богу, коему молится мировой гегемон. Что такое ритуальная казнь? И об этом есть материалы. Можно прочесть бывшее долгие годы скрытым исследование В.И. Даля, можно прочесть протоколы судебного заседания по делу Бейлиса (Киев, 1913). Не заморачиваться с Википедией и прочей полемикой, а прочесть протоколы от точки до точки. И самому сделать выводы. И тогда общество было разделено на лагеря "этого не может быть!", "выфсёврети" и пр. Пройдет год, и прозвучит выстрел Гаврилы Принципа в Сараево... Может, пора уже чем-то и заинтересоваться?

А пока только слёзы...

У места преступления

Ещё писала свой "Непознанный Новороссийск" – исследование на местном материале странной связи революционных памятников с началами тёмных культов, а уже подбирала аргументы в ожидании возражений со стороны тех, кто призывал и без того задолбанных работой людей ещё и на коммунистические субботники, завывавших с трибун о верности идеалам коммунизма и не сильно утруждавших себя в протопленных райках. Не дождалась. Или забыли о своей "верности", или не смогли толком возразить. И где же весь научный-пренаучнейший коммунизм? Или он, как и колбаса, из того материала изготовлен, который для населения? И странный советский вопрос: а где же мясо? Ищите, народные контролёры, ищите, как найдете – можете меня назад в СССР звать. Вы же неплохо и при той власти жили?

Кстати, если вы уж так хотите что-то вернуть, то выправьте мне мою Родину.

"Божею поспѣшествующею милостию, Мы, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великий Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новогороданизовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій, Наследникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій и прочая, и прочая, и прочая" – так звался мой Государь.

А что оставили? РФ? По конституции захвативших власть Ленина, Свердлова, Троцкого 1922 года? Куда мою Родину дели? И ещё в обрезанный СССР зовёте? Так и вспоминается этимология известного понятия. Всё то же. Бала-лайка, бала-болка, бал-ядь. Жрущий у Бала-Баала.

Почему уничтожалась подчистую только правящая династия России? Почему только для России мировой гегемон выбрал не столько партии и демократию (как оружие), но именно сектантов (ИГИЛ ещё не образован, использовали что есть)? Почему убийцам необходимо было бесследно уничтожить останки "расстрелянных"? Хочешь уничтожить народ? Смени его собственную власть и разбей алтари...Почему?.. Может потому, что Первая мировая война ложно называется мировой войной. Воевал весь Запад против одной России. И эту войну Запад проигрывал. Россия полагала, что война – последний аргумент Запада, но пятая колонна устроила переворот, и в нём масоны и сектанты выступили в качестве потайного оружия против Родины.

А пока я иду к Вознесенской горке. Справа – маленькая часовня. В самом соборе в этот день народу премного, и местечка не сыщешь... Перед часовней стоит поклонный Крест, на нём с одной стороны надпись: "Царю-Мученику Николаю II, Его Августейшей Семье и верным слугам Их с покаянием от русского народа", на другой: "Склонись, Россия, на колени, к подножью Царского креста". В часовне – никого. Здесь легко молится. И важно: Государь назван мучеником. До сих пор противная сила позволяет звать Романовых лишь страстотерпцами.

На фотографиях Ипатьевского дома перед фасадом видна часовня с большим куполом. Часовня ставилась обычно на месте алтаря разрушенной церкви. И документы свидетельствуют, что стояла

здесь некогда деревянная Вознесенская церковь, а вокруг неё располагался погост, т.е. православное кладбище. Так что весь Ипатьевский особняк на костях строен. На вершине Вознесенской горки (по имени церкви) затем поставили каменный собор, а деревянную церковь разобрали в 1808 году. На фотографиях хорошо видно, что часовня находится на одной оси с угловой комнатой особняка, единственной, два прямоугольных окна которой выходят на проспект, два в боковой бывший Вознесенский переулок (Клары Цеткин). И расстояние от окна этой комнаты до купола не более десяти метров (при размерах дома 31x18 м). В самой комнате располагалась спальня государя и государыни. Рядом по линии переулка – спальня царевен.

Только с проспекта дом кажется одноэтажным, потому как располагался на склоне и фасад выходил на горку. Со стороны двора дом двухэтажный. На фотографии видно, что под угловой спальней заложено небольшое подвальное окно на проспект (другие подвальные окна на проспект в целости), полукруглое окно в переулок – в полной сохранности. Следующее вниз по переулку окно "расстрельной" комнаты, как раз под спальней царевен. Сама комната была невелика для "расстрела" 11 человек – около 30 квадратов. Ещё ниже – дверь из переулка в помещение, в котором подрядчик Николай Николаевич Ипатьев принимал заказчиков, в контору.

И всё же почему вначале водили экскурсии в "расстрельный подвал", а потом всё срывалось вместе с подвалом экскаватором на значительную глубину, причём до середины нынешнего широкого проспекта Карла Либкнехта? Снесли весь квартал вместе с другими домами, представлявшими собой архитектурно-историческую ценность, до самой Исети. И ничего не построили. Так и порастал сорной растительностью пустырь – бывшее кладбище до того часа, когда уже РПЦ в начале XXI века возвела здесь величественный собор.

Ох, интересно рассматривать старые фотографии. Деревянная часовня с широким куполом на одной оси с угловой комнатой... В 1808 году церковь была уже старой и часто именовалась Старо-Вознесенской. Одна из первых, если не первая в Екатеринбурге. А первую церковь в новом поселении русские ставили обычно... Правильно, на капище Баала, либо кого-то из его чёрной свиты. Возможно, Гекаты. Известнейший чернокнижник Яков Брюс в курсе. Он и дал имя новому месту – Екатеринбург.

Что-то, видимо, ещё оставалось от чёрного капища – ропаты, но при возведении храма оказалось в крипте или под криптой храма. Если алтарь церкви выходил на будущий проспект (восточная часть), то сам храм занимал... часть дома Ипатьева. На одной оси с угловой комнатой. То есть, ропата располагалась где-то от комнаты под спальней до часовни.

Все храмы Екатеринбурга имеют каменные подвалы и не одного уровня – такова местная особенность. И о подвале старой церкви, засыпанном со стороны улицы и выходящем в подвал дома, чернокнижники, сектанты, сатанисты не могли не знать. Опять смотрим на фото: даже часть фундамента видна!

На фотографии дома Ипатьева 1928 года часовни с широким куполом уже нет, следы фундамента не видны...

"...представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка... Проект Постановления ЦК КПСС прилагается. Просим рассмотреть. Председатель Комитета Госбезопасности Андропов..." – 1975.

И в 1977-м загудела строительная техника. И Б.Н. Ельцын, оправдываясь, говорил, что он тут ни при чём.

Да, поставили храм, но покалялись ли?

Дверь в кадре

Покалялись ли...

Или иногда с вызовом: а меня там не было!

Так ты ничего и не осмыслил, и никакого поступка совершить не в состоянии. Осознанного действия. Не человек ещё. Человек, хрупкий мыслящий тростник начинается с: я так думаю, я делаю так. Так принято, все так думают – отпадает. Потому и надо кому-то, чтобы мы ни о чём не думали, тем более, не поступали по-человечески.

Или хотя бы по-русски: пожалеть...

Не говорили – муж жену любит, говорили – жалеет.

Разъяснение, представление о чем-либо – информация. Знания о фактах, идеях, событиях... И если кто-то отстраняет от себя огромную часть знания – дело его ответственности. Другое дело, если информация скрывается или подаётся ложной. Но это уже вражье дело.

Живём в обществе, которое информационно формируется, преобразовывается, управляется. Отношение к прошлому, отношение к настоящему с его целями и задачами на будущее, где мотивы мы черпаем из осознания самих себя. Миллионы вопросов часто не осмысливаются нами критично, но именно ответы на них играют решающую роль в нашей жизни, влияя на окружающих. Таково есть.

Война полыхает на всём Земном Шаре – информационная война. И нашего согласия не спрашивает.

Покаялись ли...

Есть и такая информация: за каждого погибшего в доме Ипатьева Бог дал России десять лет наказания. Если покаемся. Сто лет прошло. Море крови пролито. Будут ли ещё десять лет столь же тяжкими?

1918–1928 – Красный террор. Троцкизм, о котором в базовых советских учебниках ни гу-гу.

1928–1938 – Репрессии, т.е. продолжение Гражданской войны против безоружного населения. Коллективизация (возвращение к системе имений с другим собственником, кушать-то надо). Индустриализация (до Сталина дошло, что слабые – лёгкая добыча Запада), и какой ценой...

1938–1948 – То, что потом назвали Второй мировой войной, и последствия.

И так за каждого... Мало?

Мы привыкли внешне воспринимать мир, но всё в нашем мире – это результат явления невидимого (духовного).

Незадолго до страшного события по приказу из Москвы в Екатеринбург прибыли две группы иностранцев. Одна группа совсем не знала русского языка, общалась только между собой на венгерском. Часть этой группы и была выставлена на посты в роковую ночь. Другая группа остановилась в другом месте, но тоже русский язык разумела мало.

Восстановить картину событий постарались многие, но, начиная с того момента, когда семья вошла в расстрельную комнату, картинки разнятся. И только один вариант событий укладывается в показания.

Фотография комнаты, сделанная во время следствия, чётко зафиксировала дверь, рядом с которой красуется ритуальная надпись. Совсем не мелкими буквами, всё читается. Но к надписи ещё вернёмся. А пока – дверь. И отчего она так хорошо видна на снимках комнаты? Следы пуль на стене, но не они в центре внимания. Эта дверь занимает половину снимка. Кто-то для непонятной отчётности старался? Если рассмотреть план дома, то ведёт эта дверь в подвальное помещение под спальней государя и государыни, т.е. в ту часть, которая является продолжением подвала бывшей на этом месте Старо-Вознесенской церкви. А на месте церкви, как помним, находилось капище Гекаты.

Позднее преобладала версия, что в комнате за дверью были сложены вещи хозяина дома. Проверили? ДО или ПОСЛЕ?

"Самый расстрел прошёл незаметно, хотя и был произведён почти в центре города. Выстрелы не были слышны, благодаря шуму автомобиля, стоявшего под окнами дома во время расстрела", – вспоминал один из свидетелей.

Были расстреляны четверо: Анна Степановна Демидова, Иван Михайлович Харитонов, Алексей Егорович Трупп и Евгений Сергеевич Боткин. Участвовали в этом те, кто говорил по-венгерски. А затем открылась загадочная дверь, и к отведённой на ропату семье подступили те, кто прибыл специальным литерным поездом – профессиональные резники. И из тайных подземелий звуки не просочились.

Видение о. Николая Гурьянова записано так: "Детей истязали на глазах онемевших святых страдальцев. Особенно истязуем был царственный отрок, отрада и утешение их ангельских сердец. Царица не проронила ни слова. Государь весь стал белый, – батюшка повторял и плакал, – как их мучили, помните об этом и не забывайте. Царственный мученик своими страданиями спас нас. Если б не муки Царя, России не было бы. Царь очень жалел и любил Россию и спас её своими мучениями. Он отдал на заклятие наследника Алексея – отраду и утешение своего сердца. Господи, что они с ними со всеми сделали... Ангелы рыдали: что они со всеми с ними творили. Земля рыдала и содрогалась. Была тьма. Умучили. Разрубили страшными топорами и сожгли, а **пепел выпили...** Пили и смеялись..., окаянные жиды... Изверги умучили не просто Царя, а принесли ритуальную жертву..."

Доказательство осталось на стене расстрельной комнаты возле этой самой двери. На фото оно хорошо просматривается. Смысл магической надписи: жертвы преданы НЕТИ – вавилонскому божеству Белу. На этой земле и памяти об этих людях нет – таков смысл заклания.

В преддверии 60-й годовщины октябрьского переворота дом Ипатьева был снесён, и к людям стала приходить небольшими частями правда. Проснулся интерес к последнему самодержцу, его се-

мье. Что вместе с домом разрушится и вавилонское заклание – Ельцыну ли это знать... А к месту разрушенного дома стали приносить цветы, ставить свечи...

Вот и мне довелось поклониться моему Государю...

Пора возвращаться в hostel, разбитая спина болит, с ног валюсь. Надо отдохнуть. Впереди – Царский крестный ход.

Вера – тоже дорога

Только на пенсии удалось спать по ночам. А так – всё смены, потому как у женщины работа в доме не прекращается. А Царский крестный ход на всю ночь. Отдохнуть просто необходимо. Но вдруг засыпаю сразу и глубоко. И просыпаюсь еле-еле...

Монахини (мать и дочь, живём в одной комнате) вычитывают каноны и молитвы к причастию, их надо оставить в покое. Юная башкирочка Эльзира всё так же сидит с учебником на кровати – послезавтра экзамен, – поступает в мединститут. Абитуриентка института культуры, весёлая танцовщица куда-то убежала. И лишь Леночка из Томска предлагает мне выпить чаю.

Идём на кухню. Леночка сначала что-то говорит о продаже квартиры, потом спрашивает:

– Может, и мне пойти с вами на ход?

– Что ж нет? Потом всю жизнь вспоминаться будет к добру...

И мы направляемся поосновательнее.

– Славные монахини наши... Ничего не ели, только молятся, – Леночке сложно одной, поговорить бы...

Мне же нравится слово "наши".

– Представляешь, мать и дочь были обычные атеистки откуда-то с Волги. Но девочка вдруг стала ходить в церковь, а в восемнадцать лет сказала матери, что хочет уйти в монастырь. Мать: ох, ах! И... тоже ушла в монастырь. Они в разных монастырях, но в одной Калужской области. Православная выставка идёт, они от своих монастырей и приехали поработать. Вот так и видятся...

– Нда-а... Характеры крепкие... Ещё те... Мы всюю лопаем, а они к причастию натошак! И в путь дальний... Я бы в обморок шлепнулась.

Насколько далека дорога наша, не могу и представить.

Одеваемся как положено. Юбочка, верные мокасины. Тёплая кофта – ночь обещает прохладу. Постиранный платок уже подсох, выглаживаю досуха утюгом. Время ещё есть.

Закончившие правило монахини предлагают свой молитвослов:

– Вы будете причащаться?

– Где мне... Я ж с дороги, и питаешься чем найдешь, и не готова. Вы-то знаете, что недостойно к причастию лучше не подходить. Домой вернусь, там уж всё по полочкам...

Договорились взять на четверых в складчину такси, так и отправились к собору.

Уже на проспекте Ленина (продолжается большевистско-сектантская кодировка нашего сознания, не случайно нас лишили исходных, старых названий нашего места жительства) чувствуется нечто необычное, а мы ведь собрались заранее. Народ идёт и идёт, для машин на центральной широченной улице едва полоска осталась.

– И это скоро переключат, – сообщил водитель.

Но удалось проехать и на Карла Либкнехта (а этот каким боком сюда затесался?). Здесь хозяйничала ГАИ, едва нашли место высадиться за большим автобусом и присоединились к приехавшим перейти проспект. За автобусом встал другой, третий... Люди, люди, люди...

И спокойствие в душе: эти не толкнут, не обидят, не наговорят лишнего, как бы тесно ни было. Это не демонстрация. Это – верующие, и здесь всё другое. Улыбка – значит, сияет, слово – значит, поддержка. Это у западных психологов толпа, а здесь – люди. Просто очень много людей. С трудом наша четвёрка спускается в сквер перед храмом, ровно до табличек "Исповедь. Причастие". Дальше пройти невозможно, да и смысла нет. Недалеко перед глазами огромный экран, видно будет.

Я люблю эти лица, они другие, нежели просто на улице. Каждое одухотворено. И говорить с любым легко. Но все сосредоточены – не то молятся, не то тихо ждут Литургию. Одеты просто, словно оставили работу в поле, дома, да и пришли. Менеджеров что-то не видно. Моя Россия. Не люблю слово "патриотизм": латиницей отдаёт. Ведь можно просто и родину, и людей её любить.

Ещё днем думала: если в соборе служба, то где же будем молиться ночью? Тогда не обратила внимания на помост-возвышение у памятника убиенным. Но как раз там уже и большое изображение Спасителя, и престол. А иконостас, отделяющий алтарь от грешных? Но пришли священнослужители

и встали рядом – вот и живая завеса. Конечно, хотелось подойти под благословение если не к самому Патриарху, то к архиерею, но где там... В ложе расположились почётные гости. Служба началась.

Вдоль всего сквера к табличкам подошли священники, даже в тесноте люди пропустили вперёд тех, кто готов к исповеди. Наши монахини встали в одну из таких очередей, и до следующего дня мы с Леночкой так их и не увидели, нас оттеснили к краю. Найти друг друга нереально, то тут, то там крики потерявшихся. Но мы смотрим на экран, вся служба, которую ведет Патриарх, и слышна, и видна. Видны и почётные гости.

Но вот несут Чаши. Сколько их? Может, сто? И вновь люди подстраиваются, пропуская вперёд причастников. Это счастливы. Заслужили молитвами своими, трудом души, покаянием своим. А мы просто смотрим и удивляемся, что, оказывается, можно причастить за один раз многие тысячи людей! И последние молитвы, отпуск, напутствие Патриарха, он спускается с возвышения, чтобы возглавить крестный ход.

Разрозненные группы людей поворачиваются в одну сторону, перестраиваются в ряды, и огромная масса людей как по единому взмаху ангельского крыла трогается с места – все и одновременно. Замечаю, что у людей на плечах уже и носилки с чтимыми иконами, и кресты, и свечные фонари в руках. Кто-то бьёт в колокол, подвешенный к походной раме...

Из Вознесенского переулка у храма выходим на Карла Либкнехта, сворачиваем на Ленина. Движение на улицах уже встало: крестный ход. В честь дорогого русскому сердцу Государя. Идём, словно возвращаемся в своё прошлое, чтобы многое пересмотреть, переосмыслить, прежде всего, в себе.

Плотинка. Огни большого города отражаются в чёрном большом Исетском пруду. Кто молча идёт, кто Иисусову молитву твердит, а совсем недалеко небольшой хор поёт любимое мною "Кресту Твоему..." А у меня на ходьбу едва хватает дыхания: в темпе шагаем.

Проспект Ленина плавно переходит в уже хорошо знакомую улицу Татищева, вот и кубы ближних к хостелу домов рядом, так хочется свернуть, улечься под тёплое одеяло... Но отгоняю наваждение: это прилог. Стоило ли такую дорогу даром ехать? Но говорю Леночке:

– Если хочешь, возвращайся...

Но она мотает головой:

– Такое лишь раз в жизни...

Огромный людской поток сворачивает на Токарей. Здесь только придорожные фонари. Чувствуется ночная прохлада. Но все идут сквозь ночь. Вперёд. Вера – тоже дорога. История – тоже дорога. Покаяние – тоже дорога. И жизнь – тоже дорога. И надо пройти всё до конца.

Это мой народ

Это мои люди, я с ними иду сознательно, добровольно. Мы пришли из жуткого XX века и остались собой. Это те люди, с которыми я хочу идти дальше.

Разве только Екатеринбург и область проделали дорогу, чтобы стать на этот путь?

Батюшка, государь наш, да мы – вся Россия, прости ты нас!

Чуть засветлело, видны большие безобразные коробки домов городской окраины. И в них не спят, кто-то догоняет идущих, кто-то машет в окно. Огромный город! А уже устали... Обгоняет бабушка с костылем, и мне стыдно.

– Леночка, мы как-то идём неправильно... Вот на бабушку посмотри: она как на лыжах, шаг широченный! А мы по привычке, словно на каблуках...

Леночка кивает на берцы обгоняющих нас военных в камуфляже, и стараемся шагать так же размашисто. Встало на место и дыхание. Ходить ещё и уметь надо!

Сначала я всё оглядывалась по сторонам: скопление людей очень опасно. Но успокоилась: каждая из поперечных улиц перекрыта большой машиной, рядом полиция. И у каждого полицейского ободряющая полуулыбка. Мы не против власти, мы под защитой.

Ещё светлее. Дорога поднимается на взгорок, на самом высоком месте стараюсь посмотреть и вперёд, и назад, и... Впереди так и не увидела начала шествия, а сзади – конца. Сколько же людей? Четыре полосы дороги, плюс зелёная полоска травы посередине, по которой люди тоже идут, плюс два тротуара... Даже любопытствующие стоят за тротуарами, дабы не мешать... И огромный живой поток движется всё вперёд и вперёд под лучами проснувшегося солнца.

Вспомнила, что так и не переводила свои часы на местное время, да это уже и не нужно.

Только где-то за железной дорогой город начинает сходить на деревянные домики, а потом мы и вовсе вступаем в лес. Этой южанке, отвыкшей от шума берёз, надышаться бы на годы вперёд...

У обочины небольшие аккуратные штабеля бутылочек с питьевой водой. Леночка на ходу схватила две. Местная, уральская вкусная водичка. И об этом кто-то позаботился. По всей колонне то тут, то там хорошо видны молодые люди с небольшими плакатами, на которых читается номер телефона и просьба обращаться, если вам или вашим спутникам становится не по себе. Но эти добровольцы пока без работы. Пусть так будет и дальше. Казалось, я иду уже не на втором, а на третьем дыхании, но среди родных берёз словно догнала грешницу чья-то утренняя молитва, и под восходящим солнцем и шагало, и дышалось, и улыбалось.

Это мои люди. Мне с ними хорошо и жить в одной стране, и шагать сквозь ночь. И мы дойдём.

Поворот на другую дорогу по дну неглубокого оврага. Просёлок, опять выходим на асфальт. Первый указатель "Ганина яма". Ещё не так близко.

Это мои люди. Выходят из леса, никем земным не управляемые, но единые – всё вперед и вперед... Зачем? Принести покаяние...

И в любой толпе я теперь буду искать такие живые глаза, такую припрятанную улыбку покоя души. Мы сильные. Мы есть. Мы будем.

Просто не бросаемся в глаза среди ярких тряпок, озабоченности, суетливости не проснувшихся от материальности душ.

Вот и монастырский коричневый забор. У полевой кухни нам выдали по миске гречневой каши и по стаканчику горячего чая. Сил нет. Кто-то уже прилёг на захваченные предусмотрительно с собой коврики из пеноматериала. Мы со своей кашей пристраиваемся на обочине, и не перестаю удивляться: поток прибывает и прибывает, тысячи людей, тысячи и ещё тысячи.

Ситуацию выравнивали казаки, сдерживали напирających людей и следили за посадкой в автобусы. Автобусы отходили один за другим, но людей меньше не становилось. И здесь в силу вступило скрытое достоинство христиан: не напирать, уступить, пропустить вперёд. Неорганизованное скопище людей как-то потихоньку рассасывалось. Ни криков, ни повышенных голосов, ни толкотни. Вдоль казачьей цепи один за другим к очередному автобусу. От сердца отлегло. Да и казаки хорошо работали.

Это мои люди. С ними – можно.

Нежного счастья

К порогу хостела все четверо вернулись почти одновременно, порадовались, что всё благополучно, уселись пить чай. Разговор не очень клеился, сами устали, впечатления ещё не созрели. Разбрелись по коечкам – и тело, и душа просили отдыха.

День за окном встал солнечный, отличный. Обитатели хостела разбрелись кто куда, тишина. Меня ж ночные смены приучили, что лучше поспать только пару часов, а навёрстывать основной отдых лучше всё же ночью. Так и настроила внутренний будильник, но организм отхватил своё на три с гаком.

Завтра в обратный путь, а сейчас, по мере сил, надо посмотреть этот Екатеринбург, погулять, что ли. Огромный город между Россией и Сибирью, между северными горами и южной степью, все путедороженьки на него сходятся – и правые, и неправые. И кто победит? Великомученица Екатерина или Геката? Всё как всегда по Фёдору Михайловичу: поле битвы – сердце человежье. И битва идёт невидимая, незримая. Каждый день, каждый час. Важно, на чьей ты стороне, и плох тот, кто желает отсидеться в благополучии. Не выйдет, не получится, найдут и за грудки возьмут. Лучше самому.

А пока можно побродить по улицам, съесть мороженое. Дом Севостьянова у Плотинки, парк. Не жарко, это не знойный Кавказ, где кровь застывает после полудня, это очень подходящее лето. Плодотворное. Парк у реки небольшой, но интересный. Часовня Александра Невского. Куйбышева, 8 Марта (знали бы женщины, какие были у жены права по царским законам...).

Как не зайти в храм-колокольню Большой Златоуст? Радуются глаза и сердце восстановленному.

Возвращаюсь по улице Попова (хочется думать, что в честь физика Александра Степановича) и упираюсь лбом в громаду Екатеринбург-Арены во всей красе... И людям даже не кажется ненормальным массовый футбольный психоз. Отчего он возник? Хватит умничать... Не поймут. Развлекаться – оно приятнее. Как и права качать вместо исполнения обязанностей.

У себя начинаю перебирать и укладывать уже в дорогу рюкзак. Остальные смотрят с интересом, им ехать поездом. Но Леночка уезжает завтра после обеда, а матушки остаются ещё на день – закрытие выставки. Только у меня расписания нет, встану, утренние дела, в путь. Матушек и просить не надо, помолятся за грешницу. Вот, даже маленькое благословение подарили и небольшой образок на картоне – троих Оптинских насельников, убитых сатанистом в Пасху 1993 года. Люди ещё думают, а я

знаю, что они – святые. Они и помогают на дорогах втроём: отец Василий – старший, отец Трофим у него правая рука, со всеми техническими неполадками поможет, а отец Ферапонт вроде брата милосердия, если помощь медицинская нужна. Вместе ушли на небо, вместе и работают у Господа. Мне шофера рассказывали, всякое бывало, никто не застрахован. Но об этом обычно молчат. При современном состоянии умов порой и просто разговаривать сложно. А я что? Вот, сижу в кабине, да и соскочила на нужном повороте, мне можно сказать.

Утром прощаемся легко: поняли друг друга.

Вот и выход из города на Ревду. Ещё бреду по тропинке вдоль трассы. Догоняет парень, мой вид его несколько озадачил:

– Автостоп?

Сам на такого же не похож. Аккуратнее в разговоре.

– Что-то надо?

– Мне б на Суксун, но зарплату не дали... Не останавливаются!

Тоже, может, легенда.

– И не остановятся. Кругом камеры. Остановка запрещена.

– И что делать?

– Пройти дальше, где камер нет. Или на заправку.

Вот так все развязки, входы-выходы рюкзаки на нашем горбу едут. Порой километрами. В лице парня недоверие. Шагаю вперёд, впереди как раз заправка. Первый же водитель готов подвезти до Ачита. Парнище ещё входит на заправку, я уже выезжаю на иномарке. И от обоюдного недоверия ничего не осталось.

У водителя аудиокнига – "Алхимик" Пауло Коэльо – знакомо, но вслушиваюсь. Водитель улыбается и делает погромче. Вот и нужный поворот, тащу на себя лямки рюкзака, но получаю вопрос:

– Как вам эта книга?

– Интересная образная система. И очень хороший вывод, он там, ближе к концу – мы можем найти своё сокровище, быть счастливы только на родине. Во всем другом мире – только благополучны... Но аккуратно с автором, сейчас информационная война, можно влететь...

И оба улыбаемся пониманию.

Теперь Volvo на Месягутово. И хочется посмотреть на Красноуфимск, но такой транспорт терять нельзя. Так и проплывает за стёклами уютный городок, к которому тянется душа. А мне известно только, что в сентябре 1836 года здесь задержали старца Феодора Кузьмича, в остроге он получил 20 ударов кнутом, потом выслан был в Томскую губернию. Причём Феодор Кузьмич сказался неграмотным, и руку к документу за него приложил свидетель. А потом в ссылке он же с епископом Иркутским Афанасием разговаривал на французском языке...

Рассказываю эту историю водителю, ему интересно. Вообще, наши любят историю, этого не отнимешь.

Проплывают за стеклом кабины и Сарсы-вторые и просто Сарсы. Но между путём туда и путём обратно уже встало в душе нечто великое, что ещё предстоит осмыслению.

Есть люди, которых утомляет дорога, у меня ж мироощущение становится сродни детскому: всё внове, всё надо воспринять, осмыслить. Всё внимание на окружающее, и пристальное внимание.

Перед Месягутово прошусь выйти чуть раньше – просто перевести дух. Машу благодарно рукой. Под группой молодых берёз в стороне, к которым пробралась сквозь заросли цветущего донника, спокойно перекусываю с горячим чаем. И на стороне холмика, с которой дороги не видно, утопаю в духмяных золотых цветах.

Как это здорово – смотреть в небо! Покой в душе. Покой обратного пути, когда не беспокоишься: дойдёшь – не дойдёшь, а просто наслаждаешься тем, что вокруг: простым жёлтым донником, матовостью коры молодых берёз, долиной, в ладони своей держащей жизнь коричневых домиков, их обитателей. Нет, Россия не в столицах. Россия в самых простых домах со всеми их хлопотами. И в этом – маленьком счастье, в этом благословении отдыха в мягких, облитых нежарким солнцем цветах.

Родина – сородина

К вечеру добираюсь до М5, бреду вдоль посёлка в поисках ночлега, но тут дорого. Чистенький вестибюль, белая плиточка пола, портье – девица при тяжёлом макияже и белой блузе. Брезгливо поглядывает на мои следы от входа по плиточке. Называет цену, морщусь я:

– Лучше бы вы лужу у входа засыпали. Видите, следы по полу. Вам только подтереть, мне запасные джинсы переодевать надо, а мне ещё четыре дня пути.

Что-то не так у наших бизнесменов. Нужен простой постоянный двор, а не европейское обезьянничанье с нереальной стоимостью и лужей 10х15 м за порогом.

Покидаю "гостеприимный" посёлок. Иду, сколько могу, до подходящей лесополосы и – зигзагом в рощицу. Прошёл дождь, но нахожу высокое сухое местечко под деревом. Приходится переодеваться с вечера, промокшие по колено джинсы вешаю рядом на сук.

А в голове – "Размышления у парадного подъезда" Некрасова: "И пошли они, солнцем палимы..." Если талант – то он вне времени. Всё из сего дня, а по написанию – середина девятнадцатого века. Вся разница, что за заставой есть всё же харчевня убогая, и насчёт водки перегнул демократ.

Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи...

Да была бы у меня телега! Это же класс! Телега – это с весны до осени, не под санями же... Степь – не северное болото. Телега – даже не палатка, в сто раз лучше! Занавесился от ветерка (если есть необходимость), завернулся в овчинный тулуп покруче любого спальника, да на свежем воздухе! Да и настоящий тот спальник как раз из овчины. Про крестьянские продукты лучше не думать, подсаживать начинает. Лучше спать, сбросить хоть часть накопленной усталости.

Будит шум трактора, оглядываюсь, вслушиваюсь, словно зверёк в кустах, осторожненько. Мимо. Уже светает. Утренние дела. Ищу место для огня, тихо ахаю: склон холмика покрыт кустами черной смородины! Откуда она здесь? Кто посадил? Приглядываюсь – остатки жилья... Но смородина крупная, душистая, вкусная! Вот, переживала, что только хлебушек остался! Наедаюсь вволю, запиваю чаем, в пакет собираю ещё про запас. Пора на трассу. Помяни, Господи, посадивших свою смородину и оставивших родной дом...

Лучи вставшего солнца делают сочной зелень полей. Как радуешься им, видимым в окошечко – в просвет меж тучами. И весь ближний мир в свете и цвете.

И всё же больше любят меня грузовики, нежели прочие на колесах.

– Сама-то откуда?

– Из Таганрога.

Ляпаю, не думая. Про Чёрное море неча сказки рассказывать. Важно назвать город, который знаешь. Да и Таганрог далеко.

– И там святые есть?

Рассказываю об отце Павле Таганрогском. Говорю, вдруг самой становится интересно, что-то тут есть, какая-то невидимая нить, связавшая государя Александра Павловича и святого незнаемого странника. Не просто же так старец Феодор Кузьмич в мир явился.

Казалось бы, просто житие святого. Родился Павел Павлович Стожков в семье богатых родителей в Черниговской губернии в 1792 году. Родители готовили мальчика для государственной службы, постарались сделать всё, чтобы он стал образованным человеком. Но в 16 лет он ушёл в своё первое паломничество, вернулся домой через год. Отец сурово наказал его и запретил покидать дом. В 25 лет Павел Павлович получил изрядное наследство: триста крестьян, скот, землю. Наследство позволяло безбедно жить и в столицах, продолжить образование, но крестьяне получили вольную, имущество было продано, деньги получили нуждающиеся, а сам барин надел простую свитку и ушёл в странствие. В многолетнем путешествии своём побывал на Соловках, в далёкой северной Верколе, был прекрасно осведомлён и о южнорусских монастырях, но более прочих почитал Киево-Печерскую лавру и Почаев. После тридцати лет поселился в Таганроге, в коем и жил до самой кончины в 1879 году. Вкратце всё.

А теперь вкратце об Александре Павловиче и Таганроге. Царь выехал на юг 22 августа 1825 г., а 14 сентября был уже на месте. Причём традиционный молебен "на дорожку" в Казанском соборе был им пропущен, а помолился государь только в Александро-Невской лавре у мощей своего небесного покровителя, князя нашего благоверного Александра Ярославича, и у могил дочерей. По приезде (14 сентября) занимался он обустройством дома в ожидании государыни-жены, вплоть до того, что сам расставлял мебель и забивал гвозди под картины, – здесь супруги намеревались провести зиму. Быт в небольшом по дворцовым меркам доме по простоте своей напоминал уклад помещичьего дома, отнюдь не богатого.

Это по документам. А если я сама по России еду? Что ж получается? 2100 км за 14 дней... 150 км/сутки. Если коляска, то 15 км/час, 10 часов в день езды. Не считая смены лошадей, обихода, приёма пищи, сна... Две недели в дороге в таком темпе... Да это не поездка, это бегство! И тому были веские причины!

Водитель согласен с раскладом, а это много значит.

– Но кому царь так насолил?

– Наполеону и иже с ним насолил?

– По первое число.

– А тем, кто королей на плаху отправил в революцию? Людовика и Марию-Антуанетту?

– Народ, что ли?

– Народу убийства не нужны. Тем, кто приговоры подписывал от имени народа при захвате власти?

Рассказываю о Пасхе в Париже в 1814 году. Совпали тогда православная и католическая пасхи, короли, вступившие в Париж вместе с российскими войсками, приняли приглашение на празднование. На площади Согласия на месте революционной гильотины был сооружён помост, на котором был совершён заупокойный молебен по Людовику XVI и Марии-Антуанетте. Во время Литии Александр Павлович опустил на колени, его примеру последовали военные, а за ними – пришедшие поглазеть французы. По окончании многие присутствующие вместе с православными сочли необходимым подойти к нашему кресту. Плакали. Каково было на это смотреть революционерам? А каково тем же масонам-иллюминатам, скрыто руководившим кровавыми событиями? Это не те люди, которые прощают или забывают.

Не секрет, что после того, что вытворили в Москве "цивилизованные" французы, ожидалось и повторение подобного в Париже. Но казаки разбили бивуак на Елисейских полях, купали лошадей в Сене (весной), покрикивали на владельцев закусовых: "бистро!" и радовались приказу о возвращении на родину. И не держали зла на сердце.

Это успела рассказать одному водителю. Пересадка. Пообедать негде. В стороне ставлю чай и доедаю остатки хлеба. Смородины ещё много.

Калики переходные

О старцах уже вспомнили, кажется, всё. А кто такие калики переходные-перебродные? Вроде, ходили по дорогам в лаптях, ну там, в монастырь, на богомолье... Побирались. И их почему-то любили. Порой калеки, эти калики. Песни пели, былины. Это уже много для постсоветских.

Вот и заглянем в былины. Сначала о нашем святом богатыре Илье Муромце, нетленные мощи которого доныне почивают в ближних пещерах Киевской лавры. Почивать-то почивают, только монахи, смотрящие за порядком, каждый год, а то и не раз в год меняют изношенную обувь у почивающих. Так что с нами наш дорогой святой, где-то рядом может оказаться. Спрашивают, как же с Новым годом, если пост на дворе? Всё в порядке. Я день святого Ильи с вкусной рыбкой праздную. Даже на картине Виктора Васнецова "Три богатыря" у святого нашего защитника и у Деда Мороза много общего.

У Алёши Поповича (с гусями) и самого Ильи шлемы на головах обычной формы, а вот у Добрынюшки Никитича что на голове? Вроде, тоже шлем, да не совсем. С полями шлем, и верх конусом. А вдоль полей по ободу обычно располагали небольшие образки Спасителя, Девы Пречистой, святых покровителей паломников. И шлем тот назывался греческая шапка – обязательный атрибут паломника, странника полного опасностей пути в Святую Землю. Так что и Добрыня, могучий дядя самого князя Владимира, не кто иной, как калика. От слова калиги – сандалии путешественника по пустыне или полусапоги.

По болезни сидел на печи Ильи, но приходят тут эти калики, и начинается... См. далее хрестоматийный текст. И сам святой Владимир Красно Солнышко встречает калик такими словами: "Уж вы здравствуйте, удалые добры молодцы, уж как все ли калики переходные!" А ещё чуть дальше: "Приходили калики переходные, они крест кладут по-писаному, поклон ведут по-учённому"...

Возвращающиеся из Святой Земли приносили пальмовую ветвь, невиданную на Руси, и она тоже служила пропуском в каждый добрый дом, как и заморские калиги, как и шапка греческая. По той ветви и звались паломниками. Приносили греческую учёность, рассказы наизусть о святых, их подвигах, песнопения. Русские калики упоминаются в "Хождении Даниила игумена в Иерусалим" и в записках Стефана Новгородца. Былины повествуют о каликах, державших путь "из монастыря Боголюбова к славному городу Иерусалиму". И не всегда просили милостыню, холодными зимами просто учили детей грамоте, счёту, Закону Божьему. Сами проповедовали аскезу, следовали ей. И привечали их и в бедных избах, и на купеческом дворе, и в княжьем терему. Но сами калики выбирали монастыри, куда приносились и особо ценные книги. Постриг принимали редко, проведут в тепле зиму – и

опять в путь. Порой странствовали всю жизнь, так и не имея угла. Так и шли от селения к селению между Богом и миром. Древний государственный устав причислял их к людям церковным.

Есть в церковной архитектуре слово нартекс – притвор храма, преддверие веры. Здесь молились оглашенные – те, кто ещё не вошел в полноту церковную. Но нартекс – это ещё и красивое зонтичное растение, из которого делали жезлы, посохи. По латыни – ферула. Сердцевина коленчатого ствола загорается легко, но горит долго, тлеет, потому пастухи переносили огонь с места на место просто в посохе. В сухом посохе легко переносились и свитки текстов, а для сохранения надевался металлический ободок. Позже для уголька стали делать в верхней части отдельное вместилище из керамики или металла. Посох не просто помогал в ходьбе на дальние расстояния, но и нёс в себе и документы, и знания, и огонь.

В "Голубиной книге", сборнике восточно-славянских народных духовных стихов конца XV – начала XVI веков, калики изображены необычно: "Скричат калики зычным голосом, дрогнет матушка сыра земля, с дерев вершины попадали. Под князем конь окорачился, а богатыри с коней попадали"... Часто обладали калики и удивительными дарами, прозорливостью, умением избавлять от напастей.

Ещё одна былина рассказывает о том, как встретили наши богатыри ещё одного Калику, который в ответ на их похвалу накрыл их Своей греческой шапкой, которую они и с места сдвинуть не смогли. Потребовал Калика с них особую клятву:

"А по ней не токмо что палицы,
А и пальца вы не поднимете.
И не то чтобы на калечище,
На убогое, на безногое,
А на всякого, на безвинного,
Что ещё в пути вам сустренется".

Посовещались богатыри, сидя под шапкой, и дали обещание не трогать безвинных и слабых. Сам Христос встретился им на дороге. И не столько физической силой обладали странники, сколько духовной.

Государь Пётр Алексеевич, открывший "окно в Европу", пытался прекратить бродяжничество и пристроить калик переходящих к монастырям. Он приказывал монастырям строить богадельни, ловить и вязать всякую нищую братию. Он писал такие указы, повторяя их не раз. Приказывал и опять указывал... Тяжкое время настало для странников, большие потери они понесли. К XIX веку паломники уже чаще всего из народа, а в дорогах кормились от доброты людской.

Вот к таким-то каликам и принадлежал святой Павел Таганрогский, большую часть жизни проведший в пути-дороге. И послушниц своих отправлял пешими и в Почаев, и на Соловки. Уходили из Таганрога на Пасху, возвращались в ноябре уже иными, уже не с набором хуторских понятий, а видевшими и города и столицы, и людские нравы познавшими на своем опыте. Вот с этим-то человеком и встретился на дороге государь Александр Павлович, возвращаясь из Крыма в Таганрог.

Ещё одна подробность жития святого Павла, зафиксированная очевидцами. Изгонял из человека болезнь "Павло Павлович" чаще всего ударом палки либо по той части спины, которая именуется загривком, либо спереди, ровно по темени. Палка и палка, но после того, как отец Павел отошёл в мир иной, палки в его келье не оказалось. Остались сапоги весом 15 фунтов, иконы, сама келья – небольшой домик, в котором продолжали жить общиной послушницы... Применял палку святой нечасто, но... никто не обижался, не жаловался на боль! Больше того: благодарили. Выздоровливали. Радовались.

Но всегда стоит назвать вещи своими именами. Для простых жителей небольшого тогда южного города, окрестных крестьян – палка. Для высокообразованного государя – посох. И по одной этой причине мог Александр Павлович приказать свою спешащую коляску остановить. Давая наставления, Павел Таганрогский часто постукивал своим посохом по полу и приговаривал: "Яко тут, так и там, яко тут, так и там".

Посох и дорожная палка, трость – одно и то же? По внешнему виду – вполне. А по сути? И посох, и его укороченный вариант – скипетр являются знаками власти. Открытой (царской, церковной) или скрытой.

Посмотрим на картину Василия Сурикова "Боярыня Морозова" чуть внимательнее. На левой руке самой боярыни видим старообрядческие чётки-лестовку. Ещё подобные чётки видим на руке, опирающейся на посох, человека, в котором сразу (!) определяем странника. И человек странный, и посох у него странный. От слова странствовать. Сам в тёмном, с непокрытой головой, на верёвках заплочная

поклажа. Но именно к нему так доверчиво склонила голову юная монахиня. И этот посох... И все окружающие понимают, что это значит! Старообрядцы, никониане – не в этом суть.

Ещё пример. У Джерома Горсея осталась интересная запись об Иване Грозном. Царь приказывает: "Принесите мне мой царский посох; это рог единорога, оправленный весьма красивыми алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями большой цены. Я заплатил за этот посох 70 000 рублей. Мне его достал от аугсбургских купцов Давид Гоуер. Принесите пауков!" Он приказал своему врачу Ивану Лофу очертить посохом круг на столе; все впущенные в круг пауки издыхали один за другим, находившиеся вне круга немедленно бежали от него прочь. "Поздно, этому посоху уже не спасти меня!"

Так что не палка в руках отца Павла Таганрогского в руке была, а посох калики перехожего. Достался он в странствиях от другого калики, с другим странником и ушёл в мир. Может, и сейчас где-то странствует или сохраняется. Может, уничтожен. Может, маги прибрали.

Случайно ли незадолго до кончины посетил отца Павла другой тайновидец – отец Иоанн Кронштадтский? Оба радостно приветствовали друг друга, хоть и видели впервые. А уж богомольцев, паломников в келье старца сколь перебивало...

Не так прост "Павло Павлович", каким видели его жители Таганрога. Но эту непростоту разглядел Александр Павлович, решил поговорить с несущим посох. Получил предсказание: или тебя нагонят враги твои, неминуемая смерть, или иди с нами под Крыло Господне!

Где и как договорились встретиться после инсценировки смерти государя, как сложились дороги – даже не догадаться. Но в 1827 году отец Павел вернулся в Таганрог и уже старался надолго из него не уходить, словно ждал кого-то.

Так что, милые паломники, дорогие богомольцы мои, Павел Таганрогский – наш святой. Зовите!

Колокольчики мои

Опять везёт, опять грузовик. Сверху все легковушки кажутся такими маленькими...

Обгоняет Газель-Next, и уж не знаю, как это они сделали, но в кузове походная звонница с большими колоколами, а над кабиной – образ Богородицы во весь рост закреплён так, словно Сама Владычица над дорогой путешествует. Образ современный, новый, оттого не страшно, что воздух, пронизанный солнцем, рассекает. И я узнаю и колокола, и образ – видела на Царском крестном ходе, несли тяжелые носилки добры молодцы, а я удивлялась, что так стройно идут, пока справлялась со своим дыханием. И начинаю смеяться от радости:

- Сама Дева Мария с нами на М5!
- Что это? Откуда такие? – Водитель озадачен.
- Наши. Тоже с крестного хода домой возвращаются.
- Так вы что, всей Россией?
- А чо мелочиться?

И он начинает улыбаться от уха до уха, даже про смородину, угощение моё позабыл. И вся трасса, попутные и встречные, кажется, тихо счастлива.

Но ему в Самара-центр. Ещё бы раз погуляла по городу, но... помахала рукой на Самара-объездная. Вот так всю дорогу, по пути ровно до поворота...

Опять вода на исходе. Но на узлах пересадка непростая. Только через полчаса тормозит шикарный джип. В салоне чистота и ароматы. Не знаю, как и вести себя в подобной машине, даже ноги ставлю на рюкзак, чтобы не напачкать. И не села бы, но за рулем женщина, молодая, красивая, а глаза у неё печальные. Молчу, но она расспрашивает: зачем, откуда. Отвечаю. Удивлена. Прошу воды, если есть. Она с какой-то радостью достаёт и протягивает две полторашки. Мне только одну. Потому что рюкзак тяжелый. Она настаивает на второй бутылке, и я беру, потому как чувствую, что у неё горе. Есть и такое приложение к молитве: помоги, кому можешь, сделай доброе дело...

Вот и нужный поворот. Джип уходит в сторону, на дорогу к дачам, но тут же тормозит SCANIA. Уже откуда-то знаю о небесной помощи отца Павла и не удивляюсь. Так и есть. Ему в Пензу. Даже немного дальше. И мне немного дальше ровно до поворота с трассы на Тамбов...

- Так ночью ж будем!

Смеюсь и похлопываю по спальному мешку. И протягиваю пакет с последней смородиной.

Дорога назад уже иная. Туда – всё дальше от дома, обратно – всё ближе к нему. И настроение иное. Подходим к Волге – рубеж. Где-то справа остаётся Тольятти, бывший Ставрополь-на-Волге, и опять грустные мысли наплывают. Ставро – с греческого крест как орудие казни. Крест Христов. Вы-

ходит, уже итальянские коммунисты во главе с неким Пальмиро Тольятти у православных целый город Креста отняли... Ну и логика большевистская...

А машина уже бежит к Жигулёвской ГЭС. Это, наверное, тоже надо увидеть и даже немного пережить. И вспомнить, что основные работы делались узниками Самарлага до 1940 года, а с 1950 – Кунеевским ИТЛ. И опять, словно лобовое столкновение русской истории с советской политикой.

Ныне принято идеализировать Советский Союз, дескать, Родина, дескать, за Сталина умирали. Я действительно вижу заслугу Сталина в борьбе (не на жизнь, а на смерть) с троцкизмом. А Конституция Троцкого (1922), разделившая единую Россию на 15 заплаток – на Советский Союз? И Сталин своей конституцией подтвердил то, что разорвало потом в клочки государство. И умирали не за Сталина, а за Родину свою милую – стояли, бились, погибали. За землю свою. Что коммунисты помалкивают? За Горбачёва и Ельцина никак?

Да и не хочется напоминать "ностальгирующим" ни о Гражданской войне, ни о Красном терроре, ни о репрессиях – продолжения той же Гражданской против безоружного мирного населения. Помнят только Брежнева и колбасу по 2-20. О чём говорить с теми, кто жизнь свою палками колбасы измеряет?

Единственное, в чём бы помогла сталинистам, так это в борьбе с троцкизмом. С современным. С продолжающимся. Сталин, при всей власти, так и не вырвал его корни. А троцкизм и от маленького ростка вновь взошёл, распускает ветви...

Нет, не надо говорить о политике...

– Чего молчишь?

Только улыбнуться в ответ.

– Я ж по-честному, водитель не спрашивает, так не навязываюсь...

Но потихоньку находим общий язык.

– Что можно сказать об обществе? Просто посмотреть, как живут старики и поэты...

И он начинает сыпать стихами, современными, старыми. Но более всех – Лермонтова, и, словно оправдываясь:

– Я ж недалеко от Тархан живу...

И я вспомнила простые голубые сентябринки, которые положила на тёмный металл гроба в нише склепа...

Давно это было, еще в 70-е.

– А сейчас все экскурсии, всё едут и едут... А тогда да, сложно добираться было.

– Я не люблю организованных экскурсий... И тогда политикой поэзию забивали. И в стихах эти экскурсоводы не понимают, как, впрочем, и учителя литературы.

– А я тут сидел, думал, и вышло, что его сознательно убили, как и Пушкина. Убили чернокнижники. Ведь, кто этот Мартынов Александр Соломонович был? Масон, который подчиняется ложе, которой руководили из-за границы. И ведь ссоры-то не было! Наш-то, Михаил Юрьевич, в воздух выстрелил, а Соломонович подошёл и убил его. Иначе как при входном пулевом возле печени можно было в сердце попасть? Только в упор... Значит, было задание убить. Царю-то всё равно, а вот чернокнижникам...

– А у чернокнижников власти много, прикидываются невинными. Вот, через Борисоглебск ехала, – ткнула рукой влево, он понял, знает, – там юная девушка на вокзале человека убила. Гимназию окончила, дальше на учительницу продолжать не захотела. А в семье отец умер, надо бы младших кормить..., но пошла в революционный кружок, который получал методические брошюры из-за границы. Кушала дома, никто ей ни в чём не отказывал, нарядная, судя по фотографиям. Пошла и убила. Что это за кружки такие? Откуда взялись, на какие деньги? Кто-то ж сеял в России семена разрушающих идей, а наши прошлёпали...

– И я думаю, что мог один Михаил Юрьевич изменить весь ход русской литературы, а там бы и молодёжь хорошее подхватила. Но чтобы не было в России действительно хорошего, и убили целенаправленно. И не на демократию бы желторотые напирали, не революцию бы с недовольством разводили, а художественно было бы! И в жизни, и в литературе. Так художественно, чтоб дух захватывало! Он бы дал героя в книге, который Россию любит, а не демократию. Вот такого героя и нашего времени!

Согласна целиком и полностью. С хорошо подкованным человеком интересно всегда.

Где-то в забегаловке заправляемся борщом. На стоянку входит грузовик с портретом Сталина на лобовом.

– А что, если портрет Лермонтова на стекло?

Водитель улыбается:

– Надо подумать...

Но вот и Пенза прокатилась по левую руку, хотела рассмотреть и знакомые по командировкам заводы, но толковый спутник тянет время и монотонные километры на себя. Темнеет, и где-то перед поворотом вновь вылезаю из уюта машины в прохладный вечер, на свою дорогу.

Как не любить этих людей?

На стойбище ночлег вновь дорог. Иду по обочине до пригожего леска, сворачиваю крюком безопасности и останавливаюсь на какой-то полянке при осинничке. Дальше идти – под ногами не видно. Пора спальник разбирать.

А утром протираю глаза в полном изумлении. Мешок тонет в высокой траве, первый свет ещё сенью утра отражается в бусинах росы, крупных, чистых, ими усыпаны круглые листики молодых осин, словно собравшихся в круг, чтобы уберечь мой сон. И в рост с деревцами серые побеги, на которых, как в звоннице, висят колокольчики...

Первомайский привет

До южной воронежской развязки добираюсь легко. Как обычно... Но вот развязки...

Они созданы не для нас, человек, а для машин, с уважением только к тем, кто за рулем. Узенький тротуарчик по краю всё же имеется, и я на нём помещаюсь, а вот рюкзак норовит то об ограждение удариться, то к проезжей части съехать. Спина болит и болит конкретно. Уже пробовала проходить напрямую, но там не просто нет и лядащей тропы, но как-то просто болото встретилось. Ну, сделайте ж вы и обходную пешеходную! Нет, только мачты с камерами зенки вытаращили – шаг влево, шаг вправо...

Но после одной петли попадаетесь маленькое кафе. Заведение, по-видимому, собираются закрыть из-за отсутствия мало-мальской стоянки, но мне как всегда "борщ и пирожки в пакетик" в самый раз. Спинальная боль маленько притихает, но надо ещё найти выход на Новороссийск. Девчонки из кафе подсказывают: надо через столько-то метров дорогу перейти, там ответвление. Благодарю, милые. А дорогу на М4 перейти – почти цирковой номер... Нет, спешить не буду, не надо водителей нервировать, вот просто не надо, и всё. Пока стою, боль по позвоночнику нарастает... Но вот и окошко, но вот теперь по прямой. И всё же надо от камер уходить, не возьмут, и ни в какую камеру не увидишь, как разламывается спина...

Везуха. КамАЗ до поворота уже в Ростовской области. Водитель молчалив, занят своими мыслями, так и мне умничать меньше. И всё поглядываю на лежанку сзади кабины, покрытую тёмным байковым одеяльцем. Он перехватывает взгляд.

– Можно чуть-чуть? Почти не отдыхала...

– Откуда?

– Из Ёбурга... С богомолья.

Присвистывает:

– Можно...

Снимаю свой церковный платочек, стелю сверху на подушку. Он одобрительно усмехается. А сон выпрямившееся наконец-то тело накрывает почти мгновенно.

Потом так же внезапно просыпаюсь. Вечереет. Аккуратно надеваю платок и спускаюсь на место. А он все молчит. Что ж...

– Благодарю.

А внутри уже произошло какое-то переключение, теперь до дома почти прямая, можно и ночь в дороге провести. Смотрюсь в зеркальце. Раньше женское моё лицо наводило на ненужные мысли, а теперь морщинки и седина дают свободу. Никто не смущается. Оттого и езжу легче и больше.

Степь. Почему русскими считаются исключительно берёзки? Почему я, уроженка лесной области, и в степи чувствую себя дома? Лёгкий вечерний туман поднимается от низин, скоро дойдёт и до дороги. Закат опять огромный, но приглушён, темнее трава, артерия – трасса в ровную линейку, и по ней с включенными фарами – машины. Зрелище, в стихах не воспетое. А родное.

И ведь это всё поля Гражданской войны. Которую мы не знаем, потому как не давал победивший большевизм всей правды. Ещё встретишь фигуру-скульптуру в будённовке где-то у сельсовета, и всё. А вот могил тех, кто шёл за Веру, Царя и Отечество, не сыскать... Даже мёртвым мстили Советы.

И на могилах павших в Великой Отечественной войне вечный огонь. В вечный огонь своих воинов отправляла и продолжает отправлять власть? Господь, конечно, разберётся, что кому, но неужели от дедов своих мы не ждём поддерживающей молитвы? А как она пройдет сквозь масонско-баальский

огонь на пятиконечной сатанинской звезде-ропате? Может, Господь за такое вот явочным порядком поклонение адским силам, подчинение иноверным и не даст нам распрямить набитую спину?

А если говорить, то как сказать? Останется только то, что Будённый носил всё же "семёновские" усы, а Конно-сводный корпус создал воевавший с казаками за землю малоросс Борис Думенко, расстрелянный в 1920 в Ростове Троцким за антисемитские настроения... А Будённый и Ворошилов были против реабилитации Думенко.

Степь. Зарево. Отзвуки боёв. Огни машин. И мы – мимо, мимо...

Стоп. Поворот. Вновь машу рукой с благодарностью доброму человеку. Я молюсь за вас, хорошие русские люди, помогающие ближнему и не очень. Всё будет путем.

Обычная стоянка на большой дороге. В темноте уже выстроились большегрузы. Надо пройти за них к череде коробочек-кафе, подкрепиться, поинтересоваться ночлегом.

Прямо на пути стоят три женщины средних лет. Знакомо. Предложат и водку, и сигареты без марок, и плечевую – свой бизнес. Спрашиваю о ночлеге. Полторы-две тысячи. Молча иду дальше в очередную дорожную стекляшку. Одна из них почему-то идёт за мной.

Чтобы расплатиться, надо достать кошелёк с наличкой, а для этого надо для начала залезть в рюкзак. В кафелюдно, борщ есть. Нахожу местечко на лавке, скидываю рюкзак, начинаю раскрывать. Пришедшая за мной женщина поднимает крик.

– Пошла вон отсюда, забирай свой рюкзак, выметайся!

Оборачиваюсь, а она на полном серьёзе.

– Иди вон!

Вошла в раж, словами хамку не остановишь. Пришла на подмогу лишь официантка, стала подталкивать её к двери, но у той короткое замыкание в голове:

– Шастают тут всякие по приличным местам!

Безумный накал лучше залить холодной водой. Стягиваю шнурки рюкзака, кидаю его на плечо, выхожу в дверь. Вслед несётся хохляцкая брань.

Прошла вдоль стеклянных коробочек, поесть больше нигде, ночлега нет. Возвращаюсь к выходу на трассу. Прямо на пути стоят три женщины... Увидев меня, две сразу слиняли. Осталась обидчица. Взяла её под горло за шарфик.

– А теперь внятно изложи, чего ты хотела!

Визжит и пытается вырваться. Бить я её не буду. А хочется.

– Ты, хохлуха, с какого хутора?

– Та з ПэршэТравня!

– Слушай сюда. Пойдёшь пешей. По траве. До самого хутора. И там доложишь о состоянии своих порток. Приказ ясен?

– Та йщо ж воно робытсья? Морду бьють кацапы-ы-ы...

У крыльца стекляшки с борщом мужики над этой картинкой потешаются:

– Давай, давай, бабушка!

Внучки нашлись. А в кафешке промолчали.

Делаю резкий поворот, и рюкзак своей тяжестью едва не сбивает с ног вопиющую.

А моя дорога дальше. Мало ли, что ночь. Уж на трассе машина найдётся.

Водитель мне не нравится, скользкий, сначала намекает, потом предлагает "облегчить".

Лесополоса для ночлега подходящая. Открываю на ходу дверцу. Он рефлекторно тормозит.

– Я уже приехала. Поищи другую.

Спускаюсь в темноту. Этот обойдётся без моего привета.

Если бесы злятся и мстят, то что-то я сделала по уму и очень правильно. Есть такое.

А от трассы – просёлок. Пока не скрылся с глаз, делаю вид, что иду по нему. Крюк. И сухое местечко в зарослях акаций находится.

Всё в порядке. Последняя ночь вне дома.

Финишная

Солнце застаёт меня уже в кафе у стоянки за Аксаем. В глазах утренний Дон – песня в степи. Заправляюсь основательно, но воды набрать отчего-то забываю, бывает. Уже не сержусь на себя, потому как жутко болит спина, и спасёт лишь бросок к дому. Но солнышко в глаз – добрый знак. У меня свои приметы, в общепринятые чёрные кошки не верю. И точно, на выходе подхватывает КамАЗ:

– Где поворот на Минводы, знаешь?

– Скажу. Но сначала сама на повороте на Кисляковскую сойду, а там километров тридцать.

И на его одобрительную ухмылку отвечаю, что мне подсказывали водители дороги, пора долги отдавать.

– И всё же с вами, автостопщиками, можно иметь дело. Не скучные. Откуда?

Объясняю.

– Совсем верующая? Лучше скажи, как молиться... Я вот не могу по всем правилам, по книге длинно.

– Это пока не привыкнешь, да и работа своего требует. Дорога – дело непростое. Я вот как живу. Солнышко в небе хорошее такое – слава Богу. Дон такой тихий, в такой дымке с утра – красота – слава Богу. Есть что покушать – слава Богу. Машина подхватила – слава Богу. Вроде и не молюсь, но чувствую помощь рядом. Просто, и всё получается. Потом, дома уже, крепенько за вас всех помолюсь, потому как дома, потому как люди хорошие. Пусть на нас пургу гонят, на русских, но я всю дорогу прошла. О чём это? Что люди у нас – человеки. И я сама – тому доказательство.

Смеётся.

– Или ещё вот что помогает. Вот, спина у меня разболелась или ситуация такая, что порой не знаешь, что делать... А мы часто не знаем, что делать... вообще по жизни, или вдруг надвигается так. Здесь Бога зови: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! И тут подождать немного надо... И всё будет так, как должно быть. А без Бога... кто я на этой большой дороге? Так...

Вот и нужный поворот, даже поговорить толком не успели.

На мой прощальный привет он сигналил.

Топаю со своим рюкзаком вдоль заграждения по съезду, вдруг – на одном из столбиков двухлитровка с чистой водой. Кто-то для прохожих оставил. Или ангел принёс. Это всё равно. Важно: слава Богу!

Небольшой отдых, легковуха, пересадка у Ленинградской.

Рассказывать здешним шоферам об их станицах? Увольте. Хотя под Ленинградской, бывшей Уманской, схлестнулись часть Дмитрия Жлобы и отряд авиатора Первой мировой Виктора Покровского. Потом они схлестнутся под Царицыном. И тот и другой – легенды... Но опять, если про "стального" Жлобу, расстрелянного в 1937-м своими же, известно почти всё, то о Покровском пришлось поискать, начиная с боя под Энемом, когда поезд с новороссийским отрядом шёл устанавливать советскую власть в Екатеринодаре в январе 1918-го. Беззащитный город отстоял отряд Покровского. А в 1919-м разогнал авиатор и Кубанскую казачью раду, обвинённую в сепаратизме по приказу Врангеля. До последнего дня (убит при попытке ареста в Болгарии) в 1923 году видел Россию без большевиков и делал всё, чтобы так и было. Неуёмен был Виктор Леонидович.

А вот всё население Уманской за "подрыв плана сталинских хлебозаготовок" в 1934 году было отправлено на север – депортировали всех, кого не расстреляли. Пустые дома были заселены ленинградцами. И Уманская исчезла с советских карт.

Степь. Здесь на каждом метре чья-то кровь. Сарматская, готфская, половецкая, русская, турецкая, казачья, красноармейская... Не буду развиваться в эту сторону, знающий да знает. Но поражает равнодушие... А вот то, что Аксайский мост проходит по Кобякову городищу, поминаемому в "Слове о полку Игореве", почему-то интересно всем. Вот уж загадки...

А ведь это самое городище просматривается с трассы по обе стороны, больше того, въезд на мост с правого берега проходит прямо по нему. Скол ракушечника с глиной, а под ним норы внутрь. Здесь самая высокая часть местности, с которой хорошо видны и берега Дона, и сам Дон – мимо такого поста не проскочишь, и в последнюю войну здесь шли интенсивные бои. Далеко не всем известно, что князь Игорь отбывал плен как раз здесь. А перед прокладкой автотрассы археологи исследовали небольшие ступенчатые пирамиды...

О половецких катакомбах Кобяковых много нехороших слухов, ими закончились все попытки как учёных, так и неучёных исследовать подземелья. На подземные укрытия положили глаз военные, но после трагической гибели троих военнослужащих предпочли замуровать все известные входы и перенести свой интерес в другое место.

Говорили и о сказочных кладах, оставленных аланским царем Индиану, Стенькой Разиным, о золотом коне, некогда спрятанном казаками. Но даже чёрные копатели обходят стороной это место. Местные жители рассказывают, как однажды провалилась земля у стекольного завода уже в послевоенное время, собрались поглазеть. Вдруг собаки бросились наутёк. А из дыры послышался страшный рык неведомого существа... Предпочли залить бетоном.

Ещё одно сказание связано с именем итальянца Иосафато Бильбао (Барбаро). Этот венецианский купец по возвращении домой написал книгу о своём 16-летнем пребывании в фактории Тана (Азов). Тогда же с секретной миссией из Каира прибыл некто Гюльдебин. Но торговые дела его не интересо-

вали. Гюльдебин отправился к кургану Контеббе. Нанятые работники принялись копать землю, через некоторое время открылся вход в пещеру. В Тану пришло известие о смерти Гюльдебина. И Бильбао уже сам отправляется к Контеббе. Что нашёл он? Неизвестно. Но в конце записи есть приписка "мы нашли всё, как и было предсказано, а потому ещё больше уверовали". То есть, более речь идёт о вере... В те времена (да и сейчас тоже) Средиземноморье покрывала сеть различных орденов, сект, тайных культов. Что мог искать в холме египтянин? Да и с итальянцем он разговаривал только по одной причине: тот принадлежал к "Церкви крови святых" – тайной мистической организации венецианской элиты. Так что, если и увезли с нашей земли сатанинский артефакт – туда ему и дорога. Но до сих пор даже выдавшие виды археологи говорят, откроешь нору – получишь неприятности.

До сих пор нет и приблизительного плана подземных ходов. А те входы в подземелья, которые обнаруживаются случайно, аксайцы предпочитают замуровать, заделать. Археологи нашли небольшую подземную часовню. Здешние бывшие подростки рассказали о большом сводчатом зале, который часовней не назовёшь...

Мне впервые после Урала жарко. Кубанское лето. Страда. Опять КамАЗы, гружённые зерном. И так интересно, если при брежневском коммунизме новороссийский элеватор работал на приём зерна из порта, на импорт, то сейчас зерно идёт в обратную сторону, на экспорт. А поля те же самые, люди те же самые...

Если поставить задачу по определению места, где на Кубани шофера ругаются особо ядрёно, то стоит побывать на Тимашевском переезде. Развязки железная дорога – автотрасса нет, перед закрытым шлагбаумом скапливаются машины, и за короткий промежуток между двумя поездами не все успевают пересечь рельсы. Моя очередная легковуха свернула на улицу, а я всё иду вдоль пробки с рюкзаком на стонущей спине, далеко не у всех интересуюсь, подхватят ли..., вот и сам переезд с будкой дежурного. Он смотрит сочувствующе и предлагает оставить рюкзак и ещё раз попытаться счастья. То, что надо! Но как он это понял? Чуть отдыхаю, благодарю. Слово за слово. Молиться он ходит в монастырь и батюшку Георгия (Савву) хорошо помнит.

Приходит как-то к отцу Георгию человек – привет от Ванги, подарок ценный принёс. Отец и подарок не взял, и с пришедшим разговаривать не стал. Через какое-то время приходит опять человек – привет от Ванги, а в свёртке – долларов видимо-невидимо. Отец приказал послушникам из этих долларов костёр зажечь. И сожгли, а монастырь небогатый...

И я уже легко вновь иду вдоль вереницы машин и не сразу, но находится добрая душа. В грузовике подъезжаю к переезду, новый знакомый ловко закидывает рюкзак в дверку, улыбаемся друг другу как добрые друзья. Трасса...

Опять пересадки, Славянск, Крымск. Здесь жду дольше – юг, все легковухи к морю.

Зерновоз. Водитель – молодой парень, знаю ли я путь к новороссийскому элеватору? Знаю. Но большегруз в город до ночи не пустят. Это и он знает. Показываю на навигаторе, где приёмка. И подсказываю, что лучше через Гайдук идти. А отстояться можно в таком-то месте без терминала. Доволен. А сама как? А там уже маршрутка в город идёт.

Последние километры. Рассказываю об источнике "Святая ручка". Но это и так все знают. Не знают, что по той же дороге через Неберджаевскую можно проехать дальше к забытой горе "Сорок апостолов". Там был мужской монастырь, и жили там сорок душ праведных. И место их расстрела я видела. И источник прямо на горе с вкусной целебной водой, которая помогла мне вытаскаться из тяжелой болезни.

И даже в маршрутке находится местечко для грешницы с рюкзаком. И пассажиры улыбаются, понимают.

И одно желание – растянуться на ровном, вот так, от усталости лечь и замереть. Кот соскучился, на корм не реагирует, мурчит, залез под бок.

Телефонный звонок:

– Ты как?

– Всё в порядке. Уже дома.

АЛЕКСАНДР РАЕВСКИЙ

Новокузнецк

Родился в 1951 г. в селе Алабуга Каргатского района Новосибирской области. Окончил Новокузнецкий педагогический институт, Иркутское пожарно-техническое училище. 20 лет прослужил в пожарной охране МВД, капитан в отставке.

Член Союза писателей России. Печатался в областных, региональных, центральных журналах и газетах, в коллективных сборниках. Автор семи поэтических сборников. Лауреат премии журнала "Наш современник".

МИМО БЕД ЗЕМНЫХ...

Зав

За селом стоит серый столб, как крест,
Проводов уж нет, а он всё гудит...
С неба ястреб сел и глядит окрест, –
И чего сидит? И за кем следит?

Я свою тоску привяжу к столбу,
Отряхну с души мглу дорожную,
Сразу в первую постучусь избу –
Встретят молча и настороженно.

Лишь в глазах вопрос: "Кто такой пришёл?"
Не узнал никто..., ну и ладненько.
Ты, хозяйка, мне зачерпни ковшом
Той колодезной, той прохладненькой...

Кто такой я есть? Да родился здесь!
Там, вон, в центре, был дом с оградой...
Вижу, добрые, но такая весть
Не печалит их и не радует.

Разговор хоть тёк, но скупой совсем,
Да, слышали, мол..., да, родившийся...
С болью понял я: здесь своих проблем
Выше крыши той, прохудившейся.

Где-то шум и треск; там блестят в ночи,
Как галактики – мегаполисы...
Ну, а тут, как крест, только столб торчит,
Да забвеньё прёт выше пояса.

Отвяжись, тоска, как худая жизнь!
Васильки мои, колокольчики...
Ты надолго, край, запустел, скажи?
Глянешь – тишь, камыш да околючки...

Но прислушайся чутким вечером:
По полям плывёт, по-над сёлами
Песня русская, вековая,
И не грустная, ой, да и не весёлая...

* * *

Травы, звери, птички переливы!..
Радуюсь, мелькая и звуча,
Всё живёт в неведенье счастливом...
Только людям ведома печаль.

Знаем мы, что есть на свете нечисть,
Только, уподобленным почти,
Нам понять "вечность", "бесконечность" –
Разум, бедный разум! – не постичь.

Но зато – как милость иль немилость? –
Осознать такое не суметь,
Свыше нам зачем-то приоткрылась
Сущность рокового слова "смерть".

Проступая сквозь свинец ненастья,
Сквозь весёлый полдень голубой,

Чёрная "memento mori" надпись,
Словно меч, висит над головой.
С тайною надеждой и тревогой,
В большинстве своём на склоне лет,
Молим приютиться ближе к Богу,
Веря: рядом с Богом смерти нет.

* * *

Огляделся – иная среда!
Приспособиться было пытался –
Жёлтый дьявол и грош не подал...
Видно, прочно в "совках" я остался.

В том, что рынок – зазорного нет,
И делишки у многих не плохи.
Грустно то, что художник, поэт
В преysкуранте записаны в лохи.

Взбизнесился несчастный народ! –
Не до скрипок да литературы...
С потепленьем глобальным грядёт
Ледниковый период культуры.

Мир потонет в деньгах и во лжи.
А духовная часть постепенно
Вмёрзнет в Лету. Останутся жить
Похоронные марши Шопена.

* * *

Глухие дебри. Луч прощальный...
Гниют болота. Дремлют совы.
Там – одинока и печальна,
Людьми забыта, бродит совесть.

Там нет жилья и нет дороги.
Туманы сыро липнут к платью,
Быльё босые режет ноги –
Идёт она и молча плачет.

Стремясь к богатству и успеху,
Её, как дряхлую служанку
И как досадную помеху,
Прогнали прочь... А ей всех жалко.

Над небесная гора

Этот сон не выдумал, не вычитал,
Ясно видел: вечный, как любовь,
Крест лучился светом переливчатым
Над вершиной – бело-голубой...

У подножья спали ветры выюжные;
И – кольцом средину охватив –
Серебрились облака жемчужные, –
Хоть разуйся и по ним ходи.

В странном гроте, выше что находится,
Неземные, светлые лицом,
Под святым сияньем Богородицы
Средь других стояли мать с отцом.

Мимо бед земных к чему-то высшему
Их несла незримая река;
Я их звал – они меня не слышали,
Так и не узнав издалека...

Вот приехал

Вот приехал в январе.
Крыши. Тени синие.
Тихо. Белая сирень –
Не в цвету, а в инее.

Снег небес вокруг избы
Чистоты исполнен;
Что ж такое позабыл,
Что ж такое вспомнил?..

Прощемлюсь в калитку я,
Обращусь к сирени:
Что молчишь, сестра моя,
Божие творение?

Разгорается уже
Красота закатная...
Тихо, благостно в душе,
Что ж слеза вдруг капнула?

Разожгу среди зимы
Мёрзлые поленья;
Жаль, с тобой исчезнем мы,
Божии творения.

Вслед другие зацветут,
Иней их застудит...
Нас с тобой не будет тут.
Нас совсем не будет.

* * *

Наевшись жизни оголтелой,
Устав сражаться в темноте,
Устав метаться в тесноте,
Душа донашивает тело,
Уже готовая взлететь.

Уже ей чужды: мир жестокий
И агрессивная среда.
Покинув землю навсегда,
К своим таинственным истокам,
К мирам ли грозным и далёким –
Взлетит куда?..

* * *

Молодая мама своему сыночку,
Сидя у окошка, под синиц свистки,
Вышивала в полдень синюю сорочку –
В крестик чёрно-белые цветки.

Лишь всего два цвета (ниток было мало),
Только в два рядочка стёжка пролегла,
Только на сорочке, но хотела мама,
Чтоб в цветах вся доля у него была.

С трёх икон святые молча наблюдали.
Над шитьём витала лёгкая рука.
За окном сияли голубые дали,
Зеленели травы, плыли облака...

Дорогая мама, как ты угадала.
В стороне далёкой после, без тебя,
Вышилась сыночку (ниток было мало)
В крестик чёрно-белая судьба.

* * *

*Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.
"Где же наш пахарь? Чего ещё ждёт?"
Червь ему сердце больное сосёт...*
Н.А. Некрасов

Прозрачно в лесу и прохладно,
Туман молодой у опушки;
И так-то опрятно и складно
Сорока сидит на макушке.

Тускнеет под солнцем осенним
Овса перезрелая нива,
Её от незваных соседей
Кусты охраняют ревниво.

Но смысла им нет сторожиться,
Природным служить оберегом, –
Комбайна овсы не дождутся,
А сгинут печально под снегом...

С чего бы такого, не помню,
Но мысль посетила внезапно,
Что фермер не болен, не помер, –
С налоговой вышел – и запил.

* * *

О! Сколько было б охов, ахов,
Народ простой как был бы рад,
Когда бы яхты олигархов
Поставить в строй, как на парад.

Как на парад, а не для боя,
Собрать на рейде наших вод, –
Вот был бы вид!.. Они собою
Затмили б весь российский флот!

К деревне

Встаёшь и спозаранок шаришь спички...
Деревня, ну опять ты, ё-моё,
Укуталась в ненастье, как чумичка,
В осенне-беспросветное хламьё...

Да хватит облачаться по старинке,
И печь топить особой нет нужды.
Ну, что ты по привычке моешь крынки –
Кому они, щербатые, нужны?

Никто не навестит, не приголубит
Забытую в забытом том краю,
Лишь дети городские как бы любят
За пенсию несчастную твою.

В глуши ты и сама почти глухая,
Теряешь ум, по-старчески чудишь.
Уж у окна печально не вздыхаешь,
Лишь в никуда невидяще глядишь...

Деревня! Погоди ещё немножко!
Принарядись. Нам нечего терять.
Накроем стол. Я сдую пыль с гармошки –
И с песней!.. Помирать, так помирать!

Золотой жук

Осенний свет к земле прильнёт,
Печаль высокую прольёт...
И в чаще, ржавой до изнанки,
Лешак нечёсанный вздохнёт,
Рябина красным полыхнёт,
Как шалью смуглая цыганка.

Денёк погодой одарил
И поздним солнцем озарил,
Сменил унылые картины;
В кусте, застрявшем в камыше,
Блестит, похожий на мишень,
Лоскут ажурной паутины...

...Бредёшь в стеклянной пустоте
С невольной думою о тех,
Кто здесь топтал тропинки эти:
Ушли в грядущие года,
Иль в никуда и навсегда –
Прожив своё и не заметив?..

Луч низом медленно скользит,
Травинку острою пронзит
До самой тоненькой прожилки;
Жук золотой по ней ползёт,
Ползёт, родной, своей стезёй,
Упорно так – как я по жизни...

Нена

Как кроной он шумел!.. Теперь замшелый.
Кому нужны такие трухляки?
Но вот в апреле вдруг похорошел он
И выстрелил зелёные ростки!

Семейка дружно брызнула из корня
И потянулась к радостному дню,
Явилась миру дерзко, непокорно!..
Что оставалось патриарху пню?

Не каждому назначено судьбою
В конце такое счастье испытать:
Крошиться в прах и жертвенно собою
Потомство шаловливое питать...

* * *

Дорогие поэты, витии,
Изливаячи горе своё,
Не кричите: "Пропала Россия!" –
Что ж мы сами хороним её?

Сила Божья сокрыта в поэте.
Если так голосить в темноте –
В безнадёгу срываются эти,
И злорадно хихикают – те.

Посмотрите: трава серебрится
В переливчатых росах утра...
Размечтайтесь – и райская птица
Тихо сядет на кончик пера.

Вы прислушайтесь: музыка льётся,
Из глубинных высот нисходя;
И в два зубика звонко смеётся
На руках материнских дитя!..

Мы приходим лишь раз, вы поймите,
Никого не виню, не учу,
Просто жизнь – это жизнь, а не митинг,
Просто сам я такого хочу!

В поднебесье окно растворите,
В грозовых облаков кутерьму...
Удивляйтесь. Любите. Творите!
...А Россию не дам. Никому.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТЕННА

НИКОЛАЙ КСЕНДЗ

Кореновск

Айака

Трясётся земля. Комья кверху взметая,
Снаряды взрываются, – бьёт полковая.
Давай, Бог войны, потревожь их немножко,
А мы перекурим, присев на дорожку.

Вот слово за нами, взлетела ракета.
Темно впереди, ещё час до рассвета.
И рота бежит по нейтральному полю, –
Добраться б до них, да потешиться вволю.

Вдруг вспыхнули, в небе повиснув, ракеты,
Всё поле залил своим призрачным светом.
И дзот зарычал, словно зверь разъярённый,
Осыпав бегущих горохом ядрёным.

Там дуло торчит, как змеиное жало.
И роту к земле в чистом поле прижало.
Как ядом смертельным плюётся, зараза!
И падают хлопцы в траву раз за разом.

Я пот вытираю измятой пилоткой.
Нет, надо немедля заткнуть ему глотку!
Зигзагом бегу – не испортило б шкуру,
Пытаюсь гранатой достать амбразуру...

Попала за ворот осота иголка,
А, может быть, просто ужалила пчёлка,
Но всё же мне что-то мешает реально.
Да нет, показалось, уже всё нормально.

Как тихо вокруг, как безоблачно небо.
Я дома, где вкус молока, запах хлеба,
Сирень у окна, палисадник с цветами.
Бегу босоногий, спешу к своей маме.

Родная сидит на скамье под сиренью,
Я голову ей положил на колени.
Мне гладит вихры – отдохни, мой упрямый.
Ах, как хорошо на коленях у мамы!

Мой дед

Мы за то, чтоб нас минули беды,
Тут сомнений нет ни у кого.
В том же, что встречаем День Победы,
Есть заслуга деда моего.

Он прошёл большой войны лишения,
У него характер был – кремь!
И порой, чтоб сделать мне внушенье,
В руки брал солдатский свой ремень.

В День Победы при ремне, что с пряжкой,
В том привычка старая видна,
Наливал всегда себе из фляжки
Красного, душистого вина.

Это было для него святое.
Станный малость был мой старикан.
Выпивал он почему-то стоя
До краёв наполненный стакан.

Но уже давненько нету деда,
Как и всех, прошедших ту войну.
Я же в наш великий День Победы
Тост поднять за них не преминю.

Уцелел ремень с блестящей пряжкой,
На стене висит его портрет,
И ещё в чехле зелёном фляжка,
Той войны далёкой раритет.

У меня в наш праздник, День Победы,
Думаю, что право есть вполне,
Чтоб, налив вина из фляжки деда,
Помянуть всех павших на войне.

Мы – русские!

Встречая на своей земле рассветы,
Стоять привыкли твёрдо на своём.
И с самого рождения знаем это:
Мы – русские, по-русски мы живём.

На этот счёт иллюзий не питаем,
Но стоит только бросить взгляд назад,
"Мы – русские!" звучало за Дунаем,
И нам ворота отворял Царьград.

Мы зря не козыряли этим словом.
Звучало, как легенды не слагай,
Мы – русские! На поле Куликовом,
Откуда ноги уносил Мамай.

Примеров можно привести немало
Нам было не к лицу ронять престиж.
Мы – русские! Над Францией звучало,
И нас встречал восторженный Париж.

Не уповали мы на Божью милость,
А жёстко вышибали клином клин.
"Мы – русские!" – над миром прокатилось,
И ниц упал поверженный Берлин.

И если нас беда коснётся снова,
Каков итог, известно всем давно.
У русских просто нет пути иного,
Судьбою им другое не дано.

Рад бы

Ни стужа зимняя, ни зной,
А тяжесть непонятная.
Как будто ноша за спиной,
Окова неприятная.

Как неостывшая зола,
Проступки непрощённые,
Незавершённые дела,
Долги невозвращённые.

И наяву, да и во сне,
Рассыпавшись на крошево,
Приходят всякий раз ко мне
События из прошлого.

Как будто угли от костра,
Мне душу жгут без жалости.
Моё не лучшее вчера
Живёт до самой старости.

Дорога, что меня вела,
Вся в памяти засеками.
Я рад бы завершить дела,
Долги вернуть, да некому.

Вся онемела, затекла
Спина низкопоклонная,
Гнетут заботы и дела,
Да маета бессонная.

Выходит, скрылась навсегда
Весна-краса нарядная,
Душе всё ближе холода,
Да темень непроглядная.

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ

Белгород

Дух советского народа

Рождённый до развала в девяностых,
Впитав в себя советский кислород,
Я восхваляю до сих пор без тостов
Тогдашний, духом связанный, народ.

И, лишь примерив на лицо морщины,
Ушедших стал ценить сильнее живых.
А дух народа бродит по лощинам,
Отвергнутый сознанием молодых.

Март

О, лживый март! Себе дороже
Довериться календарю.
Весна пришла? Да не похоже...
Весенним март не признаю.

Порою днём щебечут птицы,
В узлы завязаны ручьи.
А в землю солнце, будто спицы,
Вонзает тёплые лучи.

Но где ж весна, когда ночами,
Стучась в мою входную дверь,
Бранятся колкими речами
Всё те же вьюга да метель?

А поутру, трясясь в бушлате,
С лихим упрямством битюга,
Щекастой старенькой лопате
Скормлю осевшие снега.

И хоть разносится картаво
По всем дворам кошачий гвалт,
Назвать я не имею права
Весенним лживый месяц март!

Рассвет на озере

Рассыпаются в небе звёздочки
Золотисто-молочным бисером.
И луна по воде на лодочке
Проплывает, дорожку выстелив.

Недовольный, седой щетиною
Белокурый туман печалится.
В колыбели своей, паутиновой,
Меж травинок паук качается.

Дремлют в звуках ночной мелодии
Вековые дубы лохматые.
На кувшинках концерт пародии –
Жабы в образе, хрипловатые.

Ивы кудри склонили ласково,
Прислонившись невольно к тополи.
Ночь рисует волшебной краскою,
Убегая с рассветом по полю.

Сочи

Наконец-то наступило лето,
Не зови на отдых, зарубежье.
Нет прекрасней на земле рассвета,
Чем на Черноморском побережье!

Поутру туман расправит плечи,
Заиграют волны с тёплым бризом.
И под чаек трепетные речи
Мне махнут макушкой кипарисы.

На губах солёный привкус моря,
Незаметно пролетают ночи.
Я спокоен рядышком с тобою,
Мой родной, волшебный город Сочи!

Он обнимет солнечным загаром,
Покивает хвостиком дельфина,
Опоив божественным нектаром
Из цветов магнолий и жасмина.

Расставанье наше неизбежно,
Но я верю, свидимся мы снова.
И опять волна на побережье
Улыбнётся нежно-бирюзово.

ЛИДИЯ ЖАРОВА

Шатура, Московская область

Седьмая нога

(баллада о художнике)

Пленённый давнею мечтой,
Искал художник среди истин
Одну – венец любви святой,
И вдохновенья ждали кисти.
И наяву, и в зыбком сне
Его терзало беспокойство:
Как передать на полотне
Земной любви святое свойство?

Однажды ночью, встав к мольберту,
Он на стене замшелой храма
В игре оттенков тьмы и света
Увидел лик забытый мамы.

Зажав зубами ловко кисть,
В неверном свете канделябра
Её лица, её руки
Он выводил тончайший абрис.
Он рисовал... Свидетель Бог,
Он не давал себе покоя!
Катился пот, но он не мог
Смахнуть его с лица рукою.

Часы летели, как минуты...
Он точно знал, что силы хватит!
Безвестной мамы образ смутный
Стал воплощаться в Богоматерь.

Вот штрих, мазок... Лазурь, пастель...
Рождалась медленно икона.
Остыла смятая постель –
Седьмая ночь была бессонной.
И вот в какой-то странный миг,
В неровных колебаньях света,
Вдруг ожил в красках строгий лик –
И Бог вздохнул: "Ты сделал это!"

И будто колокол со звонниц
Ударил медью оголтело:
Одна из лучших Богородиц!
Его святая Галатея!

Сквозь немоту, в глухой тиши
Рыдали праздничные звоны –
Восторг измученной души
И плач любви его к Мадонне.
Теперь она – весь свет в окне,
Его награда, утешенье...
Он был с рожденья глух и нем,
В семнадцать лет почти отшельник.

Ломило зубы от натуги,
Он засыпал в изнеможенье...
Не утомились только руки.
Их просто не было с рожденья.

Баллада о колодезном ведре

Один колодец на селе,
Других в округе нет:
Вот ворот, что прозеленел
Под гнётом долгих лет,
Ведро избитое – в кольце...
Навечно их вдвоём
Связала каторжная цепь,
Старинное ковье.

Дремал в снегу, к страданиям глух,
Черёмуховый куст.
Ведро грустило часто вслух
В плену кандалных уз.
Иной и лёд им разбивал –
Жестокая игра!
Тогда колодезный провал
Взрывала боль ведра:

Сводило судорогой злой
Обледеневший рот,
И билось мёрзлое стекло –
Удар на изворот!
Осколки крошки ледяной
Терзали плоть ведра...
И плакал старый водяной,
Не в силах цепь порвать.

Весь день гремела в муках медь,
А ворот выл: "Прости-и-и...".
Им в спешке было не успеть
И дух перевести.
И снова падало ведро
В зияющий квадрат,
И ежедневно всё одно,
До сотни раз подряд.

Но уводила ночь людей,
И стыла вновь вода,
И, отражённая в воде,
Вмерзала в лёд звезда.
Ведро в колодце, на цепи,
Слепой галерный раб...
Я не смогла воды испить
Из этого ведра.

Что это было

О, что это было?
Второе пришествие?
Я страстно любила,
Страдательно, женственно.

Лавиной накрыло,
Несло перевалами...
О, что это было,
Ни с кем небывалое?

Оно не стихает,
Оно не просрочено –
Во мне громыхает,
Как эхо немолчное.

Душа не забыла
Чувства нетленного...
Что было? Любила,
Как Бога – Вселенная.

ВЛАДИСЛАВ ПТИЦЫН

Краснодар

* * *

Котёнком спящий Краснодар
Мурлычет только нам с тобой...
Твой обжигающий загар,
И струны звёздные гитар,
И ангел в дымке голубой...

И южный ветер. Соловьи.
И пантомима облаков...
Стихов так много о любви,
Но наши лица визави,
Как в мире первая любовь...
А кудри распустила ночь,
В них аромат твоих духов,
И миллиарды чьих-то снов,
Рассвет, прошу тебя, отсрочь...
Мы улетаем..., ветер стих
Осядем на траве росой,
И ангел в дымке голубой,
Наверно, вспомнив нас с тобой,
Лучом допишет этот стих...

КУРБЕКО ВИКТОРИЯ

Краснодар

* * *

Кубань засеребрится на рассвете,
И в небе разгорается пожар.
А солнце ярче светит, светит, светит,
Скорее просыпайся, Краснодар.

Искрятся краски ласковой природы,
А, может, это просто Божий дар –
Хрусталь реки и яркость небосвода,
Цветущий, вечно юный Краснодар.

И купола церквей, и парков свежесть,
И твой казачий, горделивый нрав,
Магнолий бело-облачная нежность,
И маковая россыпь среди трав.

И южных звёзд лазоревые стрелы,
И улицы российской старины...
Тебя сам Бог с любовью и умело
Сплёл из кубанской золотой луны...

Синей, светлей, улыбка небосвода,
Гори с утра, малиновый пожар,
А мягкий говор светлого народа
Как птичья песня... Это Краснодар!..

* * *

Туманится, туманится на сердце,
Багряный воздух не приемлет звёзд.
И колебанье душ теперь измерить
Дано лишь свечкам тлеющих берёз.
Туманится. Кубань во сне вздыхает,
За горизонтом вьётся сизый дым.
Туман за нами молча наблюдает,
Да полночь смотрит взглядом ледяным.
Спираль шумных улиц опустели,
Звенят, меж крыш блуждая, провода...
Туманный мир февральской параллели –
В нём потеряться можно навсегда...

ВЕРА СУББОТИНА

Ейск

Вера Субботина родилась в 1950 году, в городе Кизеле Пермской области, в семье шахтёра. В 1966 году вместе с семьёй она переехала в город Ейск, который стал для неё второй родиной. Окончила заочно Кубанский технологический университет, факультет – промышленное и гражданское строительство.

Лауреат литературных конкурсов и фестивалей, член ЛИТО "Парус".

ДОБРО НЕ ЛИХО, ХОДИТ ТИХО

Рассказ

Весна отворила двери в иной мир – удивительно приветливый и красочный. Она победно шествовала по Кубани. Тёплый весенний ветер мягко окутывал небеса нежно-розовыми облаками, которые медленно плыли и опускались к морю. Воздух, напитанный свежестью и цветущими травами, завораживал прохожих.

Татьяна Феклистова возвращалась с работы позднее обычного и, несмотря на усталость, радовалась весне, придающей её шагам бодрости. Работала она в небольшом кубанском городке, в сфере социального обслуживания пожилых людей, а жила с мужем в селе, километров девять от города.

Сегодня в конце смены, придя к своему последнему подопечному – одинокому восьмидесяти двухлетнему старику Тихону, Татьяна опять задержалась у него. За несколько лет работы она очень привязалась к пожилому человеку. Тихон и лицом, и разговором очень напоминал ей отца.

Родители Татьяны разбились на машине. Смерть самых близких и дорогих ей людей девушка перенесла горько и болезненно. В то время она училась в медицинском училище и, впав в депрессию, чуть было не покончила с собой. И только благодаря неожиданному знакомству с Александром, теперешним её супругом, она вернулась к жизни.

Не переставая думать о Тихоне, Татьяна опять представила его одинокую мрачную жизнь. После смерти жены Тихон угасал не по дням, а по часам. Детей у них не было, но по какой причине, Татьяна не расспрашивала, не любила лезть в чужую жизнь без надобности.

Когда Татьяна вошла к Тихону, он сидел на кровати и даже не отреагировал на её приход. Старик, согнувшись, внимательно рассматривал портрет покойной жены, которая из рамки-раковины улыбалась ему. Татьяна окликнула его:

– Тихон Захарыч, здравствуйте! О чём задумались?

Старик вздрогнул, поднял голову и по-детски улыбнулся Татьяне.

– Заходи, заходи Танюша! Я уже заждался тебя, подумал, не захворала ли?

– Припозднилась я что-то сегодня, пока к одним зашла, да к другим, варила, убиралась, вот времечко-то и пролетело. Работа ведь у меня такая – помогать вам. Пока силы есть, буду заботиться о вас, а там, как Бог даст.

Татьяна прибралась в небольших комнатках Тихона. За чаем они о многом переговорили. Но она не поведала старику о том, что в центре обслуживания её попросили обсудить с Тихоном один деликатный вопрос. Спросить у старика, согласен ли он переехать в дом-интернат для престарелых граждан, чтобы там "спокойненько" дожить до конца жизни. Родственников у него в городе нет, здоровье ухудшается, жить одному всё трудней и трудней.

Тихон был худощав, среднего роста, с густыми, подёрнутыми сединой волосами. Он не носил очки, и Татьяну всегда удивляли его серо-голубые глаза, не поблёкшие, а выразительные, такие же, как у погибшего в аварии её отца.

Глаза старика всегда начинали приветливо светиться, когда Татьяна приходила к нему. Он выглядел опрятным, ходил в чистой одежде, которую стирала ему дома Татьяна. И всё же он, как ребёнок, нуждался сейчас в любви, заботе и внимании, которые могла дать ему только семья. Татьяна испытывала в душе беспокойство, ведь она неоднократно намекала Тихону, что хочет забрать его в свою семью. От её намёков старичок оживал, лицо его преображалось, глаза озарялись улыбкой, и Татьяна искренне радовалась за него. Тихон с теплотой в голосе восклицал, что хотел бы иметь такую дочь, как она. Ближе её у него сейчас никого нет. Поэтому Татьяна твёрдо решила для себя, что сегодня вечером она не отступит и убедит супруга, чтобы Тихон жил у них.

Неоднократно Татьяна пыталась разговаривать с супругом о Тихоне, но Александр не принимал её разговоры всерьёз и каждый раз отшучивался, а в последний раз категорически отрезал:

– Не чуди, тебе шо, своих забот не хватает?

Обидевшись на Александра, Татьяна некоторое время не напоминала ему о Тихоне, но назрел уже такой момент, когда откладывать разговор было нельзя. Решалась дальнейшая судьба пожилого человека.

У них с Александром двое сыновей, оба женатые, хорошие семьянины, живут в достатке. Татьяна помогла им вынянчить деток, своих внуков. Внуки растут крепкими хлопцами. Она верила, что у мужа светлая душа, он человек добрый и отзывчивый, и, наконец-то, поймёт её.

Уже несколько лет Александр был атаманом сельского казачьего общества, занимал должности председателя КООП (кооперативного общества пайщиков) и старосты приходской общины храма "Спорительница хлебов", названного в честь иконы Пресвятой Богородицы. Словом, везде слыл в лидерах, хотя сам к этому никогда не стремился. Люди тянулись к нему, зная, что этот человек не подведёт, не обманет их доверия.

Татьяна вдруг вспомнила, как в молодости, когда она получила диплом медсестры, и они вдвоём отмечали в кафе это радостное событие, Александр признался ей в любви и всерьёз сказал:

– Моя фамилия Феклистов и моё имя Александр обязывают меня быть достойным и честным человеком. Феклист по-гречески означает – Божия сила, а имя Александр – защитник людей. Проживать только для себя, мне кажется, гораздо проще и легче. А жить открыто, не отгораживаясь от других людей, их бед, я считаю, гораздо сложнее. Я верю в добро. Оно, конечно, не всегда побеждает, но помогать своим родным и друзьям – это для меня святое дело. Выходи за меня замуж, всю жизнь буду любить, защищать тебя, нашу семью и всех близких нам людей.

И Татьяна доверилась ему и никогда об этом не пожалела, ведь живут они в любви, мире и согласии уже более тридцати лет.

Озадаченная разными мыслями то о супруге, то о Тихоне, она и дошла до своего одноэтажного ухоженного дома. Татьяна решительно настроилась вновь переговорить с мужем о старике, чтобы забрать его в свою семью.

Калитка во двор была не заперта – значит, супруг уже дома. Женщина прошла по дорожке к крыльцу и вошла в светлую застеклённую веранду. В прихожей Татьяна сняла лёгкую куртку и прошла в кухню, где застала мужа с газетой в руках. Он сразу же отложил газету в сторону, снял очки и пристально взглянул на неё чёрными усталыми глазами. Она вскинула брови, и их взгляды встретились.

– Шо ж ты так довго? Я вже тут заскучав без тэбэ. Хотел було варэныкив зварыть, да перэдумав, вэчэрять лучше удвох.

Татьяна присела напротив мужа и улыбнулась ему. Улыбка с очаровательными ямочками делала её лицо удивительно нежным и привлекательным.

– Саш! Ты опять начал балакать? Ты же знаешь, что я до сих пор не могу привыкнуть к вашей сельской балачке. Ты родился на Кубани, я – на Урале, но я же не чокаю и не окаю. Не так ли? Разговаривай нормально!

"Да что это я, – тут же остановила она себя, – по пустякам придираюсь к нему. Надо мужика сначала накормить, а не злить, тем более что предстоит такой непростой с ним разговор".

Александр сдвинул густые брови и тихо буркнул:

– Хорошо, больше не буду.

Татьяна с чувством вины поднялась из-за стола.

– Сань! Не сердись на меня. У меня сегодня был тяжёлый день. Ещё и домой добиралась на попутке, на автобус опоздала, а тебе не могла дозвониться. Устала что-то я.

Вымыв руки, Татьяна, недовольная собой, поставила воду на плитку, чтобы сварить вареники с сыром. Александр их очень любил, и поэтому она частенько баловала его ими. Из холодильника она достала сметану, шматок сала и стала нарезать его на тарелку.

Александр опять погрузился в газету.

Тяжело вздохнув от нахлынувшей нежности к нему, она подумала: "Ему и так нелегко, на работе крутится, как белка в колесе, а тут ещё я достаю его. Беречь его нервы надо, а не ерепениться".

Татьяна очень любила мужа, гордилась им и не представляла своей жизни без него. Александр никогда не обижал её, поддерживал, заботился, чтобы в семье был достаток. Несколько лет супруги вместе вели фермерское хозяйство. Но из-за болезни Александр на какое-то время снизил активность. Аренду земли расторгли, и ему остались только 10 гектаров пахотной земли. Сейчас супруг вместе со старшим сыном занимался разведением винограда в теплицах, выращиванием клубники и строил планы по разведению бахчи. Татьяна всегда была ему первой помощницей и надёжным тылом, но тяжёлый земельный труд стал со временем ей в тягость, и она устроилась на работу в город. Старший сын Григорий заменил её. Да и младший сын Николай тоже часто помогал отцу. Оба сына постоянно советовались с отцом и уважали его мнение.

– Ой, Бог ты мой! – спохватилась Татьяна, – у меня же почти вся вода выкипела. Задумалась, да и забыла про неё. – Она торопливо подлила воды в кастрюлю и достала из холодильника замороженные вареники.

– Саша, а что ты там читаешь? Так увлёкся, что на меня – ноль внимания. Что-то интересное? – ласково, как ни в чём не бывало, спросила Татьяна.

Александр помедлил с ответом, а потом, оживившись, внимательно посмотрел на Татьяну.

– Читаю и страшно возмущаюсь тому, как посреднические фирмы, не переставая, душат мелкие хозяйства. Эти фирмы растут как грибы, а нас, небольших фермеров, выживают с рынка, чтобы не было конкуренции. Единственно, что ещё осталось в помощь нашим мелким хозяйствам – это льготное государственное кредитование. Все малые хозяйства живут от долга к долгу – по-другому не получается. У нас в селе раньше было много небольших фермерских хозяйств, а сейчас осталось только два. Добрэ то, шо мы, сельские казаки-земледельцы, объединились, и у нас пахотные земли принадлежат казачьему обществу. И эту землю нельзя раздробить, приватизировать и продать по частям, так как она является собственностью государства. Большие казаки угодыя позволяют отстаивать интересы земляков. Разве может быть иначе

– А вот и вареники готовы, – воскликнула Татьяна, попробовав один из них. – Давай поужинаем, а потом поговорим.

Во время еды она мучительно обдумывала, с чего же начать разговор с мужем о Тихоне, чтобы он, не нервничая, наконец-то согласился с её решением – взять старика в их семью.

Насытившись ужином, Александр выпил кружку узвара и повеселел.

– Отличные вареники! Вот и повэчэряли. Благодарю за ужин.

Супруг, несмотря на свои годы, как и раньше, был высок и строен, широк в плечах, быстр и ловок в движениях. Только густые брови сдвигал он всё чаще, когда ему что-то не нравилось в разговоре с собеседником, от этого переносицу бороздили две глубокие морщины, выдававшие его возраст.

Александр ещё утром отключил отопительный котёл, так как природа подарила людям долгожданное тепло. Но к вечеру опять повеяло весенней прохладой, которая быстро остудила все комнаты. А в кухне было тепло и уютно, негромко тикали над столом круглые часы.

– Пойду во двор, дел разных уйма! Некогда отсиживаться, – вставая из-за стола, произнёс супруг. – Танюш, а ты ко мне бы и не дозвонилась, у меня зарядка закончилась. Я пришёл и сразу же поставил телефон на зарядку. А ты поутру говорила мне, что приедешь на автобусе, а сама опять задержалась...

Татьяна резко обернулась к мужу. Медлить с разговором было уже нельзя, иначе Тихона могут поместить в дом-интернат для престарелых граждан.

– Погоди Саш, не уходи. У меня к тебе разговор есть. Он очень важный для нас обоих. Присядь!

Александр дружелюбно усмехнулся и присел опять за стол.

– Слухаю...

– Саня, помнишь, я тебе несколько раз рассказывала про одинокого старика Тихона, моего подопечного, живущего в городе. Я его обслуживаю три раза в неделю, помогаю ему в быту. Жена у него полгода назад умерла. В восемьдесят два года он остался один-одинёшенек. Детей не родили – воз-

можно, были какие-то проблемы у кого-то из них. И сводный брат его тоже недавно отправился на тот свет. А Тихон так похож на моего отца. Я к нему очень привязалась. Он для меня стал близким и родным человеком. Его дальнейшая судьба мне небезразлична, ведь старика хотят поместить в интернат для престарелых. Я сегодня об этом ему ничего не сказала, чтобы не расстраивать. А ты прекрасно знаешь, что творится в таких домах. Захвнет там Тихон. Ему сейчас нужно общение, забота, моральная поддержка, одним словом – семья. Давай возьмём его к себе. Обузой он для нас не станет.

Александр внимательно выслушал жену. Она же со слезами в глазах напряжённо ждала ответа. Немного помолчав, супруг забарабанил пальцами по столу.

– Какая ж ты упёртая! Талдонишь и талдонишь мне об этом старике. А что скажут сыновья, ты подумала?

– Думала, и не один раз! И что бы они ни говорили, это на них никак не отразится. Дети наши устроены, живут отдельно, в своих домах. Мы им в своё время хорошо помогли и до сих пор ещё по возможности помогаем. Обижаться на нас стыдно! Тихон-то чем может им помешать? Как они жили, так и будут жить дальше...

По тому, как Александр напрягся и сдвинул густые брови, Татьяна поняла, что нашла нужные слова, затронувшие его душу, и с тем же боевым настроем продолжила свою речь:

– Сань! Тебе же самому до смерти надоело по утрам возить меня в город на работу, а бывает, что и забирать вечером домой. Хотя ты никогда мне и не говоришь, но я-то понимаю, чувствую это. Да ещё ты всё время галдишь мне, чтобы я бросала работу, что поздно возвращаюсь домой, что пенсионерке надо бы больше уделять внимания мужу, детям, внукам. Не так ли?

Татьяна, порозовевшая от высказываний, заметив, что Александр ещё больше нахмурился, внезапно замолкла. "Не переборщила ли я в своих присказках", – подумала она.

Супруг несколько минут молчал, видно, обдумывая, что ответить жене.

– Честно говоря, твоя правда, – наконец, выдал из себя. – Таня, а не будет ли этот Тихон тебе в дальнейшем в тягость? Ты ведь и сама уже не молодая. Подумай хорошенько! Это не простой шаг – повесить на себя заботы о другом человеке в пожилом возрасте, доброта ты моя несказанная!

Татьяна гордо выпрямилась. Её лицо ещё более раскраснелось, и она возбуждённо и довольно громко отчеканила:

– Саш! Я ведь уральская казачка, закалённая – выдюжу! Я брошу работу, как ты хочешь, буду вам супы, борщи варить, шаньги уральские стряпать, пироги с рыбой печь. Внуков баловать, а то всё мне некогда да некогда, а внуки, сам знаешь, как мою стряпню любят! У нас четыре комнаты, две вообще пустуют, мы туда редко заходим, веранда огромная. В одну из комнат и поселим Тихона. Документы мне помогут в соцзащите оформить.

Переведя дыхание, Татьяна вновь, уже умоляющим голосом, продолжила:

– Саша, ты же у меня крещёный, веришь в Бога, я – тоже. Вспомни, как в начале 90-х годов мы всем миром взялись строить в нашем селе храм в честь иконы Божьей Матери "Спорительница хлебов" и построили его. А сколько кроме этого вы с казаками делаете разных добрых дел и для молодёжи. Недаром в ваши ряды приходит так много молодых поселян. А вера в Бога без добрых дел мертва! Давай сделаем доброе дело – возьмём к себе Тихона.

Александр, выслушав супругу, наконец-то изобразил на своём лице многозначительную улыбку. Помедлив с минуту, он гаркнул:

– Да шо ж ты раскудахталась так! Я не против, за тебя только беспокоюсь, за твоё здоровье. Тихон-то хоть в курсе дела, он согласится?

– Господи, конечно же. Мы с ним не раз это обговаривали. – Татьяна бросилась к Александру и крепко поцеловала его в колючую щеку. – Сашуля, большущее спасибо! Я ни секунды в тебе не сомневалась. Ты у меня самый лучший!

ТАТЬЯНА ВЕРЕТИНСКАЯ

Краснодар

Татьяна Валентиновна Веретинская родилась и выросла в Краснодаре, окончила Краснодарское художественное училище по специальности "художник театра". Всю жизнь работала в театрах города художником-декоратором и бутафором. Заслуженный работник культуры Кубани, ветеран труда.

Пишет с 2003 года. Член Международного Союза писателей и мастеров искусств (МСПМ), член литературных объединений "Книга", "Серебро слов" и "Верность". Автор сборника рассказов "Ваш выход" и двух книг для детей о народных промыслах. Печаталась в коллективных сборниках и местных изданиях.

Финалист нескольких литературных конкурсов.

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

Рассказ

В то умытое дождём, сладко потягивающееся тёплыми лучами солнца утро, Анастасия Михайловна, задержав взгляд на фотографии мужа, вышла на балкон. Распахнула окно и, будто захмелев от сладкого духа цветущей акации, улыбнулась. Душа её запела в унисон с природой. Майское утро, с первородной энергией жизненных сил, наполняло её сердце жаждой жизни. Муж, Андрей Васильевич – инженер-энергетик, уже почти месяц как уехал в командировку, и она с нетерпением ждала его возвращения. Прожив в браке четверть века, супруги не утратили свежести чувств. Одни подруги завидовали им, другие говорили: "Вы притворяетесь, играете в любовь на людях", но Анастасия Михайловна в самом деле была счастлива с мужем. В любви и согласии они вырастили сына, который живёт уже своей семьёй. А у них будто открылось второе дыхание. Андрей до сих пор дарил ей цветы, конфеты и всячески баловал любимую женщину.

Цокая когтями по кафелю, подошла четвероногая домочадка – фокстерьерша Аста. Ткнула мокрым холодным носом хозяйку в ногу: мол, доброе утро!

– Сейчас-сейчас пойдём гулять, – пообещала Анастасия Михайловна любимой собачке. После слова "гулять" с Астой обычно случался своего рода микропсихоз: она носилась по квартире, скакала, визжала и, схватив поводок, совала его в руки хозяйке. За восемь лет эти двое достигли, казалось, полного взаимопонимания. Выпив наскоро кофе со сливками, Анастасия Михайловна натянула спортивный костюм, мягкие кроссовки и, зацепив карабин на ошейнике, вывела Асту на пробежку.

Они всегда прогуливались в городском парке неподалёку от дома, куда и направились в то розово улыбающееся утро. Поджарая Анастасия Михайловна неспешно бежала по пустынным аллеям, полноватая Аста трусила следом, успевая обнюхивать стволы и кустарники, вычитывая последние известия из собачьей корреспонденции. Другим утренним упражнением было вращение вокруг своей оси. Собственно, вращалась вокруг своей оси хозяйка, а собака носилась вокруг неё, словно луна вокруг планеты, ухватившись зубами за крепкую палку.

Утомившись, Настасья Михайловна кидала собаке её любимую тарелку – летающий диск-фрисби, всю исцарапанную острыми зубами. В конце концов, Аста запыхалась, и хозяйка, предоставив ей возможность расслабиться, уселась на приласканный ранним солнечным лучиком край скамейки. Посидев рядышком, собака принялась гонять голубей, безбоязненно подходивших к самым ногам. Наблюдая за матёрым сизарём, воркующим песню любви невзрачной самочке, в страстном упоении самозабвенно метущим тротуарную плитку распушенным и уже изрядно потёртым хвостом,

Настя на время забыла о собаке. Выпустила её из поля зрения. Где-то, трудно добывая хлеб насущный, бился головой о ствол дятел; орали, устраиваясь в коммунальном жилище грачи, хулиганисто свистел скворец, по траве бегали, внезапно останавливаясь, будто что-то вспоминая, дрозды. Заступив на трудовую вахту, деловито прогрохотал полупустой трамвай.

Вдруг из-за подстриженного куста самшита выскочила Аста и положила на скамью старенький кожаный дамский, с тиснёным узором, кошелёк.

– Аста, где ты это нашла?

Та смотрела в глаза хозяйке, раздувая ноздри, и слегка дрожала, словно понимая необычность находки или ожидая похвалу. Анастасия Михайловна нерешительно взяла чужую вещь и почему-то понюхала. Вещь пахла то ли скипидаром, то ли чем-то напоминающим ремонт, растворителем что ли. Обернулась по сторонам: может, какая дамочка, пробегая, выронила, но ни одну представительницу женского пола не заметила. По соседней аллейке трусил песочек бородатый старичок в шортах с кривыми жилистыми ногами. Больше никого. Парк только готовился к радушному приёму гостей. Скоро мамочки с колясками потянутся, старушки с внучатами, с вязанием. Вечно понурые пони выйдут развлекать малышню.

"Если там деньги, напишу объявление о находке", – решила она, развернув кожаную гармошку. Кроме нескольких мелких монет и потёртого трамвайного билета – ничего, хотя..., стоп. В одном из отделений лежал ключик из белого металла. Такие ключи были, похоже, от так называемых "английских" замков, имеющих отвратительную особенность не вовремя захлопываться. Однажды, в беззаботном детстве, и с ней случился такой казус. Родители на работе, а в школу идти надо – вторая смена. Пришлось лезть в форточку, благо что жили на первом этаже.

Тут её внимание привлекла фотография молодого мужчины в прозрачном кармашке кошелька. Что это? Вместо глаз на фото зияли проколы от иглы. "Боже ты мой! – ужаснулась она, – колдовство какое-то!". Попыталась представить себе эту женщину. Как же можно, совершив такой жуткий обряд чёрной магии, всё же оставить фотографию у себя? Что её связывало с этим мужчиной? Дети, предательство, слепая любовь? Что?

Она размышляла, машинально достав из кошелька трамвайный билет, глаза привычным образом сложили цифры. Имелась у неё такая дурацкая, как посмеивался муж, привычка – искать счастливый билет. О! Билет-то счастливый! Незнакомка бережно хранила билетное счастье, но оно, наверное, оказалось обманным. Но ключ! Ключ – это серьёзно, без него не открыть дверь. А если он от входной двери, человек может остаться на улице, искать слесаря взламывать замок, платить деньги. А если нечем платить? Короче – масса неприятностей. Надо срочно дать объявление. Придя домой, наспех сочинила короткий текст о находке и распечатала на принтере дюжину экземпляров. Наскоро пожарив яичницу, позавтракала и, к великой радости четвероногой подружки, чуть не выпрыгнувшей из собственной шкуры от предвкушения внеурочной прогулки, пошла снова в парк. На все близлежащие лавочки прикрепила объявления об утерянном бумажнике и, поиграв с собакой, вернулась к себе. Запавшаяся Аста с жадностью похлебала воды и улеглась в свою корзинку.

Анастасия Михайловна, сварив кофе, уселась на балконе. Перед ней внизу – старый однодвухэтажный район города. Среди моря зелени пенятся щедрым цветом плодовые деревья, где-то, как в деревне, кудахчет курица, лает собака, над голубятней кружится стайка голубей. Двое из них, будто соревнуясь, взлетев повыше, принялись кувыркаться. Прodelав несколько кульбитов, снова устремлялись ввысь и опять переворачивались в бездонной сини апрельского неба.

Первым позвонил мужчина и, не мелочась на слова приветствия, выпалил хриловатым голосом: "Вы давали объявление о потерянном портмоне?"

– Да, я.

– А я как раз вчера потерял где-то, даже не помню где.

– И сколько там было денег? – задала каверзный вопрос Анастасия Михайловна.

– Э-э... точно не скажу. Рублей триста, может больше.

– А какого цвета ваш бумажник?

– Чёрного.

– Нет, к сожалению, это не ваш, – разочаровала Настя абонента и положила трубку. Потом ещё несколько человек звонили, но всё не то.

Её голос Настя почему-то отметила сразу: это она.

– Здравствуйте, я прочла ваше объявление в парке, я потеряла кошелёк, там ключ, понимаете, денег там нет, но ключ, понимаете, ключ от квартиры. Жёлтый такой, старенький... там ключ.

Настя уже не сомневалась, что находка принадлежит именно этой незнакомке, чуть не плачущей в трубку, но всё же спросила: "А что ещё там было?".

Женщина, ни секунды не промедлив, выпалила: "Фотография молодого мужчины".

– Приходите, я живу недалеко от парка, – и, назвав адрес, Настасья Михайловна стала ждать гостя.

Не прошло и получаса, как в дверь позвонили. Аста громко залаяла, бросившись к двери и, припав носом к щели, вынюхивала что-то подозрительное по ту сторону. Выпихнув из прихожей собаку и закрыв её на балконе, Настя отворила дверь. На пороге стояла молодая, стройная и миловидная женщина лет двадцати пяти, в лёгком плащике и с ярким шарфом вокруг шеи. Слегка выющиеся светлые волосы распущены по плечам. Макияж отсутствовал и, если бы не подкрашенные полноватые губы, можно было расценить её вид, как болезненный. На поводке поскуливая, извивался белый шарообразный шпиц.

– Проходите-проходите. Не откажетесь попить со мной чайку или кофе? А то я скоро совсем одна – муж в командировке, а я в отпуске бездельничаю.

– С удовольствием, только у меня вот собака.

– Я свою заперла на балконе, и мы спокойно посидим на кухне. Плащ можете повесить тут.

Незнакомка, зябко закутавшись в шарф, прошла в кухню, ведя за собой собаку. "Сидеть", – приказала шпицу, и тот послушно уселся у её ног.

– Меня зовут Настасья Михайловна – представилась Настя, – внук говорит: "Ты, баба, – медведь".

– Почему медведь? – не поняла незнакомка.

– Ну, знаете, в русских сказках медведицу обычно Настасьей Михайловной величают.

– Ах, да. Вспомнила. А я Алёна, вот только братца Иванушки у меня нет, да и сестрицы тоже.

И такое одиночество во всём её облике ощутила Настасья Михайловна, что-то беззащитное и легко ранимое, что решила не отпускать девушку, пока не узнает её историю.

– Я вчера прогуливала Белку в парке и забыла совсем новую сумку с кошельком, но сумку, скорее всего, взяли, а выдавший виды пустой кошелёк выбросили, – просияла Алёна.

– Можно на "ты"? Я раза в два, наверное, старше, мне так легче.

– Пожалуйста-пожалуйста, – не возражала гостя.

– Чай или кофе?

– Чай, если можно, чёрный, а то у меня низкое давление.

– Так может, кофе?

– Нет-нет, чай. В чае даже больше кофеина, чем в самом кофе.

Настя заварила чёрный чай, разлила по расписанным жёлтыми нарциссами чашкам. С чего же начать?

– Ах, да, – спохватилась она и положила перед Алёной кошелёк.

– Это он, – подтвердила гостя.

Раскрыла, посмотрела фото и, порозовев щеками, закрыла.

– Алёнка, можно задать тебе один вопрос, – спросила хозяйка, хотя этих вопросов у неё на языке вертелось множество.

– Я так благодарна, что вы нашли мою пропажу, что чувствую себя вашей должницей. Спрашивайте, прошу вас.

– Кто этот человек на снимке?

Глаза девушки заблестели, она часто закивала: "Да-да, я расскажу. Сейчас". – Она, вероятно, тоже подбирала слова. Да и как распахнуть душу первому встречному? Отпила глоток чая.

– Вот печенье, вчера пекла, – подвинула Настя хрустальную вазочку.

– Спасибо, красивое.

– Попробуй, ещё и вкусное.

Алёна взяла печенье и задумалась.

– Да, это сделала я, хотя это единственная у меня его фотография.

– Не надо было этого делать, – осторожно начала Анастасия Михайловна.

Она собиралась рассказать, как грешно совершать такие страшные языческие обряды и какими последствиями это грозит, но, посмотрев на девушку, промолчала.

Та держала печенье у самого лица, невидящие глаза уставились в одну точку: "Да, я расскажу вам всё. У меня, кроме старенького дяди, никого не было. Родители давно ушли, один за другим..."

* * *

– В то время я училась в художественном училище. После третьего курса нас повезли на пленэр. Чудесная гористая местность, стада овец, красные сосны на противоположном склоне, феерические закаты и восходы. Днём писали этюды, ночью развлекались, кто как может. В первый день, купив у пастухов ягнёнка, жарили шашлык, пели под гитару. Пламя огромного костра выбрасывало фонтаны искр, будто каждая искорка рвалась в небо, мечтая стать звёздочкой.

Он учился на параллельном отделении и понравился мне с первого курса. Здесь же, в неформальной обстановке, он признался, что тоже без ума от меня. И завертелось, закрутилось. Закипели страсти. До конца пленэра оставалось два дня, когда он попытался овладеть мною силой. Я же, воспитанная строгими родителями и давшая маме обещание оставаться целомудренной до самой свадьбы, не позволила ему... Расстелив под соснами спальник, мы лежали, глядя в бездонную черноту ночи, мигающую мириадами звёздных светлячков. Он уговаривал меня очень долго. Стал яростно целовать, и такие слова мне говорил, ну, вы сами знаете, слова, которые мечтает услышать каждая женщина. Голова у меня закружилась, я перестала слушаться голоса рассудка и без остатка отдалась жгучему чувству. Потом мы долго лежали рука в руке, пока я не стала замерзать. Простившись, ушла в палатку к своим девочкам. Все давно спали. Тихонько забралась в спальный мешок и сразу заснула.

Проснувшись от дикого озноба. Встала, надела тёплый спортивный костюм, но сон пропал. Что я наделала! Нарушила обещание, данное умирающей матери. Нет, я не смогу с этим жить! Выскочила из палатки и понеслась к лесному озеру, тёмное зеркало которого со склонившимися к нему деревцами я писала вчера акварельными красками. Густой туман клубился в низинах, заря только-только начинала теплиться. Я даже сама теперь не знаю, зачем я туда бежала? Утопиться? Не знаю. Вдруг из-за кустов выскочила огромная собака и бешено залаяла. Сердце будто разлетелось на несколько частей, и каждый кусок бешено заколотился. Царапая руки и одежду, рванула к палаткам. Девчонки ещё спали. Забравшись в мешок, я беззвучно плакала, трясясь, как в лихорадке. Нарыдалась и не помню, как заснула.

Утром на этюды не пошла, сказавшись больной. Пришёл он. Клялся в вечной любви. Любви до гроба. Постепенно мне стало легче, я повеселела. Мы взяли этюдники, папки для набросков и пошли подальше от всех.

– Алёнушка, чай остывает, – заметила заботливая хозяйка.

– Ах да, спасибо, – откусив, наконец, кусочек печенья, Алёна взяла чашку с чаем и продолжила рассказ: – Закончилась наша летняя практика, родители Саши (я забыла сказать, его звали Саша) купили ему однокомнатную квартиру, и мы стали в ней жить. Его родители оба были военнослужащими. Отец – военный лётчик. В деньгах семья никогда не нуждалась. С женой они не советовали торопиться: "Вот окончите училище..., может, дальше захотите учиться...". Мне тогда казалось, что это довольно веские аргументы.

Закончили четвёртый курс, защитили дипломы. Я забеременела. И сразу же начался токсикоз. Ни о каком поступлении в институт мысли и не возникали, не до того было. Выворачивало наизнанку практически от любой еды.

– У тебя есть ребёночек? – нектати спросила Анастасия Михайловна, любившая детей.

Алёна, покрутив головой, – "Слушайте дальше" – продолжала:

– Саша поступил в институт. В сентябре начались занятия. Он отличный график. Я фанатка живописи, но запаха красок, растворителей не могла теперь переносить. Саша особого восторга по поводу предстоящего рождения ребёнка не выказал, и как-то постепенно чувства его гасли и остывали. Приходил поздно, ел, что я с трудом готовила (даже запахи пищи не переносила), ложился спать или читал на кухне. Мы стали как чужие. Его родные журили нас: "Рано, рано с ребёнком-то, может, аборт сделать. Выучиться надо, а потом детей заводить".

Однажды я вышла после очередного приступа рвоты в парк на свежий воздух, села на лавку. Вдруг изнутри меня что-то легонько толкнуло. От неожиданности вздрогнула. Я поняла: это дал о себе знать мой малыш. Потом он медленно провёл ручкой, а может, ножкой. Я тогда вспомнила, как у тёткиной кошки котята в животе толкались, и расплылась до ушей. Как ни странно, с того дня мой токсикоз пошёл на убыль, и я чаще стала выходить в парк – ребёночку нужен кислород.

И вот, как-то иду по дорожке и вижу своего Сашку на скамейке в обнимку с высоченной девицей, чуть ли не с него ростом, а он около двух метров. Глаза в глаза, и что-то восторженно ей рассказывает. Голова закружилась, я кинулась на другую аллею за кустами и, опустившись на ближнюю скамейку, кажется, на какое-то время потеряла сознание. У меня тогда ещё был низкий гемоглобин. Придя до-

мой, места себе не находила. Саше я не сказала, что видела его, а он, понятно, не признался в измене. Я жила дальше, думая только о ребёнке. И, как говорят, беда не приходит одна: умер дядя. Все хлопоты, естественно, легли на меня. Усталость, стресс, душевное перенапряжение привели к угрозе выкидыша. Первый раз всё обошлось. Мне что-то прокололи и через десять дней выписали. За это время Саша только раз навестил меня. Сунул пакетик с парой яблок и апельсином и убежал, сославшись на какую-то сверхурочную лекцию.

Второй раз был и последним. Я потеряла ребёнка. А случилось это после того, как его родители заявили ко мне и сообщили, что Саша женится. Они, мол, посоветовавшись, решили оставить квартиру за мной и будущим ребёнком. Я, помню, не проронила ни слова. Молча выслушала, молча прикрыла за ними дверь и потеряла сознание. Очнувшись в роддоме. Меня по щекам хлопал доктор в белом халате. Он сочувственно сообщил, что ребёнка спасти не удалось. Вечером пришёл Саша и сказал, что это даже к лучшему. Слушать его не было сил и я, попросив принести мою одежду, отвернулась к стене.

Через несколько дней выписалась. Он больше не появлялся. Все мои мысли первое время были только об умершей девочке. Казалось: душа плакала через глаза. Слезы текли сами собой. Это он виноват, только он! И вот, один раз, глядя на эту фотографию, с которой я не расставалась, схватила иголку и казнила его, как могла. Мне невыносимо стало сознавать, что он где-то благоденствует: ест, пьёт, смеётся, а мою девочку закопали. Она ещё и не жила, а уже умерла. Я всем сердцем в минуту душевного затмения желала ему смерти.

Анастасия Михайловна, переживая вместе с рассказчицей, качала головой.

– Больше вам скажу. Я ведь, как одержимая, писала акварелью, маслом и пастелью десятки его портретов. Я восхищалась каждой чёрточкой дорогого лица. Все стены в нашей комнате увешала его портретами, чтобы и в его отсутствие ощущать рядом любимого человека. Когда же осознала, что он виновен в гибели нашей крошки, я каждый день с маниакальной методичностью стала *казнить* по одному портреты. Теперь все они висят безглазые. Потом проклинала себя, ведь это моя первая и единственная любовь! Как жить в этой квартире, где каждый завиток на обоях был свидетелем счастливых моментов нашей любви, а теперь его безглазые лица самодовольно улыбаются! Вам, Настасья Михайловна, может показаться, что у меня крыша съехала, но нет, пока ещё нет...

И вот, на днях, выгуливая дядину Белку, когда она побежала за какой-то дворнягой, а я за ней, оставила на скамье сумку. Когда вернулась, сумки не было. На следующий день увидела ваше объявление. Поняла, что это знак свыше. Я верну им ключ, а сама перееду в дядину квартиру. Сделаю там ремонт и начну с чистого листа. Мне сегодня кондуктор продала счастливый билет... Я переболею всем этим, окрепну, сдам квартиру и уеду в Питер. Поступлю в академию. И, может, когда-нибудь его прощу...

Простите, что загрузила вас своими проблемами. Спасибо вам огромное. Вот, раскрыла свою душу, сердечную боль отпустило...Сегодня же соберу вещи и перееду в дядину квартиру. Постараюсь всё забыть.

– А чай ты так и не допила, – всё-таки заметила Анастасия Михайловна.

– Спасибо. Простите, мне пора. – Она положила кошелёк в яркий цветастый пакет, взяла шпичку на руки и, попрощавшись, ушла.

Освобождённая из балконной ссылки Аста, выйдя в коридор, высказала накопившееся недовольство серьёзным ворчанием. "Да ладно тебе, ладно, успокойся, – погладила Настя собаку по голове, – хорошая, хорошая моя. Вот банальная, старая, как мир, история этой Алёнушки, а ведь для каждой женщины, созданной для любви, мужское предательство – страшный удар. Но надо, вопреки всему, найти в себе силы и жить дальше..."

АЛЕКСАНДР ОСТАПЕНКО

Сочи

Александр Викторович Остапенко родился в 1980 году в городе Тольятти. В Волгограде окончил медицинский колледж и медицинскую академию. Там же работал на "скорой помощи". В настоящее время живёт и работает в городе Сочи. Публиковался в газете "Кубанский писатель".

КОЛОБОК 2.0

(Новый взгляд на старую сказку)

0.0.

Жили-были старик со старухой. Вот и говорит как-то старик своей старухе:

– Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусекам помети, не наберёшь ли муки на колобок?

Опешила старуха. Лет ей было предостаточно, и что такое "сусек", она забыла.

– Слышь, старый? А где у нас сусек? И как он выглядит? – прошамкала старуха, вопрошая у своего благоверного. Дед почесал в затылке.

– А чёрт его знает! Я тоже запомнил! А ты погугли! Вон от внучки старый компьютер остался!

– И то верно!

Старуха села за стол, смахнула с древнего системника пыль, сняла с монитора вышитую салфетку. Глухо завыл кулер, мерно защёлкал "винт". Экран заморгал и засветился, как полагается, через пару минут загрузки явив миру заставку операционной системы.

– Как там внучка меня учила? – самоуверенно ткнула старуха пару клавиш. – Мне бы только... Этот, как его? Браузер бы запустить!

Дед с умилением смотрел, как, водрузив на нос пенсне, сгорбившись, старуха тыкала пальцами в клавиши, пытаясь в строке поиска набрать слово "сусек". Долго ждал дедушка, но, как говорится, "скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается". Наконец, не выдержал старик:

– Ну, старая! Узнала, что ли?

– А? – старуха оторвалась от монитора, вытирая свои слезящиеся глаза. – Что узнала? погоди ты со своим сусеком и колобком! Слышал новость? Петросян разводится со Степаненко!

– Иди ты! – дед аж подпрыгнул от неожиданности. – Не может быть!

– Сам погляди!

Дед пододвинул ещё один стул и сел рядом со своей старухой... Так и не вспомнили в тот день старик со старухой, что такое сусек, не испекли колобка. Зато многое узнали они из всемирной сети про разводы звёзд, про "Дом-2", про пенсионную реформу да санкции иноземные, про... да про многое чего. Но это сюжет уже совсем другой сказки!

1.0.

Так или иначе, но в свой срок колобок был испечён. Испечён и одушевлён. А в ходе становления своей личности Колобок неизбежно столкнулся с кризисом, который вылился в бунт, сопровождаемый побегом из отчего дома... А может, и кризиса личности-то и не было, а Колобок просто догадался о своём истинном предназначении? Что так или иначе быть ему съеденным? Ведь не зря положили его остужаться на подоконник. Не будем гадать о причинах, поговорим о том, что Колобок покатился в дальнюю даль и на своем пути он встретил несколько тёмных личностей, от которых благополучно

убежал. Как спросите вы, существо из рыхлого теста, без ручек и ножек, сумело обхитрить таких зверей, как заяц, волк и медведь? А вот как!

Заяц, хоть и был трусоват, однако являлся далеко не глупым зверем. Благодаря своей хитрости, он выживал в диком лесу, в котором всякий хищник пытался его съесть. Эту главенствующую черту его характера колобок разглядел сразу, едва они познакомились. А поэтому, решив, что ничего хорошего от ушастого не жди, сразу ошарашил косого, напористо бросившись в атаку. Для нападения Колобок использовал риторику "Магазина на диване", которую, пребывая на подоконнике, он успел наслушаться вдоволь.

– Сегодня и только сегодня мы предлагаем наш эксклюзивный товар! Уникальное средство для ухода за шёрсткой! При заказе двух баночек, только сегодня вы получите третью по совершенно символической цене! Возможна оплата наличным или безналичным расчётом. При покупке шести баночек возможна рассрочка!

Косой от неожиданности на самом деле окосел. Стрельнув ушами, он затрусил прочь, от греха подальше. При всей своей животной хитрости заяц неоднократно попадался на уловки всевозможных проходимцев. После оказии с "МММ" косой как никогда понял, что представляет собой "финансовая пирамида". Сетевой маркетинг заяц тоже недолюбливал. Свежо было ещё в его памяти разочарование от новомодного, патентованного средства для поднятия храбрости "Трын-трава", купленного им на медни в кредит, по заявленной цене 999,99 целковых. Обещанного эффекта заяц не дождался, зато потом целую неделю мучился животом.

Едва засверкали мохнатые пятки зайца вдали, Колобок отправился дальше, чтобы на повороте столкнуться лицом к лицу с волком. Матерый волчара, предплечья которого украшали синие звезды, а во всю спину красовались купола, сегодня, как никогда, оказался зол и голоден. Он только что вышел на свободу, и сейчас перед ним стояла проблема соискания хлеба насущного. А тут сам господь Бог направил в его лапы пропитание! Ну, чем не знак? Волчара, взрыкнув и перекрестившись, облизался. Он, как и многие грешники с тюремным прошлым, оказался истово верующим. Что, конечно, не ускользнуло от внимания Колобка, как и тот факт, что зубы волка остры, а взгляд алчно-голодный.

– Скажите, вы верите в то, что мир совершенен? Наполнено ли ваше существование страданием? – кротко начал Колобок. – Ибо кратковременное лёгкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно.

Откуда кусок теста в столь юном возрасте оказался нашпигован, что твоя кулебяка капустой, цитатами из Священного писания – не скажу (может, виной тому тесное общение бабки со свидетелями Иеговы?), но цитаты из Жития святых, Ветхого и Нового завета так и сыпались изо рта Колобка. Ошеломлённый волк слушал своего визави сначала недоверчиво, а затем со вниманием и огнём истинной веры в жёлтых глазах. Так, должно быть, слушали евреи старика Моисея, когда тот пообещал им землю обетованную. Наконец ровный духовный строй мыслей волчьих был сломлен теологическим напором говорливого Колобка и, с надрывом закричав: "В скит! Покаяться! Епитимью наложить! Всё отринуть! В грехе, в грехе страшном живу!", – убежал прочь, подвывая на ходу. Довольный результатом, Колобок чертыхнулся и покатил дальше.

На медведя Колобок наткнулся случайно. Решив срезать путь, он покатился сквозь малинник, где и столкнулся с угрюмым бирюком Михаилом Потапычем. Тот, то ли от обиды, то ли ещё по каким-то причинам, не стал разбираться, а немедля подхватил когтистой лапой Колобка да прицелился зубами в его округлый бок. Едва огромные зубы мишки коснулись аппетитной корочки его бока, как Колобок неожиданно для самого себя завопил голосом Жириновского:

– Подонки! Отставить! Диктатура – это запор. Демократия – понос. Выбирайте, что вам больше нравится!

От удивления медведь разжал челюсти, и Колобок шлёпнулся в одуванчики. От удара о землю временное умопомешательство немного затянулось, выдавая из подсознания беглеца ещё немного Жириновского:

– Спонсировать юных и талантливых композиторов? Вам, б...ь, чумачечей весны мало?

Медведь неуверенно сделал шаг назад. Если бы его сейчас спросили в духе Остапа Бендера: "Ваше политическое кредо?", он всенепременно ответил бы, как и Полесов: "Всегда!", имея в виду, конечно, что он анархист и вообще, по природе аполитичен. Колобок, видя сомнение на морде медведя, стал развивать атаку, повышая голос, выкрикивая лозунги:

– Я сторонник реабилитации Кощея Бессмертного! Женщина должна сидеть дома, плакать, штопать и готовить! Я готов плюнуть тому в лицо, кто скажет, что я некультурный!

Вконец опешивший медведь, решив, что судьба его столкнула с умалишённым, спешно ретировался подобру-поздорову, под аккомпанемент бессмертных цитат известного политика. Михаил Потопович по жизни не отличался многословием. Кличка "бирюк" крепко прицепилась к нему. Но своё отношение к современной политике, убегая от чудного существа без ручек и ножек, но с громким голосом, он всё-таки высказал. Внезапно накотивший на него приступ "медвежьей болезни" однозначно показал это.

– Выгони его отсюда, подлеца, и расстреляй его там, в коридоре! – пробормотал, задыхаясь, Колобок, морща нос и двигаясь в сторону, стараясь держаться по ветру. – Политика дело грязное, как ни крути!

2.0.

Художница-осень щедро раскрасила лес в золото и пурпур. Некогда изумрудный наряд дубов и буков сменился на яркий сарафан с кружевами самых ярких цветов. Резные листья на ветках и земле после дождя заиграли только ярче. Короткий, но сильный ливень, сопровождаемый грозой, промыл воздух, добавив ему живительной свежести. Воды упало столько с тёмных небес, что серая глинистая почва раскисла от влаги, сделалась скользкой и липкой. Но это было не страшно – ковёр из опавших листьев прикрывал набухшую от влаги землю. Лиса с восторгом кралась среди чёрных, блестящих стволов, среди полуголых кустарников, наслаждаясь погодой и тишиной осеннего леса. Её осторожные крадущиеся шаги сопровождал тихий, едва слышимый шелест и шорох. Это сброшенный лиственный наряд обнажившегося бесстыдно леса звал её вкрадчиво, что-то внушал и обещал ей...

Лиса любила осень. Любила, несмотря на то, что за цветной осенью неизбежно и бесповоротно наступит монохромная зима – холодная, а порой и голодная пора. Впрочем, несмотря на все неудобства, у зимы своё очарование. Но не успела лиса обдумать все прелести холодного сезона, как впереди послышалось пение. Лиса замерла, наострив ушки. Тоненький голосок выводил, то и дело не попадая в ноты: "Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл..." Заинтригованная пением, лиса рыжей тенью скользнула вперёд на голос, прячась за деревьями. Тот же голосок продолжал хвастаться дальше, как он ушёл от зайца, волка и медведя. Движимая любопытством, лисица выглянула из кустов. Её взору предстал катящийся по грязной тропинке шар тёмно-коричневого цвета, с многочисленными вмятинами и следами от зубов на округлых боках. Кроме этого, Колобок, как сумела разглядеть плутовка, обладал парой вострых глаз, вздёрнутым носиком и широким безгубым ртом.

"Это интересно!", – подумала лисица и плавно перетекла из своего укрытия на тропку, преграждая путь странному существу.

– Привет! – поздоровалась хитрая лиса. – Ты кто?

Странное существо сделало круг вокруг лисицы, взметая в воздух кружева из листьев.

– Я Колобок, – представился он.

– Извините, милейший, но мне случайно удалось подслушать вашу песню! – добавила лисица в свой льстивый голосок ещё мёду. – Не смогли бы вы спеть её ещё раз?

Вблизи от колобка вкусно пахло ржаным хлебом. И ведь сказать, что лиса была голодна, нельзя – ещё утром она утащила курочку из курятника в соседней деревне. Но день близился к полудню, и запах печеного теста будил в ней аппетит. Колобок, польщённый вниманием к своей персоне, фальшиво пропел ещё раз про свои подвиги.

– Ах-ах-ах! – восхитилась лиса. – Какой голосок! Ну, спойте мне ещё! Спойте! Дайте мне, дайте мне насладиться вашим пением! Запрыгивайте мне на носик, и спойте ещё раз!

Лесть – инструмент тонкий, и лиса им владела мастерски. Он ей в своё время помог обмануть ворону, обладательницу приличного куска сыра. Введённый в заблуждение сладким голоском и манерами коварной плутовки, Колобок вспрыгнул лисице на ее морду..., чтобы встретить свой неизбежный конец.

А что лиса? Лиса улыбнулась, усмехнулась да, облизнувшись, двинулась вновь по лесу лёгким, скользящим шагом.

Впрочем, дальнейшая её участь оказалась незавидной. Колобок, проделав свой нелёгкий путь по лесу, оказался источником кишечной инфекции. Муку-то бабка по неведомым сусекам подметала! Была ли это стафилококковая инфекция или вульгарная кишечная палочка, про то нам не ведомо. Но спустя несколько дней хитрованка-лисица издохла. И не было в том волшебном лесу никого, кто смог бы ей помочь. Единственный на всех зверей ветеринар Айболит в то время пребывал в командировке, в далёкой Африке, спасал звериную детвору на берегах широкой Лимпопо...

ЕКАТЕРИНА КИРИЧЕНКО

Новокубанск

Кириченко Екатерина Ивановна родилась в 1992 году в городе Гулькевичи Краснодарского края, много лет живёт в соседнем Новокубанске. В 2010 году после окончания школы поступила на филологический факультет Армавирской государственной педагогической академии. Получив диплом, продолжила обучение в аспирантуре АГПУ, совмещая учёбу с работой в сельской школе. Проработав три года учителем русского языка и литературы, связала свою деятельность с книгами, став библиотекарем. В настоящее время работает в Новокубанской межпоселенческой библиотеке.

В июле 2021 года Екатерина стала лауреатом международного фестиваля-конкурса "Берега дружбы".

НЕ ЗНАЮ, ЕСТЬ ЛИ В МИРЕ ЧУДЕСА...

* * *

Не знаю, есть ли в мире чудеса,
Но верить хочется в отзывчивые души,
В поддержку друга. В то, что можешь сам
Помочь, понять и стать немного лучше.

Давайте в небо отпускать добро.
Оно на землю счастьем возвратится.
Для всех, кто чистым сердцем наделён,
Кто к жизни светлым взором обратится.

Письмо родному городу

Мой ясный город, светлый город,
Мой близкий друг, мой добрый край.
Моя душа, моя опора,
Мой ветреный, дождливый май.

Мой мир родной, мой город детства.
Здесь был мной сделан первый шаг.
Здесь я из дома по соседству
Ушла, волнуясь, чуть дыша,

В ту жизнь, где нет для сказок места,
А за улыбкой нет тепла.
Там цель оправдывает средства,
Порой не осуждая зла.

Мой город, ты помог поверить,
Что существует путь другой:
Ведь у тебя открыты двери
Туда, где счастье и покой.

И ты простишь меня за слабость.
За неумение жить и ждать.
А за мгновений прошлых радость
Тебе "Спасибо" как сказать?

Как выразить всю благодарность
За верную любовь твою?
Дорог вечернюю туманность
Огнями слова озарю.

Под солнцем улицы твои пусть
Сияют. Процветай, расти!
Не знай усталости и грусти
И смело сквозь века иди.

* * *

Очередная суббота серого декабря.
Время, когда мы подводим итоги дней
Прожитых месяцев старого календаря,
Давших нам страх и сомненья в сиянье огней.

Время беспечно двигается вперёд.
Прежде, чем ты успеешь взглянуть назад,
Прежде, чем спросишь:
"Что ещё в жизни ждёт?",
Часы на стене двенадцать пробуют подряд.

Итоги отмечены. Нужно бы сделать шаг
В другую сторону. Время отмерит срок.
Мир обновлённый пока нам не друг, не враг,
Смотрит на нас, испытанья готова впрок.

Ждать и надеяться? Вряд ли вся правда в том.
Наши надежды всегда превращались в дым.
Счастье искали раньше извне, "в простом".
В новую жизнь войдём каждый со своим.

Счастье в себе найти. Мир нам его не даст
В очередную субботу серого декабря.
Смело стучит январь. Ровно двенадцать раз.
Здравствуй же, заходи. Я прошу, будь не зря.

* * *

И нет причин на лучшее надеяться,
Но есть желанье верить в чудеса.
Тогда царила гордая метелица,
И в мутном небе стали угасать

Мечты о невозможном. И хотелось лишь
Прорваться сквозь тоску безумных выюг.
Тогда бессилье самолюбье тешило,
Управы не найдя на снег вокруг.

Неверие в мечты чревато бедами.
Неверие в себя – конец всему.
Но вдруг ты произнёс: "За нами следуют
Не снегопады, горькие заведомо,
А волшебство...". Не знаю, почему,

Приняв за правду сущую безделицу,
Мгновенно успокоилась душа.
И, выглянув в окно, я не метелицу,
А чародейку добрую нашла.

Играет жизнь, надежды нет на лучшее.
Но есть мечта. Её горит звезда.
И вера в счастье, знаю, не разрушена.
И вера в сказку в сердце навсегда.

* * *

С новым светом, с новым миром,
С новым шансом на полёт.
С новой силой. Друг мой милый,
Может, будем мы любимы,
Верю, будем мы любимы...
С новой жизнью – в новый год.

С новым ходом дней грядущих.
С блеском ясным торжества
Юных красок, не потухших
Сквозь лёд тонкого стекла.

Пусть в тумане очертанья
Нас зовущих перемен,
Так ли страшно ожиданье?
Разве нет очарованья
Сдаться в этот бурный плен?

С новой песней, с новой верой
В сны. В могущество мечты,
Слова, дела, цели, меры...
И в возможность сделать первый
Шаг из царства темноты.

* * *

Ложатся строки легко и просто,
Так снег усталый на землю лёг,
Скользя, слоняясь по перекрёсткам
Больших и малых к земле дорог.

И мягко, плавно на лист тетрадный
Крадутся мысли, ступая в ряд.
Пусть не рождается слог нарядный,
Высокопарных речей парад,

Пусть буквы, хлопьями рассыпаясь,
Обычным словом решатся стать.
Со снегопадом не расставаясь,
Простую мысль запишу в тетрадь.

Декабрь пишет узор морозный,
Гордясь таинственным мастерством.
Простые мысли, на небе звёздном
Вы снежным станете колдовством.

* * *

Жизнь совершает поворот.
За поворотом – свет?
Апрель зовёт за горизонт
В даль неизвестных лет.

Жизнь совершает поворот.
За ним – твоя мечта?
Провал, паденье, может, взлёт?
Рассветов череда?

Не говори, что жизнь стоит,
Устав, застыв в тоске.
Она не прячется от битв.
Однажды налегке

И ты отправишься за ней,
Хоть будет путь далёк.
Во власти солнца ли, дождей,
По тысяче дорог.

Что ожидает там, в пути,
Не знаешь наперёд.
Ну, а пока рискни зайти
За первый поворот.

Не знаешь, что произойдёт,
Но сердце греет мысль:
Лишь совершая поворот,
Жизнь обретает смысл.

Читательские страхи

* * *

Страхи мои всем довольно знакомы.
Ими бываю порой я ведома.
Как одолеть их, в конце-то концов?
Надо взглянуть своим страхам в лицо.

* * *

И ручка трепещет в трясущихся пальцах,
Вся жизнь пред глазами проносится вмиг.
Так хочется в месте другом оказаться...
И вдруг раздаётся мучения крик:
"Как мог допустить я подобный провал?
Как мог я неверно заполнить журнал?!"

* * *

Разложу перед собою
Документов проспект.
Тут техкарты, мониторинг,
Там конспект и здесь конспект.
Вот отчёты, вот тетради.
Так за часом час идёт.
Полночь уж совсем некстати.
Спать пора? Сон подождёт!

* * *

Скажу вам честно и без сожаленья,
Работаю я с воодушевленьем.
Но иногда в лазурном небосводе
Сгустятся тучи в мрачном хороводе.
В любви к работе наступает драма,
Когда пишу рабочие программы...

Переводы

Стихи Царенковой Натальи
Перевод с белорусского языка

* * *

Моя надежда, моя радость,
Прошу, найди, найди меня.
Года идут, и нам осталось
Их неизбежный ход принять.
А если вдруг беда накроет,
Прошу: ты рядом будь всегда,
Вдвоём мы одолеем горе,
Ты лишь меня не покидай.

* * *

Какие тайны прячутся вдали?
Берёзы тень под облаком таится.
И в небе росчерки – стремительные птицы –
Мне ленты детства в косы заплели.
А осени опавшая листва
Кому свои оставила слова?

* * *

Как часто мы жестоки к тем, кто рядом.
Так в череде обид становится жизнь адом.
Случается, в делах, ненужных и пустых,
Не ценим близких мы, любимых и родных.
В мечтах – за чаем тёплый разговор,
А выбираем – холодность, раздор.

* * *

Не каждый рифмоплёт – поэт.
Не всякий стих звенит, как песня.
Сейчас известен на весь свет,
А завтра – всем неинтересен.
Сегодня – слава и почёт,
Потом – предъявит время счёт.

* * *

Млечный путь сверкает в небе,
Отражая жёлтый свет.
Спутник-месяц звёзды сеет:
В ниве ночи виден след.
Всё укрыто мягким флёром,
Только месяц мой блестит.
Станет он в пути опорой,
Щедро будет мне светить.

* * *

Полон сил,
Готов сражаться
За счастливую судьбу,
В путь вступил
Народ за счастье
И в священную борьбу.
Нужно уповать на смелость,
Лёгкий путь лишь на словах.
Звать удачу, силу, верность –
И не подведут дела.
Если всё в команде делать,
То и твой окрепнет дух.
Сам – в трясине сгинешь мелкой.
А с народом – можно смело
Сбросить камни, словно пух.

* * *

Идём, не зная страха,
Пусть под ногами прах.
Для нас тропа – из злата,
А вечность – в двух шагах.
Ведь нам любовь откроет,
Как бесконечен свет,
Песком навевает гору...
И тут же века бег
Покажется нам скорым,
Как ход песчаных рек.

* * *

Мгновением юность прекрасна,
Чудесна желаньем любить.
Так принц из далёкого царства
На трели амура спешит,

Любимую ищет. И тени
Влюблённых танцуют свой вальс.
Загадочных дев соблазняют
Волнуют и трогают вас.

Стихи Фандиковой Марии
Перевод с украинского языка

* * *

Дотянусь до мечты
И станцую с огнём.
Мысли прочь. Ни версты
Мы с тобой не пройдем.

Жду я солнца, тепла
Даже в осени дни.
Хватит ждать у окна...
Моё счастье верни.

* * *

Пусть время идёт,
Пусть всё изменилось,
А в сердце живёт,
Ещё сохранилось
Живое чутьё
И связь между нами,
Как небытие,
Что ведает снами.

Хоть мы и не те,
Хоть мы изменились,
Вот так, в тесноте,
Остались, не сбылись
Желанья души,
Да, им не свершиться,
Страдания в тиши,
Которым границ нет.

Хоть время идёт,
Но нет больше воли
Забыть наш полёт.
Устала от боли.
Все мысли о том,
Как взгляд твой похитить.
Пусть ты и не мой,
Припасть к тебе тихо.

Так сильно люблю,
Что страшно и больно.
Себя я корю
За слабую волю.
И каждый мой сон
С тех пор и доныне
В борьбу превращён,
В бои и руины.

Хоть ты и не тот,
И вовсе не та я,
На помощь придёт
Нам правда святая.
Мы знаем с тобой,
Звучит это просто:
Пройти может всё,
А грех остается.

И жить будет боль
Со мною до смерти.
С бескрайнею мглой
Умчусь в круговерти.
Останусь одна,
Лишь мысли и память.
Узнаю сполна,
Как грусть горько давит.

ВЛАДИМИР НЕСТЕРЕНКО

Брюховецкая, Краснодарский край

Владимир Дмитриевич Нестеренко родился 1 августа 1951 года в станице Брюховецкой Краснодарского края. Владимир Дмитриевич – член Союза писателей СССР и России с 1988 года. Заслуженный журналист Кубани. Лауреат премии администрации Краснодарского края в области культуры за произведения для детей и литературной премии имени Епистинии Степановой. Награждён медалью "За трудовое отличие" и медалью имени Н. В. Гоголя Союза писателей России, а также дипломом журнала "Мурзилка" – "За верность и преданность Детству". Стихи Владимир Нестеренко пишет более 35 лет. В издательствах Краснодар, Ростова-на-Дону, Москвы и других опубликовано около 80 книг поэта. Его произведения вошли в хрестоматии и антологии детской литературы, в учебники по кубановедению. На стихи поэта написано более 50 песен.

В этом году известный кубанский детский поэт отметил 70-летие. В связи с этим событием Краснодарская краевая детская библиотека организовала и провела литературное онлайн-поздравление "Юбилей писателя – праздник для читателя". Открыл онлайн-встречу и поздравил юбиляра Г.В. Жуков, заместитель министра культуры Краснодарского края. Директор краевой детской библиотеки Т.И. Хачатурова продолжила эстафету поздравлений. С.Н. Макарова-Гриценко, кубанские детские писатели и поэты М.В. Тараненко и Н.А. Ивеншев тоже присоединились к поздравлениям и сказали добрые слова и пожелания Владимиру Нестеренко. Читатели "Игнатовки" с большим удовольствием приняли участие в онлайн-поздравлении. Они с детской непосредственностью, эмоционально говорили поэту замечательные слова и читали любимые произведения.

С днем рождения, Владимир Дмитриевич! Гармонии, радости и творческого вдохновения вам на долгие годы!

Дорожка

От крылечка, от порожка
Начинается дорожка
И ведёт туда, где небо
Близко сходится с землёй.
Та дорожка, где б ты ни был,
Приведёт всегда домой.

Эхо

В гости к другу я приехал.
Мы пошли к ущелью с ним.
Друг сказал: "Живёт здесь эхо.
Мы сейчас поговорим".

Эху он сказал: "Привет!".
А оно – "Привет!" в ответ.
Друг послал "Привет!" свой снова.
Возвратилось сразу слово.
И, признаюсь, без успеха
Говорил я тоже с эхом.
Рассердившись, крикнул: "Знай:
Ты не эхо – попугай!"
Ждал ответа я. Вдруг – чудо:
Вздых послышался оттуда.
И хоть эхо я не видел,
Понял, что его обидел.
Друг воскликнул: "Что ж такое:
Вроде эхо, а – живое".

Интернет: да и нет

С шести моих дошкольных лет
Мне помогает Интернет.
Пошёл я в школу, и побед
Помог добиться Интернет.
И что есть истина, что бред,
Мне объясняет Интернет.
Я верю: давний мне секрет
Раскрыть поможет Интернет.
...Но пропускаю я обед –
Не отпускает Интернет.
Друзей моих простыл и след.
А кто виновен? Интернет.
В футбол играет мой сосед,
А мне мешает Интернет.
Я похудел. Я – как скелет.
Встать не даёт мне Интернет...
От всех людей планеты ныне
Поклон Всемирной Паутине.
Но Паутина не должна
Всех нас опутывать сполна.
Зимой и осенью, и летом,
Весной, конечно же, друзья,
Общайтесь в меру с Интернетом,
А по-другому нам нельзя!

Медвежий угол

Мы приехали в деревню
С братом Стёпою вдвоём.
Здесь, в местечке этом древнем,
Наших предков старый дом.
В нём нас встретил
Пол скрипучий
И паук на потолке.
Комаров летали тучи.
Темнота на чердаке.
... Мы сменили воду в кадке.
И соседских коз пасли.
Посадили лук на грядке.
В сад заброшенный пошли.
Мы ходили друг за другом,
Даже в чашу забрели.
Все твердят: медвежий угол –
Мы медведей не нашли!
Нам понравилась природа,
Родниковая вода.
И в любое время года
Будем ездить мы сюда.

На реке

Над рекою – ветер вольный,
Юрких ласточек полёт.
Тороплю веслом я волны –
Лодка лёгкая плывёт.

Солнце весело сияет
И подмигивает мне.
Только удочка скучает,
Приютившись на корме.

Мышка

Мышка в норке не таится.
Мышка кошки не боится
И от страха не дрожит –
У компьютера лежит.

Весёлый зонт

Глядит тоскливо чёрный зонт
На небо и на горизонт.
От самой ближней тучи ждёт,
Что скоро сильный дождь пойдёт
И по нему забарабанит,
Тогда зонту приятно станет.
...И наконец-то дождик вышел
И барабанить стал по крышам.
Он по дороге танцевал
И влагу всюду раздавал.
Хоть намочил он много шляп,
Все пели вместе с ним: "Кап-кап!".
...Грустили небо, горизонт,
Зато был очень весел зонт.

Горох

Солнцу подставил горох свой бочок –
И разошёлся по шву сюртучок.
Этим поступком горошины,
Все, как одна, – огорошены.

Концерт

Концерт дают лягушки
У камышей в реке.
Весь день поют подружки:
Ква-ква и кре-ке-ке.
То хором, то солируют.
К ним зрители добры –
Пищат и аплодируют
Лягушкам... комары.

Сыр и сыр

Король французский – сыр
Любил голландский сыр.
Зато шеф-повар сира
Всегда был против сыра,
И клал он в блюда сира
Лишь только дырки сыра.

Встреча

Повстречались утром рано
На лугу козёл с бараном.
"Бэ-э" сначала прозвучало.
"Мэ-э" – слышалось в ответ.
Вместе это означало:
– Видеть рад тебя!
– Привет!

Говорящий комар

Этот комар
Не простой,
Не зудящий.
Он – необычный,
Комар говорящий.
Он уговаривать
Может часами:
– Очень прошу,
Не машите руками
И понапрасну
Не хмурьте вы брови –
Я прилетел...
За анализом крови.

Маленький сундук

У одного бурундука
Четыре было сундука.
Орехи в первом он хранил.
А во втором картофель был.
Хранились в третьем лук с капустой,
А вот в четвёртом было пусто.
Но бурундук всем по секрету
Всегда тихонько говорил,
Что тайны он искал по свету.
Потом в четвёртом их хранил.

Лукошко

На звёздное небо
Смотрю из окошка,
Как жёлтая лодочка,
Месяц плывёт.
Закончится ночь –
И в большое лукошко
Все звёздочки быстро
Рассвет соберёт.

ЛЮДМИЛА НАЦЕВИЧ

Темрюк

В живописном приморском городе Темрюке живёт удивительная женщина – Людмила Ивановна Нацевич. Ум, красота, литературные способности – всем одарил её Господь. Но самый главный её талант – всегда, при любых обстоятельствах оставаться Человеком. Недаром так любят и уважают её родные, близкие, собраты по перу. Людмила Ивановна – поэт и прозаик, давний, верный друг Краснодарского регионального отделения Союза писателей России. Её произведения всегда эмоциональны и предельно честны, от них веет суровой документальностью и трепетной любовью к людям, животным, к родной стране, лучше которой нет на свете.

Дорогая Людмила Ивановна, редакция журнала "Краснодар литературный" сердечно поздравляет вас с юбилеем и желает крепкого здоровья, счастья, новых творческих свершений!

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Рассказ

1.

Однажды ранним утром меня разбудил птичий щебет, доносившийся с балкона. Оказывается, в углу, под потолком, ласточки лепили гнездо. "Это хорошая примета", – подумала я. Со светлыми чувствами я отправилась решать повседневные вопросы, выполнять рутинную бытовую работу, но хорошее настроение не покидало меня целый день. Вечером украдкой наблюдала за работой пернатых. Не обращая на меня никакого внимания, они деловито сновали, склеивая глиняные шарики в полусферу. Через три дня гнездо было готово, но крылатая пара продолжала хлопотать в своём жилище, таская пёрышки, ниточки, соломинки. Через неделю они притихли в гнезде, ничем не выдавая своего присутствия. К этому времени я заключила договор по застеклению балкона. Мастер любезно согласился прислать бригаду через месяц. Учитывая ситуацию с новосёлами, я просила поработать в вечернее время, чтобы ласточки не бросили птенцов. Меня радовало, что к назначенному дню желторотики оперились. Они уже чуть ли не вываливались, когда чистили пёрышки или пытались поймать муху.

Ребята сдержали слово и приехали устанавливать окна в шесть часов вечера. Работу сделали быстро, стараясь поменьше шуметь. Я сразу открыла все окна, надеясь, что ласточки не оставят своих питомцев одних на ночь, но забывшиеся от страха в угол птенцы остались одни. Всю ночь переживала, беспокоилась, но то, что увидела утром, объяснить не смогла: птенцов кормили сразу четверо ласточек. Откуда взялась ещё одна пара? Как "договорились" о взаимовыручке? Как поняли пернатые, что птенцы проголодались, для меня так и осталось загадкой.

Я была счастлива, часами наблюдала за жизнью обитателей гнезда. Разговаривала с ними, приучая к своему голосу. Купила фотоаппарат, но моего мастерства не хватило, чтобы запечатлеть ласточку на лету. Когда я увидела первый неуверенный полёт самого большого птенца, у меня упоительно заныло сердце. Потом бесстрашно расправили крылья остальные. Птенцов было четверо, к моему удивлению, летать они научились минут за двадцать. В течение дня они несколько раз появлялись в гнезде, видимо, делая перерывы на отдых. А на следующий день обитатели гнезда не вернулись. Только ближе к осени несколько раз я слышала весёлое щебетание ласточек – прощались, наверное, чтобы вернуться.

Для себя я сделала вывод, что за всё время проживания ласточкиного семейства на балконе чувствовала себя удивительно хорошо. Я была всегда в прекрасном настроении. Радость переполняла мою душу, легко стала справляться с жизненными неурядицами и трудностями – была уверена, что

смогу найти выход из любых ситуаций. Наверное, это ласточки помогли моим мыслям выпорхнуть в окно, разорвать цепи мышления, горизонты моих возможностей расширились – я многое смогу преодолеть!

2.

Вот уже несколько лет у меня на балконе поселяется семья ласточек. Как только они появляются, мы открываем окно и не закрываем его, пока птенцы не станут на крыло. Помню, в каком-то году весна выдалась холодной и долгой. Начало лета тоже было не тёплым, и ласточки долго сидели в гнезде. Мы с домочадцами старались не выходить на балкон, чтобы не беспокоить их. А птенцов всё не было, но помочь им ничем не могли. Мы предполагали, что застыли яйца, что птицы делают новую кладку, а первые птенцы погибли.

Но, наконец, появилось долгожданное потомство, и хлопотливые родители сновали на балкон и с балкона с такой стремительностью, что мы старались вообще не появляться на нём.

В этом году и у нас было много забот. В августе должны были приехать на отдых мои дети с внучкой. Надо заготовить свежей вишни, клубники, малины. Сварить варенья и намариновать огурцов и помидор. Нажарить кабачковой и баклажанной икры, закатать салатов. Насушить яблок. Купить мёду и орехов. Поэтому, когда однажды утром беспокойно защебетали ласточки, я выглянула на балкон.

Всплеснула руками от радостного события. Верхняя часть гнезда уже была разрушена. Края гнезда висели на тонких соломинках и уже не могли быть опорой для птенцов. Пара птенцов уже сидела на окне, а остальные при моём появлении забились в угол гнезда, распластав свои тельца, прилепились к стенке и к дну гнезда и затихли. Родители вылетели и кружили невдалеке, призывая своих питомцев к смелости. Один из птенцов стремительно выскользнул за ними, расправил крылья и с отчаянным свистом устремился к ближайшим электрическим проводам.

Не стала мешать учебному процессу птенцов, занялась оформлением нового фотоальбома. От моего занятия отвлёк шум и птичий гвалт на балконе. Вначале решила не обращать на них внимания. А потом поняла, что там что-то произошло. Когда я открыла дверь, ужаснулась. Гнездо упало на пол и разлетелось на мелкие катушки. Родители с писком летали около. Бесстрашно подлетали к беспомощным комочкам и отчаянно звали за собой своих чад. Один из птенцов, сидевший на перекладине стола, упал вниз, а затем, резко изменив направление, вылетел на улицу; второй, прыгнув на пол, забился в угол. Теперь я знала, где их искать. Взяла металлическую чашку, постелила в неё махровое полотенце и стала собирать их. Поймав четверых, услышала писк в противоположном углу. Там обнаружила ещё двоих птенцов. Затем зашуршало за коробкой с картошкой. Там пряталось ещё два птенца. Вначале подумала, что я ловлю одних и тех же птенцов, которые разбегались от меня в разные стороны, но, когда я их пересчитала, их было восемь. Конечно, сидеть в своём новом "гнезде" малышам не хотелось, и они вновь забивались во все углы. Понимая бесполезность своих занятий, я оставила их на волю Божию.

Но долго слушать жалобный писк не смогла. Тогда я стала выискивать птенцов по одному и подносить их к окну. Я не успевала раскрывать ладони. Птенцы от страха или от жажды жить срывались вниз и, взмахивая крыльями, взлетали, садились на электропровода ближайшей опоры. Насчитав восемь птенцов и прибавив тех птенцов, которые вылетели самостоятельно, я поняла, почему оборвалось гнездо. Конечно, старое, только чуть обновлённое, гнездо не могло выдержать суеты и веса десяти птенцов и двух взрослых ласточек, которые ещё нарочно сбрасывали своих упирающихся чад. Одного только я не могла понять, как могло появиться в гнезде десять птенцов? Или в гнезде селилась не одна пара ласточек, или ласточки из-за холодной погоды подстраховали свой приплод и снесли в два раза больше яиц? Сомнения у меня возникают и сейчас. Неужели ласточка может нести столько яиц? Она же не курица?

Но я была счастлива, когда рано утром обнаружила всё семейство, которое расположилось на окне, на подоконнике, на рукоятке передвижного сервировочного столика. Заметив меня, они сорвались со своих мест и рассыпались весёлой свистящей стайкой.

Теперь нам нужно подумать о том, как подготовить строительный материал для нового гнезда! Или ласточки сами позаботятся об этом? А вы как думаете?

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 3(5), сентябрь 2021 г.

Корректор Лидия Железовская

Подписано в печать.....20.09.2021.

Дата выпуска24.09.2021.

Формат А4 Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

* * *

Отпечатано: в ВД – У "Бумеранг"

Адрес редакции: г. Краснодар,
ул. Рождественская Набережная, 3

Ты, солнышко свитое, гори!
Как эта лапша бледнеет
перед искрами восхода дари,
так лодка из детства мчится и тлеет
перед солнцем бессмертных уток
Да здравствует солнышко,
да скроется тучка!

(А.С. Пушкин)

